

Юрий Дойков

ПИТИРИМ СОРОКИН.
Миннеаполис. Миннесота.
(1924–1930)

Архангельск
2009

Дойков, Юрий.

Питирим Сорокин. Миннеаполис. Миннесота. 1924–1930.
Архангельск, 2009. — 184 с.

Фото на обложке: Питирим Сорокин. Профессор университета
Миннесоты.

От автора

Эту часть жизни П.А. Сорокина (1924–1930) можно озаглавить его собственными словами:

«Мы участвовали, участвуем и будем участвовать в борьбе с коммунистической бандой».

16 июня 1930 в Миннеаполисе Питирим и Елена Сорокины приняли **«присягу на верность»** США и стали гражданами этой страны.

Брошюра «Питирим Сорокин в Миннеаполисе. Миннесота. (1924–1930)» написана весной 2008 г.

Юрий Дойков.

10 февраля 2009 г.
Архангельск.

§1.

Переписка с С. Харпером (1923–1930)

Основная роль в организации приезда в США принадлежит профессору Висконсинского университета Эдварду Россу. Это видно из его обширной переписки с Сорокиным.

Уроженец Среднего Запада, т.е. глубокой американской провинции, Росс был сиротой. Старше Сорокина на 23 года. Росс одна из самых динамичных фигур американской социологии. Много ездил по миру. В Индии встречался с Ганди. В России с Троцким. О Советской России написал три книги. И за короткий срок: «Россия на перевале» (1918), «Русская большевистская революция» (1921), «Русская советская республика» (1923). Написаны они с левых позиций...

В университете Висконсина с 1920-го года преподавал академик М. Ростовцев. Он и сообщил в конце декабря 1922 г. Сорокину в Прагу о готовности Росса помочь Сорокину в приезде в США.

Ведущую роль в американской социологии играл в то время, созданный в 1892 году Альбионом Смоллом, факультет социологии Чикагского университета. Смолл поддержал Росса и обратился к президенту университета Бартону... Но в письме к Россу от 14 марта 1923 г. писал:

«Я не могу поверить, что русский профессор социологии сможет найти будущее здесь, и мне кажется, жестоко давать какую-либо надежду предположению, что он может требоваться в американском университете».¹

4 августа 1923 года сам Росс писал Сорокину, что все попытки организовать приглашение Сорокина в американские 4–5 университетов (помимо Висконсинского), чтобы он смог провести по месяцу в каждом, ни к чему не привели.²

Кроме приглашения в Висконсин Сорокин смог получить приглашение от профессора Эдварда Хейса в Иллинойский университет в Урбана-Шампейн. Лекции Сорокина о

русской революции в Мэдисоне и Урбина планировались на январь 1924 года...

3 ноября 1923 года Сорокин прибыл из Европы в Бостон. 5 ноября он пишет письмо президенту Вассар Колледжа (Покипси, штат Нью-Йорк) Генри Мак-Кракену:

«Я русский профессор Сорокин, который имел честь встречаться с Вами в Праге. < > Я бы хотел быть здесь не только 4–5 месяцев, но дольше, до времени моего возможного возвращения в Россию. Я обращаюсь к Вам с величайшей просьбой, за которую извиняюсь. Нельзя ли найти мне научную работу по моей специальности (социология и психология), которая даст мне возможность быть в США».³

В ответном письме Мак-Кракен предложил Сорокину прочитать в Вассар Колледже несколько лекций о России... Насчет получения позиций в США, **«достойных Вашей репутации и способностей»** дал совет обратиться к директору Института международного образования Стивену Даггану...

9 ноября Сорокин имел с Дагганом **«обнадеживающую»** встречу.

15 ноября Сорокин побывал в Вассар Колледже. Основанный в 1861 году в маленьком городке Покипси в 75 милях от Нью-Йорка на реке Гудзон, этот колледж и доньше один из лучших в США...

Вернувшись из Вассара в Нью-Йорк Сорокин писал Мак-Кракену:

«Минувшее воскресенье в Вассар Колледже стало одним из лучших дней моей жизни...»

Первый американский адрес Сорокина – 145 Вест, 84-ая стрит, Нью-Йорк. Апартаменты эти помог ему найти Алексей Вирен*, глава Русского студенческого фонда...

* Вирен (Alexis R. Wiren) фон, Алексей Робертович (1897 – 28.08.1975 Окдейл на Лонг-Айленде шт. Нью-Йорк). Сын убитого большевиками адмирала. В США с 1917 г. Основатель Русского студенческого фонда (1920–1945). Один из основателей и директоров Толстовского фонда. Филантроп. В 1941 г. финансово поддержал Д.С. фон Мореншильда, предпринявшего издание «The Russian Review».

В эти первые дни в Нью-Йорке Сорокину удалось заключить контракт с издательством «Э.П. Даггон энд Компани» на книгу «Листы из русского дневника».

В конце ноября Сорокин вновь уезжает в Вассар...

Ещё один контакт Сорокина – профессор Самуэл Харпер из Чикагского университета. Их переписка охватывает период 1923–1930 годов...

№1

347 Madison ave.

Y.M.C.A.

Mr. Viren, for prof. P. Sorokin.

New-York city.

12 ноября 1923

Дорогой профессор Харпер:

Имея рекомендательное письмо А. Гучкова, осмеливаюсь обратиться к Вам с просьбой: нельзя ли устроить в Университете Чикаго курс моих лекций на темы: «Состояние дел в сегодняшней России», или «Социология революции», или «Социология насильственного коммунизма». Я являюсь ведущим профессором социологии в Университете Петрограда и вице-президентом Русского Социологического общества, автором многих крупных трудов: «Преступление и наказание» (1914 г.), 1 и 2 тома, «Система социологии», «Общая теория права», «Основы социологии», «Современное положение России», «Голод как фактор», и, наконец, «Социология революции». Почти все эти книги были изданы на русском языке в годы войны и революции. Некоторые из них сейчас переводятся на французский, немецкий, чешский языки. «Социология революции» была принята профессором Э. Хейсом для издания» в серии социологических работ, которую он редактирует. О «Современном положении в России» доктор Мак-Кракен написал положительную рецензию в «Нью-Йорк Пост ивнинг».

Я жил в России до конца 1922 года, когда вместе с другими крупными русскими учеными был выдворен советским правительством. Я приехал сюда, чтобы прочесть курс лекции в Университетах Висконсина

и Урбана. Может быть, Университет Чикаго сочтет нужным организовать мои лекции тоже.

В ноябре и декабре я буду жить в колледже Вассар (благодаря любезному предложению президента Мак-Кракена) и собираюсь заняться своим английским. В январе и феврале я планирую читать свой курс в Висконсине и Иллинойсе. Вы меня очень обяжете, ответив на письмо. Прошу извинить за недостаточно хороший английский язык и за беспокойство.

Искренне Ваш
Профессор П. Сорокин.⁴

№2

Чикаго, 23 ноября 1923 г.

Дорогой профессор Питирим:

Я был очень рад получить от Вас известие и особенно письмо Александра Гучкова. Я уже слышал, что Вы собирались приехать в Америку.

Здесь, в Университете Чикаго система работы несколько отличается от других учебных заведений, Мы ориентируем студента на три предмета, по которым проводятся лекции, семинары или классная работа в течение 4–5 часов каждую неделю. Поэтому студент должен придерживаться жесткого расписания Б подготовке изо дня в день, в течение периода нашей более короткой «четверти» продолжительностью 10 недель каждая. Такая организация означает, что курсы сверх плана, пусть и более короткие, невозможно включить в расписание, отличие от других учебных заведений. Кроме того, здесь, в большом городе, предлагающем много посторонних занятий, мы считаем невозможным заставлять студентов посещать сверхплановые лекции, что легко сделать в более малых сообществах, где возможности появления таких курсов ограничены. По этим причинам мы вынуждены придерживаться политики отказа от сверхплановых, кратких курсов лекций, кроме летней четверти, когда наша программа немного меняется и позволяет это.

Однако, я обсудил проблему с социологами, и они будут рады устроить одну лекцию на тему «Социо-

логия революции», за которую Университет платит 100 долларов. Мне хочется, чтобы можно было бы устроить более длинный курс, такой, как Вы читаете в Медисоне и Урбана. Наша зимняя четверть начинается 3 января. Не советую начинать Вашу лекцию ранее второй недели. Если Вы к этому времени уже будете в Урбана, Вы сможете заехать к нам по дороге в Висконсин. В любом случае, нам хотелось бы получить от Вас подтверждение за две недели о дате Вашей лекции с тем, чтобы включить ее в расписание Наряду с другими общими лекциями. Как я понимаю, Чикагский Совет по зарубежным отношениям приглашает Зензинова в Чикаго в январе или феврале, если нет, хочу предложить Вам связаться с этой организацией, чтобы устроить здесь, в Чикаго, еще одну лекцию. Возможно, Городской Клуб будет полезным, и я буду рад представить Ваше дело их вниманию, если Вы согласны выступить у них. Это местная организация, и может выплачивать выступающим лишь незначительную сумму. Я полагаю, Ваше приглашение в Медисон поступило через Э. Росса, Я не читал его последнюю книгу о России, но, надеюсь, она немного основательнее предыдущих. Мне бы очень хотелось знать, что Вы о ней думаете.

Искренне Ваш,
Самуэль Харпер.

№3

Вассар Колледж,
Покипси, Нью Йорк,

29 ноября 1923 г.

Дорогой профессор Харпер:

Искренне благодарю за Ваше доброе письмо и Вашу готовность помочь мне устроить мои лекция. Разумеется, я готов прочесть одну лекцию, предлагаемую Университетом, если тема ее будет позволять такую краткость. К сожалению, «Социология революции» настолько сложная тема, что в одной лекции я смогу дать лишь голую и сухую схему без научных доказательств и подробностей,

что вряд ли будет интересно и ценно с научной точки зрения.

Чтобы дать более менее удовлетворительный анализ революции требуется минимум 4–5 лекций. Поэтому я не могу воспользоваться этим любезным предложением. Вместо общей теории революции я могу предложить для одной лекции какую-либо отдельную проблему революции, например, «Влияние революции на биологическую основу» населения, на жизненно важные процессы, характер революционного отбора» или «Влияние революции на политическую структуру общества (Революция и государственность), или «Влияние революций на семейную жизнь и половое поведение» и т.д. ЕСЛИ мое предложение устраивает Университет, я готов прочесть одну из этих лекций.

Что касается даты, для меня удобны или начало февраля или 12–17 марта, то есть, до или после моих лекций в Городском Клубе или в Чикагском Совете зарубежных отношений. Конечно, и для меня, и для той миссии, ради которой я приехал в эту страну, это было бы и прекрасно. Думаю, что лекции Зензимова и мои будут значительно отличаться друг от друга. Мои лекции, касающиеся России, будут также отличаться от того, что я писал в своей небольшой книге о России. Ее я писал с определенной «пропагандистской» целью для русских. К тем же вопросам, безусловно, необходимо подходить иначе перед американской аудиторией в чисто научной лекции.

Я уже прочел последнюю книгу профессора Росса. В ней много верных замечаний и общих выводов. В то же время, разумеется, есть и много ошибок, иногда очень значительных. Думаю, за немногим исключением (например, статьи в лондонском «Таймсе»*, появившиеся этим летом) большинство иностранцев, пишущих о России, едва ли могут избежать ошибок. Даже русские, покинувшие Россию в 1917–19 гг., даже они часто неверно понимают сегодняшнюю ситуацию в нашей стране.

Извиняюсь за беспокойство, прошу не отказать мне и ответить на мои вопросы. Буду Вам очень

* Вероятно, статьи Гарольда Вильямса

признателен. А также прошу извинить за стиль моего английского и ошибки. Помимо моих лекций, мне бы хотелось увидеться с Вами и обсудить некоторые русские проблемы, как с человеком, глубоко понимающим ситуацию в России. Поэтому, если Вы приедете в Нью-Йорк, я буду очень рад увидеться с Вами.

Очень искренне Ваш
П. Сорокин

№4

Чикаго, 21 декабря 1923г.

Дорогой проф. Сорокин:

Пожалуйста, извините за задержку с ответом на Ваше письмо, полученное несколько недель назад. Было немного сложно закончить здесь всю подготовку. Наши весенние каникулы как раз приходятся на 12–17 марта, поэтому для нас будет удобной вторая предложенная Вами дата, а именно 1 февраля. Что касается названия, Вы совершенно правы, что лекция должна быть посвящена определенному аспекту, как я полагал в любом случае. Посоветовавшись здесь с коллегами-социологами, мы решили, что нам подойдет тема «Влияние революции на семью и мораль». Вы заметили, что я слегка изменил слова, с тем, чтобы название более соответствовало принятой здесь терминологии, заменив «половое поведение» на «мораль». Верю, что Вы поймете и примете эту замену.

Теперь, если Вы назначите дату или назовете просто день недели, кроме субботы, я закончу здесь подготовку. Затем я свяжусь с гор. Клубом и узнаю, не захотят ли они устроить после ланча беседу по какому-либо аспекту революции. Далее я свяжусь с Северо-Западным ун-том и узнаю, не захотят ли они пригласить Вас прочесть лекцию там. Это будет означать 2-дневное пребывание в Чикаго. Наша лекция будет во второй половине дня, в 4.30, и я планирую Вашу встречу с десятком людей, интересующихся здесь русскими проблемами. Вы сможете выступить в гор. Клубе в тот же день, а в Сев.-Зап. ун-те на следующий день. Я заметил, что не очень

хорошо Вы дополняете друг друга с Зензиновым, который будет выступать где-то в конце января в Совете заруб. сношений.

Мне пришло в голову, что Вас может заинтересовать следующее; Социологической Ассоциации было сделано предложение, его будут обсуждать на рождественской встрече; провести или по крайней мере поддержать исследование газетных репортажей и государств. источников информации о событиях русской революции.

Предложение, как я понимаю, поступило от г-на Джерома Дэвиса*, которого особенно интересует Россия в последние годы, и который склонен принимать без особой критики заявления большевиков о своих целях и даже достижениях.

Я не могу представить более сложный объект, чем русская революция, для изучения по газетам или из госуд. источников получения информации. И я склонен верить, что это предложение содержит в себе элемент пропаганды. Если Вашему вниманию будет представлен этот вопрос, я считаю, полезным, если Вы узнаете о нем заранее. Я думаю, предложение почти принято, почти решено, кто поведет исследование, и если меня правильно информировали, этот человек не знает ни русского языка, ни России.

Завтра я еду в Вашингтон на 10 дней, но буду дома 2 января и надеюсь получить от Вас известие с точной датой Вашей лекции.

Искр. Ваш
Самуэль Харпер

№5

Вассар Колледж,
Покипси, Нью-Йорк

25 декабря 1923.

Дорогой проф. Харпер:

Искренне благодарю Вас за доброе письмо и все, что Вы сделали для меня. Тема лекции, пред-

* Дэвис Джэром (1891–1979) – профессор социологии Йельского университета. В 1916–1918 гг. был в России. Неоднократно встречался после октября 1917 г. с Лениным.

ложенная Вами, меня вполне устраивает, время – начало февраля – тоже. Пожалуйста, назначьте мою лекцию на любой день между 1 и 7 февр., мне же удобнее всего 4–7 февраля.

Вы так добры, что устраиваете мою лекцию о России и о проблемах, связанных с нею в гор. Клубе или Сев.-Зап. ун-те, и я могу лишь поблагодарить Вас за Вашу доброту. Мое желание в отношении этого заключается лишь в том, чтобы эти лекции состоялись за несколько дней или после моей лекции в Ут-те Чикаго, но не позднее 8 февраля.

Я очень Вам признателен за информацию о предполагаемом исследовании тех вопросов, которые сейчас обсуждаются в газетах, Если я правильно Вас понял и если инициаторы этого предложения собираются изучать русские проблемы по информации из газет и документов, опубликованных Сов. правительством, и вдобавок, не зная русского языка, если все это так, тогда, боюсь, они получат совершенно ошибочные результаты, как и большинство пишущих о России заруб. писателей, включая иногда очень серьезных во всех отношениях людей. Буду Вам очень обязан, если сможете далее информировать меня об этом деле.

В заключение попрошу Вас сообщить мне о точной дате моей лекции и позволю себе послать Вам некоторые мои книги, изданные в последние годы в России. Возможно, в свободное время у Вас будет возможность просмотреть их.

Прошу прощения за Ваше беспокойство, и еще раз выражаю Вам мою глубочайшую благодарность за Ваше внимание ко мне. Для меня большая честь войти в отношения с человеком, о котором и об отце* которого я так много слышал не только от живущих ныне русских, но и от моего учителя и друга М.М. Ковалевского,

С уважением, искренне Ваш
Питирим Сорокин

В колледже Вассар я буду до 16 января, далее я прощу Вас писать по адресу: А. Вирена 347 Мэдисон Авеню, И.М.К.А., А., Нью-Йорк сити, для меня.

* Уильям Харпер – организатор и первый президент Чикагского университета.

И еще, будьте добры, укажите в Чикаго какой-либо не очень дорогой отель, где я бы мог остановиться на время моего пребывания в Чикаго.

№ 6

Чикаго, 2 янв.1923.

Дорогой проф. Сорокин:

Ваше письмо переслали мне в Вашингтон, но там я был так занят, что не смог Вам ответить.

Во-первых, успокойтесь по поводу газетных исследований, касающихся России.

Вы не вполне поняли то, что я вероятно, слишком второпях и туманно рассказал Вам об идее. Однако дело отложено, круг исследования расширен, так что русский аспект откорректирован. Объясню Вам все в деталях при встрече.

Спасибо за книги, которые я нашел по приезде сегодня утром из Вашингтона. Меня они очень интересуют, я дам их посмотреть моим коллегам-социологам, чтобы они пожалели, что не могут их прочесть.

Теперь, что касается даты Вашей лекции. 1–3 февр., пятница, суббота и воскресенье, не очень удобные дни для лекций, здесь как и везде. Поэтому дни, которые Вас устраивают больше, а именно 4–7 станут основными. Я свяжусь с Северозападным и гор. Клубом. Другие вряд ли будут так щедры как Ун-т в отношении платы, но я проведу предварительные переговоры, а Вы подтвердите свое решение. Я позабочусь, чтобы у Вас была только одна лекция в день, и назначу их в период с 4 по 7.

Ун-т находится в 7 милях от центра города. Северозападный ун-т – в 7 милях в другом – Северном – направлении. Гор. Клуб в центре города. Поэтому предлагаю Вам остановиться в центре города. Что касается гор. Клуба, куда я буду рад дать Вам карточку (пропуск) на те дни, что Вы будете здесь, – там Вы сможете встретиться с теми общественными деятелями и журналистами, которыми захотите видеть. Только дайте мне знать, как много Вы хотите таких встреч с каждой из этих групп. Самым умеренным из первоклассных оте-

лей в центре города является Ласалль, где номера стоят, вероятно, от 3.50 до 5 долларов, а стоимость обеда вполне доступна.

Если Вы не возражаете против поездок на хорошем пригор. поезде,

Вы можете остановиться в отеле рядом с Ун-том. Оттуда до центра

города, например, до гор .Клуба будет 25 минут. И тогда Вы сможете повидать больше народу и, что для меня самое важное, – мы могли бы почаще говорить вдвоем. Здесь 2 отеля, – Дель Прадо, на о9 улице и Блэк-Стоук Уиндемира, на углу об ул. и Корнелл. Цены тут такие же как в Ласалле. Если Вы сообщите мне, что Вы выбрали и какой хотите номер, я буду рад зарезервировать его для Вас.

Искренне Ваш
Самуэль Харпер.

№ 7

Вассар Колледж,
Покипси, Нью-Йорк

4 января, 1924

Дорогой проф. Харпер:

Время между 4 и 8 и даже 9 февраля для меня очень удобно. Что касается платы, я согласен на любую, мне нужно лишь покрыть мои расходы, т.к., вероятно, Вы знаете, все русские ученые сейчас бедны и должны зарабатывать на жизнь.

Благодарю Вас за сведения об отелях, я понял, что все равно, где остановиться в городе или поблизости от Ун-та. Возможно, жить ближе к университетской братии и к Вам будет лучше. Поэтому если Вы будете так добры и закажете мне номер в том отеле, который сочтете более подходящим, я буду очень благодарен. Что касается цен, то чем дешевле комната, тем лучше (после русской жизни любой американский отель будет удобным для меня).

У меня нет причин избегать общественных деятелей и газетчиков, поэтому, если у Вас нет причин считать, что интервью может быть неудобным, или повредить моей научной репутации (Вы знаете ситуацию лучше и поэтому я могу полагаться на Ваше мнение), я готов встречаться и говорить с ним столько, сколько они захотят. Пожалуйста,

извините меня за беспокойство. Буду ждать вашего письма по адресу: 347 Мэдисон Ав. И. М.К.А., г-ну Вирену для меня.

С уважением, П. Сорокин.

№ 8

Чикаго, 11 января, 1924 г.

Дорогой профессор Сорокин:

Ваша лекция в здешнем Университете окончательно назначена на вторник, 5 февраля, в 4.30. В этот не вечер я устраиваю обед для дюжины коллег, которых особенно интересует русская проблема.

Секретарь Городского Клуба сказал мне, что напишет Вам лично, чтобы устроить завтрак, если это возможно Вашим выступлением в среду, 6-го числа. Я знаю, что этот Клуб не предлагает плату выступающим из принципиальных соображений. Поэтому Вам придется рассматривать это выступление как услугу, а я могу заверить Вас, что эта организация и ее члены заслуживают такого внимания.

Настоятельно буду рекомендовать Вам, пока Вы будете в Чикаго, встретиться за завтраком с четверья-пятью журналистами, пишущими политические обзоры, которые пытаются привести, в порядок сумбур в головах в отношении русских событий, что очень важно для их работы. Его мы можем устроить совсем неофициально, чтобы Вам было удобнее.

Я принял к сведению то, что Вы писали о простом жилье, и поэтому заказал для Вас комнату в очень скромном, но приличном месте, которое едва ли заслуживает звания «отель», но к его услугам прибегают многие наши университетские деятели, и он расположен недалеко от Университета. Я слышал от друзей, что г-жа Сорокина сопровождает Вас, но так как Вы этого не упомянули, я решил, что Вы будете один, и заказал одиночный номер.

Как только определятся Ваши планы, пожалуйста, дайте мне знать, как поездом Вы приедете, так как мне доставит громадное удовольствие встретить Вас у поезда, если время прибытия не совпадет с

лекционными часами. < > Я отметил Ваше письмо в «Нью-Йорк Таймс» на днях.⁵ Если позволите, сделаю Вам предложение – как-нибудь поскорее дайте здесь понять, что в России очень непопулярно имя Бора. Несколько коллег спрашивали меня, не могли бы Вы привести этому доказательства ведь до нас доходят рассказы о коммунистическом контроле над прессой и любыми выражениями мнений. Этот вопрос не мой – я, как мне кажется, знаю на него ответ. Но я чувствую, что Вам будет интересно узнать, что подобные вопросы возникают в умах некоторых компетентных людей, прочитавших Ваше письмо.

Искренне Ваш
Самуэль Харпер

Американский сенатор Уильям Бора*, которого упомянул в этом письме С. Харпер, в 1924–1933 годах был председателем комиссии Сената по иностранным делам и выступал за установление дипломатических отношений США с большевистским правительством.

7 января 1924 года «Нью-Йорк Таймс» опубликовала на своих страницах письмо Сорокина, снабдив его заголовком: «**Бора вредит России. Идентификация народа с советским правительством ухудшает дело**».

Редактору «Нью-Йорк Таймс»

Один из основных мотивов сенатора У. Е. Бора в пользу признания советского правительства заключается в том, что Советская Россия может заполучить значительное количество американской продукции и оживить американскую торговлю и промышленность < > Я боюсь, что сенатор делает вполне ошибочные заявления и говорит о том, что он знает очень мало. < >

Сенатор Бора прав, настаивая на невозможные восстановления Европы без восстановления России, но идентифицируя русский народ с советским правительством и защищая последнее, он фактически не только не помогает русскому народу, но ухудшает его положение, помогая коммунистическим преступникам и дальше угнетать его. Это факт

* Бора Уильям Эдгар (Borah William Edgar). (1865–1940) – социолог. Сенатор (1907–1940).

объясняет, почему сенатор Бора является одним из наиболее непопулярных имен у русского народа в Советской России.

Если сенатор Бора не понимает реальной ситуации в России и объективной вредности его русской логики для русского народа, я уверен, что даже он и его сторонники поймут это в ближайшие два-три года.

Питирим Сорокин.
Бывший профессор социологии
Петроградского университета
Вице-президент Русского социологического общества.
Вассар Колледж. Покипси. Нью-Йорк.
31 декабря 1923 года.

№ 9

Колледж Вассар, Покипси

15 января 1924

Дорогой проф. Харпер:

Мне стыдно, что я причиняю Вам такие беспокойства в связи с моей лекцией. Огромное спасибо за Вашу добрую заботу обо мне, за Ваши советы и желание помочь мне.

Я приеду в Чикаго или 4 или 5 февраля утром. Когда точно, я напишу Вам позже. Конечно, я выступлю в гор. Клубе и воспринимаю эту возможность как большую честь для меня. Я буду также очень рад неофициально позавтракать с журналистами.

Спасибо за Вашу заботу о комнате. Я буду один, без г-жи Сорокиной. Я оставил ее в Праге, где она продолжает научные исследования (в ботанике), она приедет в эту страну только когда я решу остаться здесь на более долгий срок. Что касается моего заявления о Бора, я должен честно признаться, что писал его в такой неопределенной форме («в Сов. России») намеренно: с тем, чтобы не обвинять русскую интеллигенцию. Более строго это заявление должно было написано так: «Бора совершенно непопулярен среди ученых, исследователей, писателей и даже просто «специалистов»

за исключением коммунистических кругов. Пролетарские высказывания коммунисты охотно публикуют в своих газетах. По ним у нас есть возможность узнать их (эти мнения). И хотя в России нет свободных газет, связь и обмен мнениями в среде интеллигенции существует в более интимной форме (в Домах ученых, писателей, в ун-те, во время частных встреч и т.д.). Таким образом можно узнать мнения людей. И я ни разу не слышал какого-либо положительного мнения о Бора. Более того, о нем в 1922 г. ходила поговорка «Бора нагородит вздора». Вот коротко о том, откуда у меня эта информация, и я считаю, она соответствует истине. Нет необходимости добавлять, что его имя непопулярно и у всех русских за границей (кроме семеновеховцев).

Я не получил пока ничего из Северозападного ун-та, но если будет невозможно устроить там лекцию, то и не надо.

П.Сорокин.

Так как я уезжаю через 2–3 дня из Вассара, прошу Вас адресовать Ваше письмо г-ну Вирену (для меня) И.М.С.А. 347 Мэдисон Авеню, Нью-Йорк Сити.

№ 10

Г-ну Вирену
(для П. Сорокина).
И.М.К.А.
347 Мэдисон Авеню
Нью-Йорк Сити

22 января 1924

Дорогой проф. Харпер:

Большое спасибо за присланный журнал с Вашими статьями. Прочтя их, я должен честно признаться, что Вы представляете собой очень счастливое исключение из большого числа американцев, пишущих о России. Ваша характеристика спокойна, но совершенно адекватна. Будучи русским, выражаю Вам свою глубокую благодарность за такую

правдивую информацию для американцев о моей стране.

Я получил письмо от секретаря Чикагского гор. Клуба и послал ему краткий проспект, фотографию и резюме моей речи, которые он просил. Надеюсь, он все получил.

О точной дате моего приезда в Чикаго (или 4, или 5 февраля и разумеется до 4.30 дня) я сообщу Вам позже.

Как любопытную личную новость, я должен совершенно конфиденциально сообщить Вам, что другой редактор «Крестьянской России» и я получили неофициальное приглашение от Сов. правительства «вернуться в Россию и беспрепятственно продолжить издание журнала, а также экономич. и культурную организацию крестьянства». Разумеется, ответ был единодушным и отрицательным. Мы хорошо знаем, что значит такое предложение. Но этот факт снова подтверждает, что, как кажется, положение правительства не очень хорошее. Оно теперь пытается заполучить обратно, чтобы держать в узде и, наконец, усилить свою базу, большое количество людей, глубоко отличных от нынешних правителей.

В ожидании приятной встречи с Вами,
искренне Ваш П.Сорокин.

№ 11

Университетский Клуб Мэдисон Висконсин
10 февраля 1924

Дорогой проф. Харпер:

Я приеду в Чикаго в субботу, 23-го, утром и надеюсь увидеться с Вами на конференции, если это не затруднит Вас и г-жу Харпер, я с благодарностью переночую у Вас в доме, потому что в воскресенье я должен прочесть 2 лекции, утром для литовцев, днем для русских, а в 5.30 я отправлюсь в Мэдисон. Я был бы рад пообедать с Вами и г-ном Зензиновым в субботу. Здесь все идет хорошо. Я получил приглашение выступить в гор. Клубе Милуоки, в женском гор. клубе и Кьюнк клубе.

В надежде иметь удовольствие увидеть г-жу Харпер и Вас,

искренне Ваш, П. Сорокин.

№12

**Унив.Клуб
Мэдисон, Висконсин**

25 февраля 1924

Дорогой проф. Харпер:

Только что я вернулся из Чикаго. Мои лекции для литовцев и русских прошли довольно хорошо. Только среди русских небольшая группа коммунистов попыталась помешать мне криками, но их заставила выйти из зала другая часть аудитории (довольно большая – больше 300 чел.). Теперь я могу оказаться в Чикаго 8 и 9 марта (мои лекции в Иллинойсе состоятся с 10 по 14 марта, или с 15 по 20 марта, 21 марта у меня будет две лекции в ун-те Мичигана в Декатуре).

Поэтому было бы хорошо, если можно было бы устроить мою лекцию 8 или 9 марта. Если нет, может быть можно будет сделать это с 15 по 20 марта. В этом случае мне придется приехать в Чикаго специально. Поэтому, может быть, Ун-т заплатит чуть больше. Если в это же время можно будет прочесть лекцию еще где-нибудь – это было бы очень хорошо. В сегодняшнем выпуске «Милуоки Сентинел» опубликовано большое интервью со мной.

Мои наилучшие пожелания г-же Харпер и г-ну Дональду Харперу.

**Искренне Ваш,
П. Сорокин.**

№ 13

18 ноября 1924.

Дорогой проф. Харпер:

Надеюсь, Вы получили мои «Листы»? В любом случае мой издатель сообщил мне, что книга была Вам выслана. Возможно, Вам будет интересна моя статья, только что опубликованная в «Мичиган Ло Ривью» (ноябрь 1924) о новых сов. кодексах.

«Социология революции», кажется, тоже скоро выйдет в свет.

Г-н Кондратьев* здесь уже неделю и пробудет здесь еще неделю. Огромное спасибо за Вашу помощь ему.

Несколько дней назад г-жа Сорокина успешно сдала предварительный экзамен на степень доктора наук.

Жаль, что Вас не будет на Рождество в Чикаго. Я надеюсь увидеть Вас позже, может быть весной или летом.

Мои исследования идут хорошо, но т.к. предмет их очень сложен, раньше чем через год я не смогу представить книгу о социальной мобильности.

Мои наилучшие пожелания г-же Харпер и Вашим братьям.

Искренне Ваш
П. Сорокин.

№ 14

Чикаго, 19 ноября 1924.

Дорогой Сорокин:

От Даттона только что пришел экземпляр Вашей книги. Большое спасибо. Приступаю к чтению на днях. Уверен, что она интересна. Но другая Ваша книга с социологии революции для меня будет представлять большой интерес, и я надеюсь, она появится до наших рождественских собраний, с тем, чтобы стать предметом разговора на этих важных встречах.

Мне очень жаль, что не увижу Вас на Рождество. Ассоциация историков собирается в Вашингтоне, и я еду туда. Мой брат и семья собираются сюда ненадолго, в последние недели декабря, и я боюсь, мы не сможем предложить Вам остановиться у нас в доме. Возможно, Вы задержитесь в Чикаго после встреч – я возвращаюсь из Вашингтона в пятницу, 2 января.

* Н.Д. Кондратьев - директор московского Конъюнктурного института с мая 1924 по февраль 1925 года находился в заграничной командировке (Европа, США, Канада).

Как Вам, вероятно, расскажет К(ондратьев), мы провели 2 длинных вечера вместе. Я нахожу его интересным и серьезным. Для меня большая честь познакомиться с ним. Спасибо Вам за то, что дали ему письмо ко мне. Много я ему не помог в знакомствах, потому что у него в запасе было много рекоменд. писем из Вашингтона. Надеюсь вновь увидеться с ним после его возвращения с Запада.

Искренне Ваш.

№ 15

22 ноября 1924.

Дорогой Харпер:

Мне кажется, мы оба написали наши письма в один день. Спасибо за доброе мнение о моей книге. Положительные отзывы продолжают появляться. Только что я прочел заметку в «Сенчури», и только что получил письмо от компании Липинкотт, в котором издатель пишет, что «с деловой точки зрения гораздо лучше выпустить «Социологию революции» в январе 1926 г. с тем, чтобы авторское право не постарело на год через 30 дней» (если книга будет опубликована в декабре). Причина убедительна, хотя и не очень приятна для меня, т.к. я хотел бы иметь книгу перед встречей социологов.

Г-н Кондратьев еще здесь и просит меня передать Вам привет. Возможно, он будет здесь еще неделю.

Как только «Социол. рев». будет готова, она будет послана Вам. л приеду в Чикаго вместе с другими профессорами ун-та Миннесота и легко найду номер в отеле.

Сердечный привет г-же Харпер и Вашим братьям.

Искренне Ваш
П. Сорокин

Моя работа над «Социальной мобильностью» идет хорошо.

№ 16

Чикаго, 25 января 1925.

Дорогой Сорокин:

Я был так занят после своего приезда три недели назад, что у меня не было времени узнать у коллег как прошла встреча, где Вы представляли свою работу. Все, что я слышал, так это что Джером Дэвис обрушился на Вас. Сообщите мне, что произошло.

Ростовцев в Ричмонде сказал, что он поспешит вернуться, чтобы поговорить с Вами и Кондратьевым. Из этого я сужу, что последний все еще здесь в стране.* Он пообещал мне дать о себе знать, может быть, он сделал это, пока был в Чикаго и теперь вернулся на восток, обратно в Совдепию. Мне бы хотелось с ним встретиться, еще раз. И хотя я сам очень старался не цитировать его, несколько раз люди цитировали его в разговоре со мной. Не удивлюсь, если ему было трудно придерживаться своей программы и не обсуждать политич. вопросы. Один человек, которому он дал экземпляры своего экономич. бюллетеня, тщательно проанализировал приведенные в нем таблицы и был несколько раздражен тем, как не относящиеся к делу факторы сводились воедино чтобы образовать определенную линию в таблице. Мне бы хотелось обсудить это с ним. Пожалуйста, сообщите, где он и что делает.

Мои сведения о России, поступающие в огромных количествах и к моему полному удовлетворению все указывают на дальнейший упадок эконом. положения. Политич. ситуация в Вашингтоне, где Бора председатель Комитета по заруб. сношениям по праву старшинства, а не в результате выбора большинством республиканцев, возможно приведет к признанию Советов. Это только предложение, я это подчеркиваю, но ситуацию в Вашингтоне следует учитывать. Я не говорю, что подобный шаг будет – предпринят, но вижу, что он может стать необходим с тем, чтобы сохранить какое-то сотрудничество между двумя ветвями управления. Кроме того, Бора без сомнения пользуется очень широкой и сильной симпатией по всей стране; однако, как бы он кому-то не нравился, как бы ему не доверяли,

* Кондратьев выехал из СССР в Европу 9 июля 1924 г. 4 октября выехал в США, где пробыл до 10 января 1925 г. В СССР вернулся 31 января 1925 г. (См. Н.Д. Кондратьев. Отчет о заграникомандировке. РГАЭ. Ф. 478. (Наркомат земледелия РСФСР). Опись 2. Дело 360.

глупо пытаться игнорировать факт его популярности у человека с улицы.

Имея это в виду, учитывал несомненный экономич. крах эксперимента, понимая, что признание еще не означает доверия как это произошло с Великобританией и Францией, я спрашиваю, будет ли иметь благоприятное влияние в Совдепии то, что является просто бумагой, а не настоящим признанием. Это влияние в любом случае будет невелико, и если каких-нибудь 6 мес. назад я чувствовал, что он может усилить, сегодня я верю, или по крайней мере начинаю думать, что этот шаг повредит большевиками очень быстро. Это точка зрения.

Окончание письма отсутствует...

№ 17

27 января 1925.

Дорогой Харпер:

На встрече социологов не произошло ничего экстраординарного. Я прочел свой короткий доклад, который, о чем я писал Вам, я не хотел читать, т.к. за 20 минут невозможно характеризовать внешнюю политику Советов, т.к. я немного устал от России и предпочел бы представить что-либо более социологическое на конгрессе. Г-н Дэвис, согласившись с основными моими заключениями, критиковал другие положения моего доклада и все. Критика была не совсем честной (потому что Дэвис* получил мой доклад за три недели до встречи и этот факт обязывает его рассмотреть мои заключения объективно) и объективной – но... Но все это «нормально», потому что не сомневаюсь, в том, что г-н Дэвис знает ситуацию в России лучше, чем Вы, я или г-н Кондратьев. Между нами, впоследствии я сказал ему несколько «теплых» слов лично, напомнив, что Платон был прав в своей «Республике», когда советовал не разрешать появляться в гос-ве великим гуманитариям, вроде Эпикура, из-за их естественных симпатий к тиранам. Вот и все.

* Дэвис Джером (Davis Jerome). (1891 Kyoto, Japan – 1979 Olney, Maryland). В 1916–30 гг. бывал в России много раз. Встречался с Лениным, Сталиным (1927). Профессор Yale Divinity School (1924–37). Президент Американской ассоциации учителей (1936–39). Корреспондент в России (1943–44). В 1957 г. встречался с Хрущевым в США. В 1970 г. с Косыгиным.

Кондратьев в настоящий момент находится или в Сов. России, или где-то рядом с ней. Он выехал из Америки 10 января.

Как и прежде я не придаю какого-либо значения возможному признанию Советов. Оно вряд ли сможет улучшить ситуацию. Я даже думаю, оно даже сделает ее хуже. Поэтому в этом отношении, как и раньше, у меня – четкое нейтральное отношение.

Я получаю информацию из России более или менее регулярно и полно. Мое заключение таково: медленно и неизбежно положение диктаторов становится хуже и хуже. Я не жду какой-то «необычной сенсации», но я действительно думаю, что за год случится много очень серьезных перемен, если не среди личностей, то по крайней мере в системе. Я думаю, что через 2 года я смогу вернуться в Россию, если захочу вернуться.

Что касается моей жизни здесь – она катится, как и прежде с той лишь разницей, что теперь я провожу почти все время читая лекции, проводя семинары и готовясь к ним. Перед Рождеством я закончил свое исследование «Американские богатые» и написал статью почти в 30 страниц, которая будет напечатана в «Джорнэл оф Сошиэл Форсиз» (ее уже приняли), «Социология революции» кажется, выходит сейчас, но я пока не получил ее экземпляры. Время от времени я печатаю короткие обзоры в «Сэтердей ривью»* (о «Русской истории» Корнилова, несколько дней назад послал анализ замятинского «Мы», есть еще несколько книг, присланных журналом для просмотра. Читали ли Вы Замятин, его книгу «Мы»? Если нет – прочтите. Эта утопия, родившаяся в России, одна из самых талантливых и прекрасных книг, которые я когда-либо читал. Замятин (он все еще в России, был арестован вместе со мной и должен был быть выслан вместе со мной) написал действительно полную сарказма утопию коммунистич. об-ва. Что еще добавить? Несколько дней назад я получил информацию от Р. Вормса, что меня избрали Членом франц. междун. ин-та социологии. Итальянский

* The Saturday Review of Literature. Редактор Henry Seidel Canby.

международный ин-т социальных реформ» опубликовал мою книгу о России на франц. Теперь я собираюсь написать (между делом) статью о социальных теориях древней Индии и Китая.

Во время летней сессии я буду преподавать здесь. Если ничего не случится в следующем академ. году, я тоже буду здесь (на летнюю сессию, я уже дал согласие).

Пожалуйста, передайте привет г-же Харпер.
Искр. Ваш П. Сорокин.

Если в России будут появляться признаки чего-либо экстраординарного, насколько это можно предвидеть в России, я получу информацию заранее.

№ 18

28 февраля 1926

Мой дорогой Харпер:

Я очень хорошо знаю Марка Слонима.* Он представляет собой тип «ловкого» молодого человека, который не знает основательно ничего, но довольно смело говорит обо всем. «Воля России», единственное что говорит в его пользу, и то только потому, что Бенеш заинтересовал иметь здесь такой журнал. Таково мое искреннее мнение.

Я надеюсь, Вы сможете посетить Россию. Вы хорошо знаете, что в настоящий момент там происходит много перемен.

Что касается меня, я могу сообщить, что только что закончил новую книгу «Социальная мобильность и стратификация». Осенью рассчитываю увидеть ее напечатанной. Кроме того, я написал несколько работ, частично для *Jahrbuch fur Sociologie*, частично для «Сошиэл Форсиз», частично для «Ревю Интерн де Социолоджи» и, наконец, для серии «Социальные науки» под редакцией W. Ogburn и

* Слоним Марк Львович (1894–1976) – эсер. Один из редакторов «Воли России». В 1926 г. выступал в США с докладами. Автор книги «Русские предтечи большевизма» (Берлин. 1922). Сорокин и Слоним знакомы с осени 1916 г.

Гольденвейзера, которая будет напечатана в ближайшем будущем.

На следующий год я собираюсь остаться здесь же. Потихоньку они увеличивают мою зарплату.

Мой горячий привет г-же Харпер и г-дам Харпер.

**Искренне Ваш,
П. Сорокин.**

Моя «Социология Революции» сегодня переводится на чешский, японский, украинский, немецкий.

№ 19

14 ноября 1926

Дорогой проф. Харпер:

В воскресенье, 21 ноября, я должен буду проехать через Чикаго по дороге на восток. Если Вы уже вернулись из России и если у Вас будет немного свободного времени (1–2 часа), чтобы провести со мной, я был бы рад увидиться с Вами и с этой целью приехать в Чикаго в воскресенье утром (чтобы отправиться дальше в воскресенье вечером).

Пишу это потому, что не уверен в Вашем возвращении из России, а если Вы вернулись, найдется ли у Вас время провести со мной.

Буду очень признателен Вам, если ответите на мои вопросы.

**Искр. Ваш
П. Сорокин.**

№ 20

20 февраля 1927.

Дорогой проф. Харпер:

Мне не удалось найти здесь «Дейли Ньюс» и до сих пор я не видел ничего из Ваших заключений по России. Могу ли попросить Вас об одолжении – прислать мне вырезки или копии Ваших статей и заявлений. Не буду держать их далее одного дня

и верну их Вам обратно. Вы хорошо знаете, как высоко я ценю Ваше мнение о России, как одного из немногих компетентных людей в этой стране. Естественно, меня очень интересует Ваше описание ситуации. В этом причина моей просьбы.

Надеюсь, у Вас и г-жи Харпер все в порядке. У нас тоже все нормально. «Соц. мобильность» на стадии гранок. «Соврем. Социол. теории» на стадии печати. Исследования, касающиеся крестьянских лидеров (6000) и рабочих лидеров (3000 чел.) находятся на стадии сведения данных в таблицы. Монография о городском и деревенском населении, миграции и их взаимном соотношении (она пишется совместно с проф. Циммерманом) тоже медленно продвигается вперед. Две нем. статьи появятся в ближайшие 2 месяца. Короче, до конца года я надеюсь выпустить 4 книги и 4–5 статей. Из этого Вы видите, что «бумагомарательство» продолжается интенсивно.

Ваш П. Сорокин

P.S.

Пожалуйста, сделайте мне одолжение, о котором прошу.

№ 21

22 января 1929.

Дорогой проф. Харпер:

По Вашей просьбе посылаю Вам в отдельном пакете пробные экземпляры «Борьбы за Россию»*, еженедельника, который издается специально для нелегальной переброски в Россию. Как Вы поживаете? Я в некотором роде увяз: помимо преподавания, считывания гранок новой книги («Крестьянская социология») и. т.п., всего несколько дней назад я принял предложение американского Мин-ва сельского хозяйства подготовить 3 огромных тома «Источниковедение в крестьянской социологии», цель которых дать в англ. переводе лучшие отрывки всего лучшего, что было написано о социальных аспектах сельской жизни и населения во

* Еженедельник «Борьба за Россию» (Париж) издавался в 1926–1931 годах под редакцией В.Л. Бурцева, С.П. Мельгунова и др. Цель – «Объединение антибольшевистской эмиграции для свержения чуждой народу власти». Сорокин опубликовал в «Борьбе за Россию» несколько статей.

всех странах во все времена, и хотя у меня целая «армия» платных переводчиков, стенографистов и машинисток, труд это египетский и займет по крайней мере 18–24 месяцев. Поэтому сейчас свое свободное время я «теряю» на эту работу.

Пожалуйста, передайте мои наилучшие пожелания г-же Харпер и другим членам Вашей семьи. Если у Вас появится какая-либо возможность занять Кондратьева в какой-либо работе, пожалуйста, держите его в уме.

Сердечно Ваш
П. Сорокин.

Несколько дней назад я написал довольно «откровенную» и критичную большую статью. «Так называемые научные исследования Сов. России» (а rgoros профессорского тома «Сов. Россия во втором десятилетии», (Париж, Counts Chase и др.) для «Сэтердей Ривью». Если издатель не испугается напечатать ее знаменитым «исследователям» она, возможно, очень «понравится».

№ 22

6 марта 1930,

Дорогой проф. Харпер:

Помня Ваши добрые намерения в отношении приглашения Кондратьева, беру на себя смелость сообщить Вам о письме Кондратьева, которое я получил вчера. Его положение действительно отчаянное и письмо (нелегально вывезенное в Финляндию и отправленное оттуда) – это настоящий сигнал бедствия по всем его друзьям. Вот несколько строк из него:

«Я поставлен в безвыходное положение. Развертывается волна невиданных преследований. В деревне террор и ужас. В городах насилие и издевательство; от интеллигенции требуют публично покаяния, отказа от всех своих взглядов, раболепства и т.д. Крутом паника. Быстро растут самоубийства. Большинство сдается. Отказывающихся единицы и участь их ужасна. Я в числе их и мое положение ужаснее, чем чье-либо иное. Сейчас лишили меня всякой работы. В наших условиях это голодная смерть. В ближайшем будущем если я не сдамся, будет неизмеримо хуже. Что именно я не знаю, но может быть все, что угодно, решительно все, что угодно... Хочу надеяться,

что ты поймешь меня, бросишь все и сделаешь все, что только в силах человека. Речь идет буквально о моем физическом и моральном спасении» и т.д.»

Эти строчки говорят сами за себя. Он хочет выбраться из России. Чтобы получить разрешение от Советов ему необходимо официальное приглашение: читать лекции или вести исследования в каком-либо заруб. учреждении. Приглашение может быть, чисто фиктивным, только для того), чтобы помочь ему выехать, без каких-либо обязательств со стороны учреждения дать ему настоящую работу, если оно не хочет этого.

Кондратьев готов на любую работу (за исключением чисто физического труда) и на любых условиях, если они дадут ему возможность получить минимум, обеспечивающий физиологическое существование (ни на что большее он не смеет надеяться). Главное для него – выбраться из России.

Я уверен, что пусть не сразу, но через необходимое время по приезде в эту страну, он найдет работу в своей области. Я думаю, что сам могу принять его по крайней мере в качестве своего помощника в Гарварде. Я также уверен, что имея приглашение от какого-либо ун-та, я смогу легко решить проблему визы для его въезда.

Главное, вытащить его из России.

Мне хотелось бы знать, согласны ли Вы помочь и сможете ли устроить, если не настоящее (с обещанием работы), то по крайней мере фиктивное приглашение К. от Чикагского ун-та, чтобы просто помочь ему покинуть Россию и этим спасти его.

Вы сами хорошо знаете К., а с моей стороны нет нужды просить за него. Этот человек заслуживает спасения. Будьте так добры и дайте мне знать, что Вы можете сделать для него.

Прошу прощения,
искренне Ваш П. Сорокин.

Дорогой Харпер,

Это добавление к моему предыдущему письму, отправленному несколько минут назад. Я хочу добавить, что мой Университет только что отпра-

вил каблограмму К., приглашая его прочитать курс лекций в период летней сессии. Было бы хорошо, если бы Вы смогли что-то сделать для него и послать приглашение (немедленно) от Университета Чикаго или других университетов приехать летом или осенью.

Ваш П. Сорокин.

№23

13 марта 1930.

Дорогой Харпер:

Я не думаю, что поспешил в своих действиях. Во-первых, письмо К. означает, что нельзя откладывать дело. Оно требует немедленных действий. Во-вторых, каблограмму послал президент ун-та, приглашая его прочесть курс лекций на неспорные, неполитические темы.

Я не понимаю, как и почему это приглашение может быть более подозрительным, чем любое другое приглашение, посланное любым другим учреждением. Тем временем оно даст ему возможность начать хлопоты, чтобы получить разрешение выехать на границу. В-третьих, в этом и предыдущих письмах он определенно указывает, что такое приглашение является необходимым и самым желательным. Поэтому, я не думаю, что сделал его положение более опасным, т.к. теперь, вероятно, все может стать для него опасным. И хватит на эту тему.

Главная задача, конечно, вызволить его. Остальное – работа для него и пр. – гораздо проще. Когда Вы (и если Вы) увидите его там, скажите ему, что если нужны деньги для его приезда сюда, или виза и пр. – я буду рад помочь.

Я не буду сейчас писать Митчеллу* (кроме Вас я написал только Тауссиху** и упомянул об этом деле президенту). Если К. выберется, тогда М., надеюсь, поможет ему.

Наилучшие пожелания в успешной поездке,

Ваш П. Сорокин.

* Wesley C. Mitchell (1874–1948) – ученый. Экономист и статистик, крупный администратор.

** Frank W. Taussing – профессор в Гарварде.

19 июня 1930 года Н. Д. Кондратьев был арестован в Москве. Спасти его не удалось... В воспоминаниях Сорокин писал:

«До нас доходили слухи, что Кондратьева выслали, и он погиб не то в Туркестане, не то в Монголии. Но точно мы так и не знаем до сего дня, где, как и при каких обстоятельствах он погиб».⁶

Харпер в 1930 году был в очередной поездке в СССР и неоднократно встречался с Кондратьевым. В своих воспоминаниях он писал:

«Однажды вечером, когда мы (Харпер и В. Лихтенштейн* – Ю.Д.) в очередной раз пришли к нему, на наш звонок открыли агенты ГПУ и плачущая жена. Кондратьев был арестован»...⁷

17 сентября 1938 года его расстреляли в Москве...

Самюэль Харпер, профессор русского языка Университета Чикаго умер 18 января 1943 года.

«Харпер» и «Россия» – два слова, которые идут вместе,

– было написано в одном из некрологов.⁸

* W. Lichtenstein - экономист.

§2. Переписка с Д.А. Лутохиным (1924–1925)

Как и в России Сорокин продолжил писать не только научные труды, но и публицистические статьи, рецензии, обзоры...

Он и приезд-то свой в США начал с публикации «Письма редактору» самой влиятельной американской газете «Нью-Йорк Таймс»... Да, ещё с критикой такой крупной фигуры американского политического истеблишмента как сенатор Уильям Бора...

Из «политики» Сорокин, после своего «Отречения» в Великом Устюге, может и ушёл. Смотря что понимать под политикой... Но влияние Сорокина на «политику» несомненно...

Не прерывал он и свои связи с Россией и «русскими делами». Это видно из его переписки с Харпером и в ещё большей степени с Далматом Лутохиным.⁹

№1

21 октября 1924.

Дорогой Далмат Александрович!

Спасибо за письмо. Я уже не питал было надежды получить от вас весточку, но к счастью, мой песимизм оказался необоснованным. Рад, что ваше здоровье стало лучше и тон вашего письма бодрый. That is all right, как говорят здесь. Что касается меня то, как и ожидал, с осени занял постоянное место и пока на год, по крайней мере, осел (но не осёл) Чтение лекций на летнем семестре Миннес. Ун-та (3-й по величине из Унив-тов Америки) закончилось моим избранием или вернее назначением (т.к. в демократ. Америке профессоров не выбирают, а назначают – и это очень не плохо) full-professor of sociology в Миннес. Унив-те (на нашем языке это «ординарный» профессор). Заключение контракт (здесь профессоров нанимают по контракту – и это опять не плохо) пока на год, как здесь водится. При желании обеих сторон он может быть продолжен, хотя американские профессора –

народ кочующий; большинство сидит редко больше одного-трех лет на том же месте. Таким образом я теперь Америк. профессор. Веду свои семинарии и курсы я только с graduate students (вроде наших «оставленных»). В этом году я даю курсы: Rural Sociology, History of Social Theories, Modern Social Problems и Social Morphology. – Доволен. Осенью я пока мало занят. Посему здорово занимаюсь по части «Social Mobility» – новый труд над совсем новой проблемой, который я затеял. Библиотека Университета – великолепная. О внешнем комфорте Университетских зданий – нечего и говорить. Достаточно сказать, что «поле» – campus – Унив-та занят всегда сотнями автомобилей (здесь кажется, в ватер и то скоро будут въезжать на автомобилях). Три читальные залы библиотеки более комфортабельны и такого же размера каждая, как, например, зала – Публичн. библиотеки, Словом, в этом отношении Америк. Унив-ая обстановка в корне отлична от нашей и Европейской. Отлично и преподавание. Но в общем – мне здешняя система по душе. По душе даже то огромное место, которое занимает здесь спорт и военное обучение в Унив-тах. Даже сам я начал «американизироваться» и около часу каждый день занимаюсь спортом в великолепном здании для гимнастич. и физич. упражнений gymnasium, имеющемся здесь при каждом Университете.

Америк. профессора – отличный народ. Я легко с ними схожусь. И что хорошо – здесь как-то среди америк-цев – нет наших академических интриг. Самое большое различие мнений не мешает быть друзьями.

Штат Миннесота – фермерский и считается одним из самых радикальных. Но, опять таки, этот радикализм (рабочих, приезжающих в собственных автомобилях и фермеров имеющих не только автомобили, но огромное большинство – дорогое радио, через кои каждый день узнают сидя у камина день на все по всей Америке к Европе, слушают концерты, речи, и т.д., из N. York`a, San-Fransicko или Чикаго). Пришлось и мне говорить уже по радио три раза. Этот радикализм, я говорю, не похож на наш. Российский радикализм – это либо анархия,

либо упадочничество, либо подлость, либо – глупость (извините – такова его история, сущность и общ. роль). В здешнем радикализме – подчас очень здравомысленном – вы чувствуете реализм; баланс, силу, напор свежих сил. Он не отрывается от реальности, он очень по своему консервативен. Такой радикализм я понимаю и принимаю. Наш российский – да будь он трижды проклят. Теперь еще больше, чем год раньше, я презираю этих наших «социалистов» и всю шатию. Читаю, например, «Дни» и так к хочется мне обозвать всех этих «стоящих на посту» – телятами, именно телятами – тех кто из них честен, и мелкими плутами и бездельниками тех, около коих Вы вертитесь (шатию из «Воли Р», «Пламени» и т. д.). На что они? Куда они эти паразиты всю жизнь жившие на субсидиях либо из кармана глупого капиталиста, либо... из государственной казны. Поистине, великим несчастьем для России будет если эти телята и балаболки станут у власти снова. Не дай господи. Всю свою жизнь они болтают о демократизме, а так и не знают, что такое демократизм.

С их точки зрения, например, автократическая власть президента университета назначающего профессоров – это реакция! Военное обучение студентов – реакция! А вот, в демократической Америке это считают нормой – и хорошо делают. Ну довольно об этом. Вы видите, Америка меня не «исправила» (с Вашей точки зрения) а укрепила в моей «реакционности».

Что сказать еще? Два дня назад вышла моя книга воспоминаний «Leaves from a Russian Diary»; но я ее еще не имею. Через две недели выходит моя «Sociology of Revolution». Посмотрим, как они будут встречены. Обе книги – «архиреакционны», откровенны, прямолинейны. Но я не думаю, чтобы здесь они были не приняты за таковые.

На Рождество, на съезде социологов – буду читать доклад (Съезд в Чикаго). Скоро появятся две мои статьи по социологии и праву в Социол. и Прав. журналах.

Теперь пока долго не буду печатать серьезного, так как ушел с головой в «Social Mobility» и не думаю торопиться.

Лена поступила здесь в Graduate, School при Университете, чтобы заработать себе за год Докторскую степень (Ph.D). Сняли мы здесь по-американски скромную, по нашему – отличную квартиру – газовая кухня, круглые сутки горячая вода, ванна, электричество, телефон и т. д. Автомобиля своего не завели еще, но можно было бы так как стоит он здесь пустяк. Если летом будем свободны – возможно, купим его и отправимся колесить вдоль и поперек по Америке месяца на полтора, от культуры к жизни на лоно природы – в палатках в лесу, и горах (скалистых) как делают американцы. Такая резкая перемена жизни – мне тоже нравится. Но это пока планы. Может случиться и так, что на лето может быть приедем в Европу, хотя это маловероятно, да и дорого. Я доволен, что попал в Миннесоту и настоящую Америку, в отличие от N.Y-ка – этого интернационального города. Прогуливаясь или проезжая вдоль Миссиссипи – сейчас осенью река очень красива – часто вспоминаю М. Твена.

Все предыдущее, однако, не значит, что я перестал думать о России. Нет. Регулярно читаю не только и не столько «Руль», «Дни», но и «Известия» и «Правду». Сейчас я люблю Россию больше, чем раньше. Но не хочу ныть и стонать. Это бесполезно. А стараюсь многому научиться, многое заметить, что было бы приложимо для Родины, что я мог бы осуществить, если суждено, как я верю, мне вернуться. Для России – учусь и учу, и рад что могу это делать, оставив эмигрантскую среду. Рад что (биологически ощущаю это) что-то во мне (*три слова не разб. – Ю.Д.*). Да так, что никакие суждения «телят» и «балаболок» или наоборот, сумасшедших телят и одержимых справа – мне теперь абсолютно безразличны. Их шатания – чужды, их сплетни – противны. Такая «кристаллизация» идет сейчас во мне. Ну я разболтался.

Привет от нас обоих Вам обоим и милым Вашим детям – сделайте их «крепкими» не как камень, а как упругая пружина. Сердечный привет Егор.

Лук.* – что он мне не пишет? Привет Чириковым – если Вы их выдаете. Что «Крестьян. Россия» заглохла что ли? Черкните. Один номер ненужной и нелепо – тощей «Свобод. России»** видел, а больше, пожалуй, и видеть не хочу и жалею, что чехи напрасно бросают на это деньги.

Пока крепко жму руку. Ваш П. Сорокин.

P.S.

Н.Д. К-ва я скоро увижу. Здесь мы очень сошлись с М.И. Ростовцевым. Он – чересчур большой пессимист по отношению к России, но я люблю его за его «крепость», бескомпромиссность и прямоту. Хороший парень и большой умница – не только ученый. За него теперь конкурируют лучшие американские Университеты предлагая ему одно условие лучше других (здесь ведь, при контракте профессоров торговаться надо как при «бизнес». Мне это тоже нравится. Как нравится и то, что профессора ведут себя не как наши «жрецы», а как простые смертные. «Плохо» одно здесь, в особенности в Middl West Америки: не пьют, черти, совсем. Не пьют да и только. Волей-неволей – и я не пью. И вместо водки, и пр. все мы пожираем без конца ice-cream – мороженое и пьем массу холодной воды – очень хорошей действительно. (Здесь считается, что каждый человек в день должен выпить не меньше 10 стаканов холодной воды: чем больше – тем лучше). Я привикаю к этому исподволь. Едят здесь много: но не так много мяса, как сырой зелени, масла, молока и особенно фрукты. Стоит все это сравнительно дешево.

Жму руку. П. Сорокин.

№ 2

22 декабря 1924.

Дорогой Далмат Александрович!

Во-первых, с Рождеством и с Новым Годом, вторых, не вешайте голову: не вы один чувствуете себя неважно я также: у меня вытащили семь зубов и больше месяца я был беззубым; теперь вставили

* Егор Лукин Зубашев (1860 Харьк. г – 1928 Прага) – ученый-химик. Кадет. Выслан из Совдепии в 1922 г.

** Журнал республиканско-демократического направления (Прага. Берлин. Отв. Ред. В. Раре), издавался в 1924–1926 гг.

новые, но пока я чувствую с ними не очень комфортно. Надо привыкнуть. Вот нет тут ничего и выпить, а там у Вас есть. Но ничего. Хорошо и без оного. Так как я получаю письма и берлино-парижские газеты то в общем знаю, что у Вас там творится. Наладилась связь и с Россией. Видел койкого и из хороших друзей из Сов. России.

Не писал Вам потому что был «завален» многим в том числе исследованием Американских миллионеров. Сегодня его закончил и собираюсь напечатать в виде статьи в стр. 40. Довольно, по-видимому, интересная штука получилась.

Живем мы по прежнему. Жена месяц назад сдала отлично свои экзамены на доктора ботаники и весной но-видимому получит свое Ph.D. Я за это время работал над миллионерами, над другими главами «Social Mobility», вел универс. дела, напечатал большую статью о Новых сов. кодексах в «Law Review» (в одном номере с сэром Виноградовым), вышла по-французски моя книжечка (без моего ведома) о России, изданная Междун. Инст. Социологии и Социальн. Реформ в Риме, (в журнале коего она впечаталась 1/2 года в виде статей), вышла моя книга воспоминаний «Leaves from a Russian Diary» (300 стр.) и на днях выходит «The Sociology of Revolution» (434 стр.). Как будет принята вторая книга – не знаю, но Leaves – приняты Амер. критикой превосходно (кроме одного пробольшевистского «Nation») амер., а не английск. «Nation». Пока мне под руку попало до дюжины рецензий и статей об ней («Century», «N. Y. Times», «The World», «The Sun», «N. Y. Evening Post», «Literatry Review», «Intern. Book Review» и т. д.). Пишут, что это первая книга дающая понимание того, что произошло в России, что это самая драматичная из всех книг написанных о России, сравнивают ее по силе впечатления с книгами Stevenson'a, Conrad'a и т. д. Так как все это писали не мой приятели, а совершенно неизвестные мне лица, посему, я имею основание думать, что отзывы объективны. Получил также ряд писем (от Giddings'a Leligmarj'a (? Ю. Д.) и др. ученых частью совершенно неизвестных мне) выражающих их благодарность за

книгу. Вторая – надеюсь, это впечатление усилит. Посему – ругайте. Я, как: видите, имею в запасе «фонд» похвал американцев для компенсирования руготни своих соотечественников и друзей.

28 дек. буду на Чик. конгрессе Социологов где я должен читать, помимо науч. сообщения, о Междун. политике Сов. головоотяпов. Не хочется мне этого делать: надоело говорить о России. Хотя доклад и написал и послал ого содокладчику проф. J. Davis'у из Jale University – но постараюсь от него отвертеться: я имею кой-что другое – научно более ценное для congress'a. С января буду очень занят преподаванием и семинарными посему для чисто научной работы времени будет мало. Но подготавлиаясь к лекциям (приходится это делать т. к. мои студенты – все «оставленные», готовящиеся на Маст. и Докт. степень), своей «Mobility» извлекаю много материала из Sacred Books of East, изучения Кастов. строя отцов церкви и т. д. Посему – доволен. Останусь ли в Minnesota на будущий год или перейду в др. Университет – еще не знаю. Привет Вам, Вашей супруге и детям – от нас обоих. Дети у Вас – прелесть. Привет Егор. Лук. Зубашеву. Что он? Как его здоровье? И почему не пишет? Книги мои я постараюсь Вам выслать по выходе «Социологии Революции».

П. Сорокин.

P.S.

Советские головоотяпы немножко дерутся. Пусть себе: дай им Бог здоровья и успеха в этом деле.

№ 3

1 февр. 1925.

Дорогой Далмат Александрович!

Посылаю Вам «The Sociology of Revolution» которая только что вышла. Вторую книгу «Leaves from a Russian Diary» не шлю просто потому, что у меня сейчас нет ни одного экземпляра. Единственный экземпляр ее я послал П.Б. Струве, так что если хотите познакомиться с ней – возьмите у Струве. Я послал Вам в конце декабря большое письмо:

надеюсь, Вы его получили. Присоединяю к книге один из номеров газеты – самой распространенной в центр. Америке. Я ничуть не повинен а том, что там написано обо мне. Я дал только маленькое интервью <...> они должно быть взяли мои «Leaves», и в результате из воскресенья в воскресенье преподносят «Story» – сенсационно, бестолково, для меня не очень приятно, но «по-американски» и с большим успехом среди публики. В итоге – я теперь – и на улице, и в трамвае и <...> – должен вести себя чрезвычайно внимательно: узнают. К счастью, отзывы о самой книге напечатанные в ряде журналов и газет – несравненно более толковы, академичны и литературны с нашей т. зрения. Будьте здоровы :и благополучны. Сейчас я очень занят лекциями и семинарjami в Университете и на подготовку к ним трачу главное время.

В одной из ближайших номеров лучшего и нового сравнительно социолог. журнала «The Journal of Social Forces» будет напечатана моя большая статья «The American Millionaries and Multi-millionanes – (A Comparative, Statistical and Sociological Study)». Живем по режиму.

Будьте здоровы. Привет супруге и поцелуйте детей. Если будете писать что либо о книге, то все же ругайте с резонем, а не ругайте только из-за и во имя того, что следует ругнуть.

Жму руку. Ваш П. Сорокин.

P.S.

Что же, кому хочется – пусть едет в Россию. Это даже хорошо если только едущие не будут подхалимничать, а вести себя по-человечески. Что касается меня – я органически презираю теперешних головотяпов – т. е. правителей (даже не ненавижу, а презираю.) России и, несмотря на безпредельную любовь к России (могу повторить Machiavelli – Amor la patria mia piu dell. Anima) и готовность вернуться и работать для нее в самых тяжелых условиях – теперь мой возврат бесплезен и ни на какие покорности и малейшие уступки этим мерзавцам я органически не могу пойти. Пока же живя тут и работая я, по выражению губерна-

тора штата – делаю для России больше, чем я мог бы сделать в самой России. То же нужно сказать и о таких лицах как М.И. Ростовцев. Встречаясь с нами, они т.е. американцы начинают понимать что настоящие русские это что-то совсем другое, что они привыкли думать раньше отождествляя русских либо с еврейскими эмигрантами, либо с полудикими крестьянами; да что говорить! Если бы Вы тут пожилы поняли бы какую галиматью разводили тут «наши» рисуя Россию как «погром» и дикую страну.

№ 4

23 марта, 1925.

Дорогой Далмат Александрович!

Спасибо за письмо. Если статью о моей книге напечатаете – пришлите мне номер журнала со статьей. Очень бы просил также прислать тот выпуск о быте деревни под ред. Тана, где упоминается о статье и что-то обо мне. Расходы – с удовольствием возмещу.

Из Вашего письма вижу, что Вы «эволюционируете». Психологически – это понятно. Но вот в чем дело: правы ли Вы объективно в Вашем презрении «эмигрантщины» и в восхищении «Советам»? Я боюсь: – Вы очень однобоки. Здесь я систематически читаю Сов. газеты. Получаю много писем из России. Вижу и советск. людей.

И мой вывод такой: первое: некое, медленное улучшение есть, но, не благодаря, а вопреки власти. Не будь последней – улучшение шло бы гораздо скорее. Второе: и все же язвы и раны так глубоки – и в ряде отношений они еще углубляются – (особенно . молодежь городов) – что делать выводы, аналогичные Вашим, я считаю невозможным: неверным по существу и чрезвычайно вредными для страны.

Что касается нашей жизни – она в существенном та же. Здесь уже тепло. Снега нету. Ходим без пальто. Сейчас закончился зимний «квартал», и каникулы – на неделю. Зтем с 1 апр. по 16 июня – весен., квартал, с 22 июня по 28 июля – 1-й летний

с 3 авг., по 6 сент. – 2-й летний, а там с 28 сент. по 20 дек – опять осенний. Но осенний – я гуляю. А остальные занят преподаванием. На следующий год остаюсь здесь.

Сейчас гл. обр. читаю и мало пишу: С осени думаю начать писать свою книгу «Social Mobility». А пока поглощаю всякого материала – особенно статистического – массу. Жду на днях: выхода своей статьи о миллионерах американских.

Подумываю с членами своих двух семинариев издать специальные монографии: одну – статист., социол. исследование Американских лидеров (литературы, науки, индустрии, политики и т.д.), другую, посвященную проблеме города и деревни, особенно в области биолог, психол. и расового отбора производимого городом. Но эти обе работы – пока в процессе обработки. Когда они будут готовы и будут ли статьи «семинаристов» годны чтобы их печатать – еще не знаю. Лена пишет свою докторскую диссертацию и надеется получить степень в июне.

Как живет Егор Лук-ч? Что-то о нем не слышно. Черкните.

Тут тоже у русских возник план издать сборник (Рерих, Гребенщиков, Карпович, Ростовцев, Максимов*, Рахманинов и я) но выйдет ли из этого что – еще не знаю.

Что касается Вашего предложения печатать здесь кой-что из Ваших работ – я думаю, это очень трудно сделать. Не имея английской рукописи – здешние издатели и журналы не будут говорить с Вами. Даже имея ее – они не так охотно печатают статьи автора неизвестного Америке. Посему лично я вижу мало шансов для осуществления Вашего желания, хотя и хотел бы всемерно ему содействовать.

Пока жму руку
Ваш П. Сорокин.

P.S.

Вот что: не можете ли Вы достать книгу М. М. Ковалевского: «Соврем. Социология» (СПБ 1905, – изд.) и выслать ее мне. Я был бы очень

* Максимов Александр Александрович (1847 СПб – 1928 Чикаго) – биолог, член-корр. РАН. В февр. 1920 г. через финский залив бежал в Финляндию. Эмигрировал в США. Профессор анатомии Чикагского университета.

признателен. Я о том же писал А.Г. Винничуку*. Посему, узнайте сначала не добыл ли и не выслал ли он мне ее? Если нет – был бы очень благодарен вам за ее высылку.

№ 5

13 мая 1925.

Далмат Александрович!

Только что прочел Вашу статью о моей книге.** Мне неважно, что Вы говорите и как рассуждаете о моих взглядах: я всегда рассматривал Вас как милого человека, и конечно, безграмотного дилетанта. Но вот что важно: Вы позволили в своей статье сделать ряд утверждений относительно моей честности («Победоносцева не назвал»! боясь евреев!» «приспособляется к миллионерам!» и т. д.). Я не знаю, отдавали ли Вы себе отчет, что это значит, когда Вы писали? Я не понимаю, как же, думая так обо мне, Вы находили нужным писать мне дружеские письма?

Если бы я также думал о Вас, то ведь я легко мог бы сказать, что этой как и другими своими статьями за последнее время Вы делаете себе карьеру у большевиков, с которыми, кстати, в 1918–1919 гг. вы очень солидарно «национализировали».

Но... я этого не думаю. Эти и подобные утверждения я просто объясняю Вашей легкомысленностью, дилетантизмом и просто «российской» «беззаботностью» и к фактам и к лицам.

Тем не менее – и Вы это поймете, надеюсь, с человеком, который мне говорит «подлец, приспособляешься» я не могу дальше быть ни в дружеских, ни в каких бы то ни было отношениях. Это – практический вывод. Теперь, в добавление, пару слов о фактах. Если бы Вы чуть чуть их знали, то поняли бы, что в Америке, и в частности в этом Университете «карьеристу» выгоднее быть «pink

* Винничук Алексей Григорьевич (1887–1982) – юрист. Зам. председателя русской секции Международного Аграрного Бюро. Руководитель из-ва «Хутор» (1922–1949), которое опубликовало «Современное состояние России» (1922), «Систему социологии» Т.1 (1923/4) и «Идеологию аграризма» (1924) П.А. Сорокина.

** Ф. Репейников (Д.А. Лутохин). Лицо революции. // Воля России. (Прага). 1925. №4. С. 134–146. Лутохин в продолжение «Лица революции» написал статью «Изнанка революции», которую «Волю народа» и др. редакции отказались печатать.

socialist» или в худшем случае – либералом, раскланивающимся с революцией, чем быть тем, что я есть. Я себя сильно – очень сильно – порчу «карьеру» своими «черносотенными» взглядами. Это первое.

Второе – ссылки о моей начитанности. Читатель не знающий ничего может подумать, что Вы читали те книги, о которых пишете. А вот я говорю: вы читали ст. Viese, и это почти все. Остальные ссылки «сдули» из этого немецкого сборника. Книгу Park and Burgess (моих хороших знакомых) вы приплели ни к селу, ни к городу (ибо она почти ничего не говорит о революциях, кроме 2–3 стр.). Из этого Вы видите, я читал эти книги. Но не делал на них ссылок потому, что «безграмотные» стараются блеснуть ссылками, а для тех, кто немножко знает – есть мера. Могу еще добавить, если уж на то пошло, я прочел целый курс «История теорий о революции», начиная с китайцев (Конфуция) и кончая нашим временем. Но в книге у меня ни Конфуция, ни Платона, ни Теогниса, ни Арист-ля ни Vodin'a, ни сотни других не упоминаются. Если бы Вы были здесь я показал бы Вам 3 толстых тетради конспектов и цитаты из «первоисточников» этих авторов. Посему – мне не обидно, а немножко смешно читать Ваши «учения» декларации и обвинения меня в неначитанности. Я вспоминаю: «дайте русскому школьнику не знающему астрономию карту неба и он на другой день принесет ее исправленной».

Для Вас может быть будет полезным прочесть VI и сл. книги Платон «Республики» и главы о Революции из «Полит Аристотеля» места у Hobbes'a, Vodin'a (6 книг о республике и т.д.) Странное дело: почти все они отзываются о революции не лучше, чем я! Или и они были «подкуплены»? Или и они были «легкомысленны»? Я боюсь, что Вы и их «снисходительно похлопаете по плечу» как хлопаete L. Play и Burke! (Извините, но это уже хамство!)

Я раньше предвидел и писал Вам, что Вы напишите обо мне. Ваше мнение – особенно теперь, когда я имею блестящие отзывы крупнейших – исто-

риков, социологов, психологов и даже биологов – Америки о книге – могло быть просто «курьезным». И за резкий отзыв я не думал и не думаю обидеться. Но я никогда даже и не воображал, что Вы так думаете обо мне, как человеке. Раз я «мошенник» для меня, а также и для Вас, полагаю – нет никаких резонов поддерживать отношения. Если бы я был на Вашем месте и так думал о Вас – я давно бы уже прервал всякую переписку. Теперь – узнав Ваши взгляды я это делаю.

Кончаю письмо пожеланием, чтобы Вы серьезнее относились к той ответственности, которая лежит на всяком пишущем и печатающем что либо «Кондачек» хорош в танцах, но не в науке или публицистике.

П. Сорокин.

В 1928 г. Далмат Лутохин вернулся в Совдепию.

В 1925 г. из Петрограда в Берлин, а оттуда в Прагу приехал В.И. Миролубов. Работал редактором в издательстве «Пламя» у Ляцкого. В 1926 г. вернулся в Сов. Россию...

В описи фонда Миролубова в ИРЛИ письма П.А. Сорокина за этот период не значатся.

Вполне возможно, что если переписка между бывшим редактором «Заветов», «Ежемесячного журнала» и его бывшим секретарем была, то она хранится в одном из пражских архивов...

§3.

Переписка с Э. Россом (1923–1930) и Н.Е. Шаповалом (1924–1929)

Несмотря на всю его резкость Сорокин обладал сильной способностью к «адаптации».

Э. Росс по политическим воззрениям противоположен Сорокину, но получилось, что именно Росс открыл «зеленую улицу» Сорокину в США...

Ростовцев прямо называл Росса **«другом большевиков»**, с которыми ему, Ростовцеву, **«надоело сражаться»**.¹⁰

Попасть эмигранту в США в начале 1920-х, было не просто.

В материалах Росса в Историческом обществе штата Висконсин в Мэдисоне сохранилось значительное количество переписки Росса с Сорокиным и другими русскими учеными из Советской России (А. Кулишер, г. Зилбург, А. Гидони и др.). За всех них Росс хлопотал. Только о Кулишере (ученик М. Ковалевского) Росс послал письма в 18 университетов. Безрезультатно. Пришлось лучшему русскому знатоку (после П. Виноградова) английского конституционного права в течение 20 лет писать статьи для парижских «Последних новостей»... В 1924 г. Александр Кулишер погиб в фашистском концлагере во Франции.

В 1933 г., после прихода нацистов к власти в Германии, Росс прилагает усилия пригласить в университет Висконсина Леопольда фон Визе... В 1936 г. Росс опубликовал свою автобиографическую книгу, в предисловии которой говорилось:

«Жизнь Росса – типичная американская история успеха».

Ещё в 1920 г. в Петрограде под редакцией Сорокина была переведена на русский язык книга Росса «Основы социологии». 15 декабря 1921 г. Сорокин написал Россу письмо с просьбой о помощи, а в последнем перед закрытием «Экономиста» – номере опубликовал рецензию на книгу Росса «Принципы социологии»...

Оказавшись в Праге Сорокин уже 6 января 1923 года пишет письмо Россу, благодарит за помощь, сообщает о своих делах, успехах в публикации книг и статей, изучении английского языка:

«Как self-made man я изучал его сам без преподавателя, в основном в тюрьмах строгого режима».¹¹

В следующем письме (5 июля 1923 г.) Сорокин послал Россу свою рецензию на его «Принципы социологии»

«...она была опубликована в чешском философском журнале: «Ceska Mysl» № 2. 1923. Я написал её, чтобы ваша превосходная книга была известна среди чешских социологов и философов».

Последнее пражское письмо Сорокина Россу написано 10 сентября.

«Я решил ехать в Америку. Выеду из Триеста 13 октября сразу после международного конгресса социологов в Риме. Если меня не задержат иммиграционные власти (я имею визу и все необходимые документы, но такие вещи с русскими эмигрантами бывают очень часто)».

Лекции Сорокина о русской революции в Мэдисоне в 1924 г. вызвали негативную реакцию левых, но Росс защитил. В 1925 г. Сорокин прислал ему свою «Социологию революции». Росс в письме от 25 февраля 1925 г. своему вчерашнему протезе писал:

«Я уверен, что вы будете стоять среди лидеров американской социологии».

Получив от Сорокина «Современные социологические теории» Росс писал ему 26 января 1928 г.

«Мой дорогой друг:

Четыре дня назад получил вашу новую книгу и с тех пор посвящаю ей каждый час, который могу оторвать от своих многочисленных обязанностей. Я

просто изумлен огромным количеством литературы, прочитанной вами и вашим умением извлечь суть и изложить ее на одной-двух страницах. Я считаю, что это одна из лучших ваших книг и, конечно, она сделает вас известным среди американцев, интересующихся социологией. Уверен, что через два-три года или меньше, вы сможете занять высокое положение в одном из наших ведущих университетов. Вполне вероятно, что через несколько лет вас будут приветствовать в качестве ведущей силы американской социологии. Можете представить мою гордость в упоминании, что я помог вашему приезду из Европы в США».

Комментируя это письмо Росса, Сорокин писал:

«Я знал: моя продуктивность за шесть лет превосходит то, что создает средний американский или иностранный социолог за всю жизнь.»¹²

Самого Сорокина «средний» уровень, конечно, не удовлетворял.

13 июня 1930 г. Росс писал Сорокину:

«Умоляю не работать так много. Вы убьете себя. Вы прекрасно поработали в этой стране за минувшие шесть лет и должны быть довольны достигнутым...»

Ответ Сорокина (от 18 сентября 1930 г.) уже из Гарварда:

«Перед тем как уехать сюда, я завершил три тома «Source Book in Rural Sociology». 1-й том выйдет в октябре. Другие в начале 1931...»

Последнее письмо Россу Сорокин написал 24 сентября 1930 г. Больше в материалах архива Росса в Мэдисоне сорокинских писем нет. Э. Росс умер в 1951 году и в воспоминаниях Сорокин помянул его добрым словом...

Обширны письма Сорокина старому другу Никите Шаповалу в Прагу: *¹³

№ 1

Июнь 1924

Два дня назад я подписал Вас на «The American Journal of Sociology», который Вам будет высылаться. Из общих социологических курсов самыми интересными будут здесь теперь «The Introduction to the Science of Sociology» Burgess и Park (*неразборчиво* – Ю.Д.). Если нужно – напишите и я Вам вышлю. Есть также ряд интересных монографий.

Я не писал Вам так долго, так как до 1 июня был отчаянно занят. Кончил свою вторую книгу 31 мая. Как-никак я сам написал ее в два месяца по-английски. Это не баран начхал. «Социология революции» мною просмотрена и уже в печати. К сентябрю надеюсь увидеть обе книги, уже напечатанными. Это не мало за семь месяцев. (...)

За эти месяцы был избран членом германского социологического общества и членом Вормсовского института социологии. Здесь у меня отношения с социологами хорошие. Самая серьезная социологическая школа в Америке – Чикагская – стоит близко к моим взглядам.

Живем мы в материальном отношении недурно. Снимаем на лето целый коттедж в 30 минутах езды от Нью-Йорка. (...)

Я рад, что не сижу ни у кого на шее, и не завишу ни от кого. (...) Эти два месяца буду главным образом читать американскую литературу, напишу три малые статьи для научных журналов и Times'a. Лена занимается в лаборатории Колумбийского университета. (...)

Отношения с американцами хорошие, кроме из «наших» Кишиневских, которые пытались и пытаются напортить мне чем могут. Но ...пока ничего не могут сделать существенного. (...)

* Письма печатаются по Ю.В. Дойков. Питирим Сорокин и Никита Шаповал. // «Социологический журнал» (Москва) 1999 №314. С. 215–227. Более полную публикацию писем Сорокина Шаповалу см.: Питирим Сорокин. Социология революции. М. 2005. С. 546–583.

Как дела с русским изданием «Социологии революции»? Если что-либо там тормозится, тогда возьмите, пожалуйста, от Гирса и перешлите ее мне сюда. Я предпочитаю не издавать ее вовсе по-русски, если для этого нужно кого-то просить и зависеть от Ляцких и К°.²

№ 2

2 августа 1924 г.

... как Вы и Ольга Филаретовна живете? Что у Вас нового? Что вообще нового в Праге и в Европе, черкните, черт возьми, панэ голова! Теперь у меня к Вам просьба. Лена оставила русский текст моей «Социологии революции» у Господина министра Гирса. Он обещал устроить ее издание. Я не имею никаких вестей, в каком положении дело... Думаю, что, вероятно, оно ни в каком, то есть рукопись лежит где-нибудь без движения, и что еще хуже, может быть в руках Ляцкого и К°.

Узнайте у министра о рукописи, не хочу, чтобы она бесплодно валялась по чужим рукам. Плохо ли, хорошо ли, но я ее ценю. (...)

Я теперь более или менее ознакомился с американской литературой ...Много хламу, но есть кое-что и интересное.

Я уже писал Вам, что февраль – апрель я провел в чтении лекций в девяти американских лучших университетах. Май – июль сидел под Нью-Йорком вблизи океана. Пересматривал английскую рукопись «Социологии Революции» и написал по-английски том моих воспоминаний. (...)

Главное время, однако, убиваю на английский. Сейчас, особенно после того как написал том в 350 страниц, пишу по-английски сносно, читаю лекции тоже. Уже не готовлюсь к ним в смысле языка. Конечно, акцент еще есть, но профессор Виноградов уже 25 лет в Оксфорде, а акцент его, пожалуй, хуже моего. (...)

Пишу из Миннеаполиса. Университет Миннесоты пригласил меня на летний семестр прочесть два курса по социологии «Социальная аналитика» и «Социология Революции» для «graduate» («оставленных» при университете), инструкторов и ассис-

тентов по социологии. Вот я и читаю каждый день по 2 часа помимо семинария. Профессора народ хороший, а в этом семестре я оказался Chairman'ом, то есть главой всего департамента социологии. Вообще, должен сказать, что за все время лекторства здесь я ни разу не встретил плохого отношения от американских профессоров. Если встретил раз «интригу», правда, безрезультатную в Висконсинском университете, то ...от русских «испанцев» и, извините, таких не очень умных «украинцев», как Ваш Грановский* (он, кстати, не только еще не профессор, но только... инструктор и от профессорства к даже Assistant Professor на расстоянии по крайней мере 7–10 лет, если, вообще, когда-либо будет профессором). С американскими же профессорами, в том числе с радикалами я в самых приятельских отношениях, ибо «американский радикал» и «русский радикальный дурак» – вещи равные как небо и земля.

Где буду на зиму, еще не знаю. (...) Лена занимается в Ботанической лаборатории Колумбийского университета.

P.S.

Пишите на мой постоянный адрес: C/o mr Wiren. Y.M.C.A.

343 Medison Avenue New-York City.

№ 3

18 октября 1924 г.

... радуется, что Вы двигаете социологию и думаете реализовать Социологический институт. Конечно, я буду рад быть полезным ему всем чем могу, равно и для «Суспільство». (...)

Я здесь пока, что на год основался как «полный профессор», осенью я очень мало занят, а потому сильно работаю. Сейчас работаю над «Социальной мобильностью» – проблема новая, слегка задетая мною во втором томе «Системы». (...)

Лена поступила здесь в Graduate School и хочет за этот год заработать Doctor'a ботаники.

* Грановский Александр. (г.р. 1887). Профессор зоологии, поэт, украинский общественный деятель в США.

Каждый день упражняюсь – 1,5 часа в теннис, ручной мяч и т. д. Миннесотский университет – третий по обширности в Америке. Библиотека – отличная. Народ славный. Город Миннеаполис очень хороший. Так что в этом отношении я очень доволен.

Мне кроме того, в связи с выборами сейчас президента*, приходится говорить и по радио, и без радио в десятках обществ и клубов о России, но это так между прочим. На святках буду на съезде социологов, где читаю доклад. Вообще, шаг за шагом я укрепляю свою почву здесь и в года в два в три, если суждено жить здесь в это время, надеюсь выплыть в качестве одного из самых видных американо-русских социологов. Сильно тормозит меня еще английский, но с ходом времени этот тормоз ослабляется.

Я рад, что стал на свои ноги и не завишу не от каких субсидий. Скоро исполняется (через полмесяца) год моего пребывания здесь, и я им доволен. Сделано даже больше, чем ожидал. Будущим летом, если не удастся поехать на лето в Европу, думаю обзавестись «Фордом» (он здесь дешев) и месяц-полтора поколесить вдоль и поперек по Америке.

Пишите чаще и сообщайте Ваши новости.

Ваш П. Сорокин.

№ 4

22 декабря 1924 г.

... был занят по горло буквально: и текущими делами, и докладом для социологического съезда, и исследованием американских богачей, которое только что кончил (это часть моего исследования о социальной мобильности). Оно заняло у меня месяц времени. И я искренне рад, что три часа назад я окончил свою статью о них (около 35 страниц). А, тут еще случилось беда с зубами. Семь штук выдернули и массу времени пришлось убить, чтобы получить новые.

* В ноябре 1924 г. президентом США был избран Кэлвин Кулидж.

Писать для журнала до лета не обещаю, так как буду очень занят, особенно с января, когда на мои плечи ложится до 12 часов занятий (лекций и семинаров) в неделю. К каждому из коих надо готовиться и серьезно, так как мои курсы для одних «оставленных», готовящимся к магистерским и докторским степеням. (...)

Теперь о «Социологии революции». Из МИДа я получил письмо, где мне пишут, что, если я желаю, они готовы издать ее. Я написал господину Гирсе довольно (одно слово неразборчиво – Ю.Д.) письмо, где известил его, что я предпочитаю не издавать книги, если для издания ее необходима «апробация» господ социологов из «Пламени», понимающих в социологии столько же, сколько я в санскрите. Письмо МИДа явилось ответом на мое. На днях напишу в МИД, что я предлагаю им издать ее. (...)

Из МИДа мне писал пан Palases (секретарь Гирсы). Не согласились бы Вы, имея английский текст «Социологии революции», провести правку русского текста? В русском тексте я хочу иметь главу о голоде и революциях, которую я выбросил из английского текста, так как выходил за рамки размера. (...)

Мои «Листы ...» («Leaves from a Russian Diary» – Ю.Д.) встретили здесь очень хорошо. Кроме одной кислой рецензии в про-большевистской «Nation» я имею около 12 статей и рецензий, но это далеко не все, более чем похвальных.

Лена месяц назад недурно сдала свои экзамены на доктора ботаники. Теперь ей остается защитить свою диссертацию, что, по-видимому, будет сделано его легко.

28 декабря еду в Чикаго на социологический съезд. В связи с ним я чувствую себя немного не в духе. Дело в том, что социологи захотели, чтобы я непременно читал доклад о «Международной политике» советских головотяпов. Я так много читаю и пишу о России без того, чтобы читать еще на съезде, где я мог бы предложить что-либо более интересное и ценное. Между тем я уже стою в программе съезда. Крепя сердцем, я написал доклад и послал

его своему содокладчику профессору J. Davis'у из Йельского университета. Но имею намерение, если только будет можно, отвертеться от него, или не читать ничего, или прочесть две другие работы, стоящие далеко и от политики и от советских мерзавцев. Сейчас начались здесь святки. (...)

Вы, небось, там будете выпивать, а здесь по этой части очень плохо, поневоле будешь трезв...

№ 5

20 февраля 1925 г.

... Посылаю Вам статью Росса для журнала. Она довольно интересна. Моя новая книга подходит к концу. (...) Надеюсь она будет не очень плоха, ее тема – вертикальное строение общества и вертикальные перегруппировки, то, что я очень бегло задел во втором томе. В этом смысле она – продолжение моей «Системы социологии». Для нее я использовал такую гору сырого материала и сырых цифровых данных, что даже сам поражен своей энергией...

№ 6

9 марта 1925 г.

... за избрание спасибо.* Моя вторая книга («Социология революции») пока что принесла мне ряд писем от виднейших американских социологов (Ellwood, Giddings, Cooley, Ross, Park и др.), в которых они весьма высоко расценивают книгу. <...>

Сейчас исподволь работаю над книгой о «Социальной мобильности», но когда она будет готова – единому Богу известно. Видимо, не раньше чем через год-полтора, так как преподавание в первый год отнимает львиную долю времени и энергии, да и проблема-то дьявольски сложна.

* В Украинский социологический институт. (Прага).

17 июня 1925 г.

...спасибо за устав Института. Высылаю Вам свою статью о миллионерах и статью Chapin'a. Если обе напечатаете – all right. <...>

Пишу Вам в самой чудесной обстановке. Два дня назад семестр кончился. Через четыре часа бешеной езды на автомобиле я в 160 верстах от Миннеаполиса в районе, отведенном индейцам на берегу огромного озера-моря. В лесу, в лесной хижине (Лена осталась дома). Словом, на лоне настоящей природы и веду жизнь дикаря (...) купаюсь, рыбачу, а сейчас вечер, тишина, птицы, лягушки, бумага, перо и письмо (...). Был уже у индейцев, в их стоянках. Завтра пойду смотреть их пляски и слушать их своеобразную музыку.

Моя «Социология революции» прекрасно принята. Одна рецензия подписана профессором Abbot'ом* из Гарварда. Он считается самым крупным знатоком по истории Америки. Abbot поставил работу выше таких, как Тэн, Ле-Бон. Даже пробольшевицкая «Nation» только, что напечатала вполне положительную рецензию профессора Barnes'a, «Нью-Йорк Тайме» и др. дали статьи и отзывы очень положительные. Словом, я вполне удовлетворен, хотя я сам знаю многие недочеты книги, вызванные главным образом тем, что в Праге не было массы нужных книг. Зато первый русский отзыв в «Воле России», написанный Репейниковым, сиречь моим приятелем Д. Лутохиным, коего я устроил в Чехословакии, что называется облил не только книгу, но и меня самого грязными помоями. Как это типично для российско-беспартийно-интеллигентского перекати-поле (...).

...Быть «правым» социалистом – для карьеры в здешних университетах выгоднее, чем быть тем, что я есть. Я очень порчу себе «карьеру» своим «черносотенным» упрямством. (...)

Русский приятель взял и окрестил меня «мошенником». Лутохин и после статьи слал мне приятельские письма и просьбы. Я не обижен. Взглядами

* Аббот Уилтер Кортес (1869–1947) – профессор Гарварда (1920–47).

**Лутохина и «Воли России» абсолютно не дорожу.
<...>**

Лена блестяще сдала свой экзамен. Получила степень доктора, удостоилась избрания в члены почетного научного общества и получила пока при этом же университете место исследователя на Plant-Pathology Station, руководимой знаменитым профессором Stakeman'ом – самым крупным специалистом в Америке по патологии растений.

Вот еще, что. Пожалуйста, возьмите рукопись моей «Социологии революции» из министерства. Мне надоела канитель и я лично не заинтересован в ее издании министерством. Пусть эти строки будут для Вас доверенностью. Рукопись пока пусть хранится у Вас. Потом я напишу, что с ней делать.

№ 8

15 января 1926 г.

Дорогой Никита Ефимович!

Спасибо за «Суспільство». Что вы замолкли? «Социология революции», помимо чешского, переводится на японский и, если финансовые требования моего издателя не помешают, будет переведена на немецкий, так как я получил от трех лиц просьбы разрешить перевод. Я то согласен, но издатель «Lippencott» требует от германских издателей такую сумму, что она едва ли им под силу. Здесь книги имели большой успех и мою репутацию установили.

В общем, я доволен результатами своей работы, хотя работать приходится и много. В один-два года надеюсь заработать здесь репутацию одного из самых крупных лидеров русско-американской социологии.

Оставаться в Америке я, конечно, не думаю навсегда. С изменением обстоятельств в России вернуться туда. Родина есть Родина.

Привет от нас обоим Ольге Филаретовне. Пишите. Жму руку.

Ваш П. Сорокин.

P.S.

Секретарю Масарика Skrach* я послал по его просьбе обзор наиболее интересных новых работ в американской социологии за последние 2–3 года. Если рукопись дошла, она будет напечатана в «Чешской мысли». Если обзор интересует Вас, попросите рукопись у доктора Skrach.

№ 9

31 января 1926 г.

...буду рад, если «Социологию революции» переведете на украинский. Предисловие напишу с удовольствием. (...)

Я с большим удовольствием буду делать все, чем я могу быть полезен делу украинской социологии.

Сегодня буду говорить по спецрадио на русском языке с Россией, слушателями, вероятно, будут одни коммунисты, но ничего, пусть немного послушают.

№ 10

27 марта 1926 г.

...я не пеняю на Вас за Ваше молчание, я просто жалею лишь, что редко получаю Ваши письма, так как я люблю их получать. Они всегда живые и полны интереса для меня. (...)

Вы знаете, что я абсолютно ничего не имею против украинского возрождения и желаю ему всяческого успеха. Единственно, что я считал бы вредным и для дела возрождения и для всего общероссийского дела, это разжигание антагонизма против России или «Московии». Здесь я тверд и всякое подобное дело считаю вредным для возрождения самого и для всей российской культуры. Хотим ли мы этого или нет, но Киев и Москва и Иркутск связаны неразрывно. (...) С другой стороны,

* Шкрах Васил Капралек (1891–1943). Социолог, публицист, издатель трудов Масарика.

существование связи не мешает и Киеву, и Москве, и Верхнеудинску по-своему развиваться. (...) Здесь, я так сказать, «линкольнианец». И, как он, даже путем войны помешал распадению Америки на Северную и Южную, так же нужно сделать все, чтобы помешать разрыву России на части. Это было бы великим несчастьем.

Спасибо Вам за информацию. Она богата и интересна. (...) Позвоните Skrach'у и от моего имени попросите прислать несколько экземпляров №1 1926 г. журнала «Чешская мысль»... (...) Перевод «Социологии революции» всецело доверяю Вам. Лучше, если перевод будет с моего английского текста, а не русской рукописи. (...)

Чешский перевод близится к концу и скоро, видимо, выйдет? Краль* прислал мне просьбу разрешить ему выпустить популярную брошюру о книге. В Японии доктор О'Хара сейчас переводит книгу, а доктор Мусагава выпускает спецброшюру по ее поводу.

Здесь в новой книге Elwood'ф глава о революции написана по моей книге.

В Испании профессор А. Посада** в «Nacion» напечатал и прислал мне большую статью по ее поводу и об ней.

Новую книгу я кончил. Сейчас она послана Hayes'у на прочтение. Имею пока шесть предложений от различных издателей. Не решил еще, кому ее дам. Книга, надеюсь, будет не совсем плохая. Пожалуй, лучше из всего, что я писал до сих пор. Она вся, так сказать, индуктивна.

Живем мы в квартире из четырех комнат со всеми удобствами. Дом наш стоит на Миссисиппи. Очень красивое место.

Университетские здания – их более 20 огромных корпусов – рядом. Библиотека университета рядом (три минуты ходьбы). Вот так и живем между домом и университетом. Но, конечно, раз-два в неделю или клуб, или обед званый, или что-либо в этом роде. Компания главным образом профессорская или различные влиятельные люди города.

* Joset Kral (1882–1978) – чешский социолог и философ.

** Посада Адольфо Гонсалес (1860–1944). Юрист, социолог, публицист. Профессор в университете Овьедо.

Раз в неделю мы выезжаем за город за 20–30–40 миль проветриться, конечно, на автомобиле, которые тут имеются в каждой семье. Мы пока не приобрели, хотя он очень дешев, просто потому, что нет в нем необходимости. Лишние хлопоты. Один или два часа в день я обычно трачу на физические упражнения. Зимой в огромном здании университетского стадиона (специальное здание на 60 тыс. человек для футбола и всевозможных гимнастики и спорта). Играю в ручной мяч. Летом – купанье, волейбол и т.п.

Несмотря на все, все же жизнь здесь слишком уж стандартизирована, так что иногда становится немного монотонно. Вдобавок, если в Нью-Йорке по части выпивки очень хорошо, здесь не пьют. Так, что если мы будем иметь удовольствие видеть Вас в Миннеаполисе, на «рюмку» водки не очень рассчитывайте. Всего другого – все приготовим. А этого, пожалуй, и не удастся. Отношения у нас с профессорами очень хорошие. Но опять же «славянская натура» есть нечто отличное от «американской». Нашей «интимности» и «души нараспашку» здесь как-то нет совсем.

Иногда и хочется по-русски «побеседовать». Впрочем, мы оба от этого не очень страдаем. (...)

В общем, Америку я очень люблю. Но... Россию я люблю еще больше. <...>

Ваш П. Сорокин.

P.S.

Да, могу похвастаться, месяц назад я получил чрезвычайно лестное благодарственное письмо от Герберта Гувера, знаменитого министра торговли Соединенных Штатов. В нем он чрезвычайно благодарит меня за опубликование моих «Социологии революции» и «Листов из русского дневника» и хвалит их без меры. Так как письмо написано исключительно по его собственной инициативе, я лично до сих пор не встречал его, книг ему не посылал, и вообще, никогда не писал ему, то соответственно я тронут таким отзывом, этого, пожалуй, самого крупного государственного деятеля и писателя Америки.

№ 11

30 ноября 1926 г.

<...> Летом я учил, частью колесил на своем «Форде» по дебрям Севера Америки и Канады.

Будущим летом надеюсь таким путем наполовину исколесить тысячи 4–3 миль через Колорадо, Калифорнию, пустыни, горы, леса. С этой целью продал «Форд» и купил «Крайслер» (вообще в буржуи записался уже, хотя по здешнему иметь автомобиль, не больше чем иметь штаны). <...>

«Современные социологические теории» разрослись и обещают быть более интересными, чем я ожидал. <...>

В конце 1927 года она выйдет сразу и по-немецки (переводится будет с рукописи) и по-английски.

В апреле 1927 г. Н. Е. Шаповал побывал в США. В его дневнике сделаны записи.

22 апреля 1927 г. Мэдисон.

Познакомился с Россом. Говорили про характер революций. Академик А. А. Васильев из Петрограда.

29 апреля, суббота.

В понедельник 25-го выехал в Миннеаполис. Встретился с Сорокиным на вокзале.

26.IV. Был на лекции у Сорокина.

27.IV. Встречался с профессорами Чапин, Циммерманом, Кларком и др. У Сорокина учится какой-то Dr. Клодницкий.

В Чикаго приехал 28.IV. (вчера)¹⁴

№ 12

20 октября 1929 г.

Спасибо, что вспомнили и написали большое письмо. Жаль, что вы чувствуете себя уставшим, но рад, что отдаляется от «общей работы» и концентрируетесь на науке. Вы знаете мое откровенное мнение, что я не считаю Вашу «политическую» работу нужной и полезной, но всегда ценил Вашу

культурную работу без ее политического заострения.

Теперь о Ваших вопросах. Chapin переехал в Нью-Йорк в связи с редакторством в «Abstract». Устроить Вас туда при всем желании невозможно. Хотел бы помочь Вам как-нибудь в финансировании Института, но я дурак в финансовых делах и поэтому даже не возьмусь за такую попытку. Вообще, если Вы думаете об Америке, овладейте хорошо английским языком. (...)

Что касается моих работ и положения, то все в корне изменилось с тех пор, как Вы были здесь. <...>

«Principles of Rural-Urban Sociology» единогласно признаны лучшей книгой в этой области в мировой литературе. «Социологические теории», по-видимому, тоже признаны лучшей в этой области в мировой литературе. Даже мой друг von Wiese*, как Вы видели из его рецензии и второго тома его Allgemeinen Soziologie несмотря на то, что я разнес его формальную школу, признает это.

Я рецензировал его второй том в Турнвальда** «Zeitschrift für Volkerns» в только, что вышедшей книге... <...>

О научных статьях в японских, испанских, французских, американских и даже бенгальско-индийских журналах не упоминаю. Они печатаются, переводятся и комментируются. <...>

За последнюю неделю я получил четыре предложения: быть главой факультетов социологии в университетах Мичигана, Иллинойса, Гарвардском университете и почетное профессорство в Университете Висконсина. <...>

После ряда колебаний я вчера остановил свой выбор в пользу славнейшего из американских университетов – Гарвардского.

Американцы даже говорят: «Всякий магометанин мечтает о Мекке и всякий американский профессор мечтает о Гарварде». <...>

Таким образом за шесть лет русский беженец достиг вершины в смысле академической карьеры.

* Wiese Леопольд фон (1876 Глац – 11.01.1969 Кельн) – основатель Института социальных наук в университете Кельна.

** Turnwald Рихард (1869 Берлин – 19.01.1954 Берлин) – профессор Берлинского у-та с 1923 г.

<...> Не удивляйтесь, если через год-два Вы увидите меня выбранным в Президенты Американского социологического общества. (...)

И я лично очень рад, что даю кое-что для поддержки престижа русской науки. (...)

... что касается фон Визе, то из его книги и рецензий Вы видите, что на 75% он должен был признать правильность моих возражений. Эта различность взглядов не мешает нам быть друзьями, и сегодня я получил от него дружеское письмо с благодарностью за мою не очень суровую рецензию на его книгу. С Турнвальдом мы единомышленники во многом.

G. Richard* называет меня не иначе, как мэтром. Японские социологи Nunokawa и другие пять книжек экономического журнала этики и социологии за прошлый год заполнили 1/4 каждой книги статьями о моих работах.

Профессор из Калькутского университета и директор индусского экономического института B.K. Sarkar** печатает в «Callcutta University Review» серию статей под заголовком «Social and Political Philosophies from Herder to Sorokin». Словом, как Вы видите, я стал Великим князем социологии. Всего меньше признания я имею среди русских. Это меня не беспокоит. Через 15 лет с опозданием они признают. А пока я работаю много и будущий год, вероятно, придется много поработать, организовав социологию в Гарварде. <...>

Планирую начать там свой шедевр «Социальную динамику», которую хочу сделать классической работой. В Гарварде я, по-видимому, уже осяду надолго. Из Гарварда, как из вершины, некуда идти выше.

Возможно, что лето 1931–1932 годов я буду в Европе. Если хотите иметь экземпляр «Principles» – черкните. Вышлю. Если хотите иметь ее наскоро – экземпляр ее имеется у профессора V. Smetânka*** (Praha – Karlin, Strossmayerova, 3). Сошлитесь на это письмо и попросите у него на время.

* Richard Gaston – французский социолог. С 1926 г. – генсек Межд. Ин-та Социологии.

** Sarkar Беной Кумар (1887–1949) – профессор Калькутского у-та (1926–49).

*** Smetânka Вацлав – переводил «Социологию революции» на чешский язык.

Недавно был здесь профессор Тимошенко*, не младший, а старший. Замечательный специалист по технологии. Умный и дельный человек. <...>

№ 13

28 ноября 1929 г.

<...> с плохим английским здесь не примут. Шансы для человека старше 50 лет быть принятым, тоже ничтожны. Поэтому отзывы мало помогут.

Я говорил вчера с деканами о приглашении Вас, они отказались: «Нет денег», «Не можем делать фиктивных приглашений», и т.д.

Что касается визы, я уверен, хлопотами Вы устроите. Здесь в течение 1–2 года подучите язык и приспособитесь – после этого времени с Вашей энергией и талантом Вы, вероятно, сумеете устроиться здесь так или иначе. Но, и то не наверное. «Если счастье подвезет». <...>

Лично я считаю, что оставаясь там и работая в чисто научно-культурной области (не политической). Вы сделаете и больше, и будете чувствовать себя лучше, чем здесь на весьма неопределенном положении.

Мое отрицательное отношение к Вашей политике состояло и состоит, как мы не раз «спорили» с Вами, в моем убеждении, что линия «суверенной Украины», стимулирующая нелюбовь и ненависть к России «Великой» и утопична и вредна и для Украины и для России.

Теперь более, чем когда-либо, я верую, что исторические судьбы Харькова, Киева, Москвы, Петербурга, Вятки едины и неотделимы, что не мешает мне признать и желательность широких политической и культурной автономий этих и других «провинций и штатов» России.

Эта позиция, однако, ничуть не мешает питать наиболее теплые и дружеские чувства к Вам и уважать Вас. 24–26/XII буду у друзей в Йельском университете. 27–30/XII на социологическом съезде в

* Тимошенко Степан Прокопьевич (1879 с. Штоповка, Конотопский у., Черниг. губ. – 1872 Пало-Алто. Калифорния) – в 1927–1936 гг. занимал кафедру в Мичиганском университете в Анн Арбор.

Вашингтоне. <...> Между делом, возможно, напишу или «Основные проблемы истории социологической мысли» или «Историю социологической мысли».
<...>

№ 14

5 мая 1930 Миннеаполис
<...> Приятно приветствовать Вас опять на этом материке. Мы пробудем в Миннеаполисе до 28 июля. С 28 июля до 28 августа поедем «цыганить», то есть путешествовать. В конце августа, возвращаясь, остановимся в Миннеаполисе недели на две, а затем поедем на автомобиле в Гарвард. Если до конца июля будете в Миннеаполисе, будем рады Вас видеть. Если не удастся Вам быть здесь и будете в Бостоне, надеюсь, дадите о себе знать и повидаемся в Гарварде. Я кончил почти 3-томную работу по Rural Sociology. (...)

Я чувствую себя уставшим и посему, вероятно, «равнодушным» ко многому. Как-то многое надоело.

В Виннипеге профессор социологии и экономики Mr. Murchison мой знакомый и до некоторой степени ученик. Если Вам понадобится повидать его, сошлитесь на мое имя. <...>

Следующие письма Шаповалу Сорокин напишет уже из Гарварда...

§ 4.

Два письма И.П. Павлову (1927). 20 антибольшевистских статей в «Воле народа» (1917)

В «Дальней дороге» Сорокин дважды пишет о академике И.П. Павлове:

«Опубликовав два тома «Системы социологии», я отложил написанное, чтобы непосредственно изучить явление, типичное для революции – голод. Вместе со студентами и сотрудниками, в тесном взаимодействии с академиками И. Павловым и В. Бехтеровым я начал исследование влияния голода на человеческое поведение и организацию общества».¹⁵

< >

«Один из самых великих ученых, И. П. Павлов, показал, до каких высот нравственности и научных идеалов поднимался дух ученых России в те ужасные дни. Как двое наиболее часто выступающие с критикой коммунизма ученых, мы с Павловым крепко сдружились в те годы. Вместе с ним мы организовали Общество объективных исследований человеческого поведения, где я был действующим, а Павлов – почетным председателями. Не иначе как в целях пропаганды своей политики за рубежом Советское правительство в 1921 году издало декрет специально о Павлове, в котором заявило о публикации всех его работ и создало комиссию, куда вошли Максим Горький и Луначарский, для решения неотложных проблем его лаборатории. Павлов ответил заявлением, что он не торгует своими знаниями и не примет ничего из рук, уничтоживших русскую науку и культуру.

Такие героические поступки и такая приверженность своим идеалам вопреки гонениям были не единичны, но были и противоположные примеры».¹⁶

Иван Петрович Павлов из Советской России выслан не был, но до самой смерти оставался там единствен-

ным открытым антибольшевиком. Дважды (в 1923 и в 1929 гг.) он посещал США и возвращался в СССР...

В 1927 году Павлов опубликовал «Лекции о работе больших полушарий головного мозга», в которых подвел итоги своим многолетним исследованиям... Тогда же Павлов написал письмо Максу Истмену:

15-7-1927 г. Ленинград.

Уважаемый господин Истман !

Я прочел с интересом Вашу книгу и вполне присоединяюсь к Вашей критике философской подкладки марксизма. Но я не могу признать просто науку революции. Такой нет и долго еще не будет, так как нет научной политики, истории, социологии и так далее, это только жизненное блуждание, только частью направляемое эмпирически, у кого силен многообъемлющий здравый смысл. Нашу большевистскую революцию, с ее ужасными для нашего теперешнего умственного и нравственного развития подробностями, считаю анахронизмом, который (я убежден в этом) никогда и нигде в культурном мире не повторится в таком виде. Таково мое крайнее разумение в этих вещах.

С истинным уважением – «Иван Павлов».¹⁷

В огромном архиве Павлова в Петербурге сохранилось два письма Сорокина от того же 1927 года:

6 марта 1927 г.

Глубокоуважаемый Иван Петрович:

Я позволяю себе обратиться к Вам с следующей покорнейшей просьбой. Для моих собственных научных работ и для лучшего ознакомления англо-американских ученых с вашими работами я очень желал бы иметь все, что было опубликовано Вами и Вашими учениками касательно человеческого поведения после 1924 года. Последнее, что я имею – это Ваш «Двадцатилетний опыт». Из разных источников я знаю, что ваша школа опубликовала ряд новых замечательных работ относительно торможения рефлексов сна и даже относительно нового метода исследований умственных способностей (mental test-профессора Красногорского).

Но все это я знаю из вторых рук, фрагментарно и поэтому неаутентично. В ряде своих работ, которые я попробовал выслать Вам но unsuccessfully, я пытаюсь применить основные данные Ваших теорий к истолкованию общественных явлений.

Я был бы чрезвычайно благодарен Вам, если бы Вы нашли возможным, хотя бы в некоторой степени удовлетворить мою просьбу, выслать мне те работы, которые Вы найдете полезными и важными для вышеуказанных целей.

Если высылка сопряжена с расходами, я с удовольствием возьму их.

Позволю себе напомнить, что я имел честь встречаться с вами несколько раз в 1920–1922 годах и в Вашей лаборатории и у Вас на квартире.

Желаю Вам здоровья и сил для продолжения той великой работы, которую Вы столь успешно делаете и для чести России и для блага человечества.

С искренним уважением П.А. Сорокин, профессор
Петроградского теперь
Миннесотского Университета.

P.S.

Помимо ваших работ, особенно интересной для меня является новая работа профессора Красногорского об исследовании умственных способностей».¹⁸

№ 2

12 мая 1927

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Петрович,

Большую радость доставили Вы мне присылкой Вашей великой и прекрасной книги.* Огромное спасибо Вам за это. Всякий ученый будет гордиться ею; русский ученый гордится ею в двойной степени, потому что Ваша работа – работа русского и блеск Вашего ума падает и на русский народ.

Я только что получил ее и успел прочесть лишь первые четыре лекции и пишу это письмо в предварительном порядке, чтобы поблагодарить незамедлительно. Позже я напишу, что и как я сделал в.

* Павлов послал Сорокину свою книгу «Лекции о работе больших полушарий головного мозга» с надписью «Глубокоуважаемому Питириму Александровичу Сорокину от автора».

смысле осведомления американских ученых о ней. В ближайший понедельник я делаю о ней доклад среди наших психологов, социологов и биологов. Затем предполагаю дать реферат о ней в американском социологическом журнале, так как уверен, что психологи Америки и физиологи будут писать о ней в своих журналах. Насколько мне известно, она уже переводится и выйдет с предисловием Watson'a.*

О Ваших предыдущих работах, поскольку они касаются исследования человеческого поведения и социальных явлений, я писал уже в обзоре русской социологии за XX век. (Jarhbuch fur Soziologie. Bd. II. 1926).

Пишу о них в своем докладе на последнем съезде американских социологов, «Russian sociology in the Twentieth Century». Он выходит в июне в «Proceedings of American Sociological Society». Моя книга «Sociology of Revolution» целиком построена на теории условных и безусловных рефлексов, конечно, с указанием того, что она – теория – развита вами и вашими учениками. Наконец, в выходящей осенью моей книге «Contemporary Sociological Theories» в отделе, посвященный behavioristic sociology положена Ваша школа, и с точки зрения вашей теории я критикую многие легкомысленные и спекулятивные-псевдообъективные теории многих американских бихевиористов и «псевдобихевиористов», к числу коих я отношу и таких лиц как J. Watson, который по существу, мало что сделал сам и, конечно, ни одного атома экспериментального материала не прибавил, все слизал у Вас, а претензии обнаруживает большие и выводы часто делает сногшибательные, пахнущие хорошим сортом спекулятивной метафизики.

Я уже не говорю о таких невеждах и нечестных и вредных для русской культуры лицах, как небезызвестный Вам «профессор» J. Davis. Если он еще заявится к Вам, отчитайте его хорошенько. Это «Хлестаков» во всех смыслах. Я пытался послать вам перечисленные мои работы, не для того чтобы отнимать Ваше драгоценное время на их чтение, а

* Уотсон Джон Бродес (1878 Южная Каролина – 1958) – американский психолог.

просто как дань глубокого почтения и восхищения Вашим гением. К сожалению, в силу неисправности почты, они не могли достичь Вас.

В газетах я читал, что доктор Красногорский изобрел какой-то новый mental-test для измерения разума разных животных и людей.

Если это верно, и если это не очень обременительно, я очень желал бы получить то, что он напечатал или сделал в этой области. Сейчас я отдаю главное время чисто экспериментальной работе с детьми и взрослыми. Исследую три большие социальные проблемы, и работа Красногорского была бы очень полезна для меня.

Пока на этом кончаю. Позже напишу подробно. Еще раз огромное и сердечное Вам спасибо за вашу исключительную любезность.

**Глубокопреклоняющийся перед вами
Питирим Сорокин.**

P.S.

Если чем-нибудь я могу быть полезным Вам – буду душевно рад сделать все, что могу.»¹⁹

Иван Павлов, Питирим Сорокин, Михаил Ростовцев, следует признать, были необычными фигурами в русской науке... «Черные кошки»... Добавить к ним еще чье-либо имя сразу не так просто... Может, Никодим Кондаков...

После большевистской революции от красного террора из России бежало несколько миллионов людей. Несколько сотен ученых смогли добраться до США, но только несколько человек из них смогли найти работу в американских университетах... причина – плохое знание английского языка, слабая способность к адаптации.²⁰

В нынешней РФ Сорокин и Павлова по-прежнему одевают в «советские» одежды.²¹

Статьи П.А. Сорокина 1917 года из «Воли народа» опубликованы выборочно.²²

Восполним пробел хотя бы названиями неопубликованного:

1. Проклятье русской нации. (1 июля)
2. Есть ли надежда? (№71. 26 июля. С.1)
3. Ничему ненаучившиеся (№91. 13 августа. С.1-2)

4. Гибельный разрыв. (№98. 22 августа. С.2)
5. Суждены нам благие порывы. (№133. 10 октября. С.1-2)
6. Заметки социолога (17 октября).
7. Заметки социолога (18 октября).
8. Назревающее междоусобье (№152. 24 октября. С.1)
9. Знаменательный дебют (№154. 26 октября. С.1)
10. На двух стульях (№156. 28 октября. С.1-2)
11. Единство демократии и большевики (№158. 30 октября).
12. Недоноски большевизма (№159. 31 октября. С.1)
13. Кто фальсификатор? (№159. 31 октября. С.1-2)
14. Угрозы лживой «Правды» (№193. 14 декабря. С.1)
15. Выход из тупика. (№196. 17 декабря).

Кроме того, вероятно, именно Сорокин автор многих неподписанных передовых статей в «Воле народа».

Стиль Сорокина узнаваем не только мною...

Автором неподписанных статей:

- 1) Долой большевизм (7 сентября)
- 2) Опасный уклон (8 сентября)
- 3) Проблема власти (15 сентября)
- 4) На краю бездны (20 сентября)
- 5) Ленинцы, черносотенцы и полуленинцы (13 октября)

«...по темам, тону, стилю схожим с авторскими статьями Сорокина» современный исследователь **«с риском ошибиться»** считает П.А. Сорокина. Поскольку:

«...в отличие от статей Аргунова, строго фактологических, логических, иногда сухо аналитических, статьи Сорокина эмоциональны и обращены не на сам факт, а на его социологический смысл».²³

§5.

а). Письма Мак-Кракену (1924–1925)

...Продолжается переписка Сорокина с Мак-Кракеном. Из нее известны первые американские адреса Сорокина.

В ноябре 1923 г. Сорокин жил: 145 W. 84 th. str. New-York City. С конца марта по июль 1924 года Сорокин с женой жили в арендованном у Алексея Вирена доме по адресу: 204 Sheffield Ave. Springfiel Gargen. Laurelton, Long Island. N.Y.C. Здесь в первых числах июня 1924 года Сорокин завершил «Leaves from Russian Diary».

В письме от 10 июня 1924 года Сорокин писал, что в апреле читал лекции в университетах Принстона и Мичигана, а в августе–сентябре даст два курса по всеобщей социологии в университете Миннесоты.

2 августа уже из Миннеаполиса Сорокин пишет:

«Из моей страны приходят очень плохие вести: снова голод, холера, тиф и так далее. Но, в то же время мне кажется, что новые молодые силы растут. Я оптимист».

17 августа.

«Я принят в университет Миннесоты в качестве профессора на следующий академический год <...> Экономические условия сравнительно скромные, но они дают мне возможность жить, а это все что мне нужно».

20 октября.

«Посылаю вам экземпляр «Leaves from a Russian Diary», которая только что опубликована <...> Моя вторая книга «Социология Революции» выйдет в

течении следующих двух-трех недель» <...> Я начал изучать проблему социальной мобильности. <...> Ужасно, что приходится выступать с лекциями о России по крайней мере раз в неделю в различных клубах. Надеюсь, что очень скоро я положу конец этому моему «бизнесу».

28 ноября.

«Кажется Вассар Коледж становится убежищем для русских «контрреволюционеров», после меня, вы оказали гостеприимство госпоже Жекулиной*, не говоря о других «контрреволюционерах» <...> Доктор Кондратьев приехал к нам три недели назад и все еще здесь. Чтобы его после возвращения Советское правительство не объявило за это «преступником» мы, по возможности, храним этот факт в секрете. Сейчас Кондратьева нет. Когда он вернется – я спрошу поедет ли он в Вассар в ответ на ваше дружеское приглашение. Если поедет, то прошу вас не давать публицити его заявлениям, а если он будет вынужден все-таки давать некую информацию, то только людям, которые могут хранить в секрете его очень скромные заявления. <...> Моя «Социология Революции» выходит в январе. <...> Я получил дюжины рецензий на мои «Leaves...» Все они превосходны за исключением рецензии в «The Nation».²⁴

9 мая 1925.

«Я получил предложение остаться здесь на следующий год. <...> В России дела идут так как они должны идти. Революция вступила в третью стадию. <...> Страна все более возрождается, а ее «первые» люди показывают явные признаки слабости. «Агония» будет продолжаться некоторое время. Мне кажется ее конец недалек. Недавно я получил изданный русской компартией том (A Survey of the country life in Russia), в котором прочитал, что я крайне популярен среди крестьян соверной

* Аделаида Владимировна Жекулина (урожденная Евреинова) (1866 Курск – 1950 Брюссель) русский педагог и общественный деятель.

России. Такое свидетельство от Компартии мне крайне льстит».

25 ноября 1925.

«Не знаю для чего я написал около 400 страниц книги* о том чего я не знаю. Каждый человек имеет свой собственный бзик»

«Социальная мобильность» опубликована в 1927 году. И как пишет Барри Джонстон:

«...была первой из четырех книг Сорокина, ставших основополагающими в социологии того времени»²⁵

Мак-Кракен прожил долгую жизнь. Умер в возрасте 89 лет в 1970 году. Вассар Колледж он возглавлял с 1915 по 1946 год...

Кое-что можно извлечь и из прессы Вассара...

«Профессор Сорокин получил формальное приглашение от Советского правительства вернуться в Россию и занять его прежнее место в качестве редактора крестьянского журнала. Другие редакторы этого журнала получили сходные предложения. Но профессор Сорокин не вернется в Россию пока большевики у власти. Он полагает, что нынешнее правительство разрешая ему вернуться обратно надеется на его поддержку в примирении крестьянской партии с большевиками. Если даже он примет такое предложение правительство не сможет предотвратить его убийство крайними экстремистами, полагает Сорокин. Сомнительно также, что он останется в живых, когда начнет обучать большевиков своей собственной психологической науке. Если, как пишет нью-йоркская газета, Троцкий брошен в тюрьму своей собственной партией, то конец большевиков очень близок».²⁶

* Речь идет о «Социальной мобильности».

Через день после публикации этой заметки в России умер Ленин... Новость застала Сорокина, видимо, уже в Нью-Йорке. Он немедленно пишет развернутый некролог «Фанатик и антисоциальный экстремист» и публикует в нью-йоркском ежемесячнике «Current History».^{26а}

Приблизительно в ноябре 1923 г. в Нью-Йорке была создана «Русская Академическая группа в Америке». Председателем Правления стал барон Сергей Корф. Секретарем – Михаил Карпович. Среди 20 членов – учредителей РАГ – Питирим Сорокин. Адрес секретаря группы Карповича – комната 805. 342 Madison Avenue, NYC. Здесь же находился и офис «Помощи русским студентам», которым руководил Александр Вирен...

ЧЛЕНЫ-УЧРЕДИТЕЛИ РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ В АМЕРИКЕ

- 1. Балдин Силуан Фемистоклович**
- 2. Бахметев Борис Александрович**
- 3. Ботезат Георгий Александрович**
- 4. Васильев Сергей Александрович**
- 5. Виннер Николай Владимирович**
- 6. Гольдштейн Иосиф Маркович**
- 7. Гальцов Павел Семенович**
- 8. Данчакова Вера Михайловна**
- 9. Ингерман Сергей Михайлович**
- 10. Карпович Михаил Михайлович**
- 11. Ковальский Казимир Адольфович**
- 12. Корф Сергей Александрович**
- 13. Оберучев Константин Михайлович**
- 14. Остромысленский Иван Иванович**
- 15. Петрункевич Александр Иванович**
- 16. Покровский Николай Владимирович**
- 17. Полушкин Евгений Павлович**
- 18. Сатина София Александровна**
- 19. Сорокин Питирим Александрович**
- 20. Стадниченко Таисия Максимовна**

**СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ
ГРУППЫ В АМЕРИКЕ НА 1924 ГОД**

**(Избрано на Учредительном Собрании Группы 4
декабря 1923 года)**

**Председатель – барон Сергей Александрович
Корф**

**Первый Товарищ Председателя – Александр Ива-
нович Петрункевич**

**Второй Товарищ Председателя – Силуан Фемис-
токлович Балдин**

Казначей – Сергей Михайлович Ингерман

Секретарь – Михаил Михайлович Карпович

**Адрес Секретаря – Room 805, 342 Madison Avenue,
New York City**

**Адрес Казначея – 418, Central Park West, New
York City.²⁷**

Если на первую русскую книгу Сорокина «Преступление и кара» был дождь рецензий, то на первую американскую – ливень:

- 1) Charles Recht. Rufugee Psychology (Nation. 1924. Nov.26)
- 2) Alexander I. Nazaroff. (New York Times. 1924. Dec. 7)
- 3) A.N. Nikolaieff. Russia from Within. (New York Evening Post. 1925. Jan. 3)
- 4) Louis H. Wetmore (Commonwealth. 1925. March 4. P.469-470)
- 5) Johan J. Smertenko. (New York Herald Tribune, 1925, March 14)
- 6) Harold D. Lasswell (The American Journal of Sociology. 1925. July. Vol.31. No1. P.108-109)

Уже через пару месяцев после выхода книги Сорокин, как это видно из его письма библиотекарю Университета Миннесоты Фрэнку Уолтеру, насчитал около 20 рецензий на нее. В том числе в:

- 7) «The Century»
- 8) «World Work»
- 9) «The Sun»
- 10) «The World»

- 11) «The Saturday Review of Literature»
 - 12) «Boston Evening Transcript»
 - 13) «Christian Advocate»
 - 14) «The American Mercury»
- и другие.²⁸

Своих антикоммунистических взглядов Сорокин не скрывал. В начале мая 1924 года, когда он по приглашению Чарлза Кули приезжал прочитать несколько лекций в Мичиганский Университет, местный журнал писал:

«Питирим Сорокин, бывший профессор Петроградского университета, который прочитал на минувшей неделе серию лекций в Энн Арборе, прибыл к нам с самой прекрасной русской рекомендацией. Он трижды сидел в тюрьме при царском режиме. Он был приговорен к смерти и, наконец, выслан коммунистическим правительством потому что он был ученым и написал книгу «Голод как фактор»».²⁹

Не везде было так, как в Мичигане... В «Дальней дороге» Сорокин пишет о первых годах в США:

«...меньшинство американских социологов пыталось приуменьшить ценность моих работ всеми возможными способами. Как я узнал позднее, часть людей, входивших в это меньшинство, даже начала умышленную кампанию по «дискредитации Сорокина». Я не знаю точно, каковы были их мотивы. На основе отрывочных свидетельств, подозреваю, что «заговорщикам» не просто не понравилась разница в наших точках зрения, им встала поперек горла моя антикоммунистическая деятельность, которой я был занят в тот период, и моя критика любимых ими теорий и идеологий».³⁰

В 1924 году кроме «Leaves from a Russian Diary» и ленинского некролога, Сорокин опубликовал статью «Новый советский свод законов и советская юстиция», в которой речь идет о новом Уголовном кодексе РСФСР принятом в 1922 году. Начинает ее так:

«К 1922 году едва ли возможно говорить о какой-либо юстиции, законе, суде в Советской России, если вы хотите использовать эти термины в обычном значении. Годы 1918–21 были годами террора».

И продолжает:

«Я сам был свидетелем. В Устюге во время моего заключения около 40 крестьян были расстреляны местной ЧК без всякого суда. Жертвы даже не знали за что их арестовали. И так по всей России. В период 1918–21 годов было казнено не менее, чем 500 тысяч человек».*

Вывод статьи – о «юстиции» в Советской России нельзя говорить вовсе...³¹

После выхода в январе 1925 года «Социологии Революции», Сорокин книг о России не писал долго...

Кампания по «дискредитации Сорокина» сыграла свою роль...

б). Семь рецензий в «The Saturday Review of Literature»

Как и в России, Сорокин пишет рецензии на книги.

С 1924 года в Нью-Йорке стал издаваться журнал «The Saturday Review» (его основателем и редактором (1924–36) был литературовед Генри Кэнби. (1878–1961)). Время от времени в журнале появлялись небольшие рецензии профессора Университета Миннесоты Питирима Сорокина.

* Сорокин не указывает методы, которыми он вывел эту цифру. По данным профессора Эдинбургского университета Чарлза Саролеа от красного террора погибло более 1 миллиона человек («The Scotsman». 1923. №7. November).

1. Русские Анналы. (1924. 2 августа).

Рецензия на «Modern Russian History» Александра Корнилова в переводе Александра Кауна (Knopf. 1924)

«Это один из лучших учебников по русской истории XIX столетия. Только «Лекции по русской истории» профессора Платонова, «История» Шмурло (опубликована на русском в 1920 г.) и 5-й том «Истории России» Ключевского (опубликован на русском только в 1922 г.) могут быть упомянуты как соперники, в некоторых отношениях они даже лучше, книги Корнилова. <...> Библиография приложенная к книге, однако, не полна. <...> Даже не упомянуты такие книги: как Маслов «Россия после 4 лет революции» (Kings Co), «Русский экономист» (тома I–VII. Лондон. 1918–1924) или статья Маклакова о русском крестьянстве («Slavonic Review» 1923) и некоторые другие.

Что касается очерка А.С. Кауна «Россия при Николае II», который добавлен к книге, мы должны сказать, что автор хорошо сделал искренне сказав: «Я не претендую трактовать этот период *sine ira et studio*, слишком много негативных преувеличений и только случайно упомянуты позитивные стороны периода, который был периодом наиболее быстрого и интенсивного развития России в экономическом и культурном аспектах».³²

2. Вызов Утопиям (1925. 7 февраля).

Рецензия на «We» («Мы») Евгения Замятина. В переводе Г. Зильбурга. (N.Y. E.P. Dutton and Co. 1924)

Это была одна из первых рецензий на знаменитую антиутопию. Вполне возможно, что именно Сорокин с Зильбургом³³ и осуществили его американскую публикацию. Возможно «американец» Сорокин вывез рукопись «Мы» «англичанина» Замятина из Советской России...

«Мы» это бомба смело брошенная в «стандартизацию», «рационализацию», «социализацию» и другие модные в наши дни лозунги. Философская как «Республика» Платона, интересная как одна из лучших утопий Г. Уэлса, холодная как дуло заряженного револьвера и саркастическое как путе-

шествие Гулливера. «Мы» это мощный вызов вам социалистическим утопиям. Естественно, что такая книга пришла из России. Только человек таланта Замятина, который и доныне находится в центре величайшего эксперимента «стандартизации» и «коммунизации» человеческой природы мог написать эту Утопию абсолютно стандартизованного и социализированного общества. Это не означает, что «Мы» – пропагандистская книга, высмеивающая Советскую Россию. Нет. Коммунистический режим дал только импульс необходимый для старта. Основное создано мыслью и фантазией автора».³⁴

3. «Россия теперь и прежде» (1925. 18 июля)

Рецензия на «Перекованная Россия» Е.В. Халлинджера (N.Y. Datton and Co. 1925)

«Среди многих книг, написанных иностранцами о Советской России книга Халлинджера одна из немногих свободных от нелепостей и ошибок обычных в таких книгах. В 26 главах автор дает живую и, в общем, точную характеристику политической, моральной, экономической, социальной и духовной жизни России в 1921–1923 гг. Его знание русской истории и языка, его искреннее стремление к правде и его симпатия к русскому народу, его жизнь в России в течении 9 месяцев помогли ему правильно оценить ситуацию»³⁵

4. «Одним разочарованным больше». (1925. 24 октября).

Рецензия на «Большевицкий миф. (Дневник 1920–1922 гг.) Александра Беркмана и «Пестрые купола» Джеральда Шелли.

«Для многих, кто болен Революцией и Коммунизмом, Советская Россия кажется чудесным санаторием. Таких людей, если они честны достаточно послать в Коммунистическое Царство на несколько месяцев, чтобы радикально излечить их от болезни. «Большевицкий миф» прекрасное этому подтверждение. <...> Со своей стороны могу сказать, что все факты, приводимые автором точны. Книга особенно полезна для тех, больших большевицкой Дульсинеей Дон Кихотов, которые

ничего не знают о ней, кроме своих иллюзий и все еще сражаются за «грязную девку» Москвы. Книга поможет понять им всю абсурдность их отношения к большевикам.

<...>

Книга Шелли типична. Со многими ошибками. Обычная средняя книга во всех отношениях. Кроме одного. Автор большой поклонник... Распутина...»³⁶

5. Русский народ. (1925. 19 декабря)

Рецензия на «Тень мрачного Востока» Фердинанда Оссендовского (N.Y. Dutton and Co. 1925).

«Книга с романтическим названием представляет попытку охарактеризовать русский народ. <...> Хороша для рекламного отдела желтой газеты. На этом можно было бы и закончить если бы не одно обвинение, постоянно подчеркиваемое автором. Крайняя жестокость русского народа, как его характерная черта. То же самое мы слышали от многих советских правителей, которые таким способом пытаются оправдать их жестокость. Так ли это? Я думаю – вполне ошибочно. Верно, что жестокость русской революции была ужасна. Но все великие революции – у греков и римлян, немцев, французов, чехов, англичан и у многих других сопровождалась той же степенью жестокости. В этом отношении русская революция не исключение. Но мы можем спросить, кто осуществлял эти зверства в русской революции. Автор сам отмечает, что среди чекистов были русские, евреи, латыши, поляки, венгры, немцы, китайцы и подонки всех наций. Из кого состоит третий Интернационал или Советское правительство? Там не так много русских как подонков всех стран. Русские люди были скорее жертвами чем авторами террора. Разве не из Западной Европы были импортированы в Россию марксистские теории? Где в Азии или в Европе примеры «христианства и гуманизма» показали организаторы Великой войны? Приняв во внимание эти и многие другие сходные факты, в том числе сравнительную статистику преступлений и

наказаний в России и европейских странах перед революцией, мы должны сказать, что обвинения Оссендовского по крайней мере лицемерны. Если бы в настоящее время в России не было так много иностранных «спасителей» и «культуртрегеров» в виде советских правителей, иностранных коммунистов и социалистов, пробольшевистских писателей и симпатизантов, авантюристов и дельцов со всех стран, процесс нормализации и морального и физического возрождения русской нации, который уже начался, мог бы идти гораздо быстрее»³⁷

6. Русские Анналы. (1926. 30 января).

Рецензии: James Mavor. «An Economic History of Russia» New York: E.P. Dutton and Co. 1925.

N. Makeev and Valentine O'Hara. «Russia» New York: Charles Scribner's Sons.

«Это новое и незначительно измененное издание работы профессора Mavor'a вполне заслуживающей хорошей оценки которой было принято ее первое издание в Англии, Соединенных Штатах и России. Книга и сейчас остается наиболее полным, научным и беспристрастным обзором экономической истории России, написанной иностранцем. <...> Второй том практически – история революционного движения в России от XVIII столетия и революции 1917 г. <...> Работа представляет хорошую историю не только экономического но и социального развития России.

За исключением первых вступительных глав «Россия» Н. Макеева и V. O'Hara может служить продолжением книги профессора Mavor'a. Книга представляет историю последней русской революции... Как и профессор Mavor, авторы: бывший председатель Всероссийского Союза земств и англичанин, член англо-русского комитета в Петрограде, хорошо знают о чем говорят. <...> Без колебаний я рекомендую книгу всем, кто хочет иметь объективные и полновесные знания о большом событии современной истории»³⁸

7. Как писать рассказы. (1927. 24 сентября).
 THE LIFE AND LETTERS OF ANTON TCHEKHOV.
 Translated and edited by S.S. Koteliansky and
 Philip Tomlinson. New York: George H. Doran.
 1927.
- THE LETTERS OF ANTON TCHEKHOV TO OLGA L.
 KNIPPER. Translated from the Russian by
 Constance Garnett. The same.
- ANTON TCHEKHOV: Literary and Theatre
 Reminiscences. Translated and edited by
 S.S. Koteliansky. The same.

«Эти три тома представляют Чехова как человека, писателя, мыслителя и как гражданина. <...> Чехов представляет лучший тип русской интеллигенции. <...> Многие его письма можно озаглавить «Как писать рассказы». <...> Чехов – реалист par excellence. Будучи реалистом он объективист в такой большой степени, что я склонен назвать его одним из наиболее выдающихся представителей истинного бихевиоризма в литературе.

<...> «Жизнь и письма Антона Чехова» содержат три сотни писем из 1822 чеховских писем, опубликованных в 6-томном русском издании.

<...> «Письма Антона Чехова Ольге Книппер» интересны для исследователей личности Чехова, но обычному читателю даст много меньше чем «Жизнь и письма А. Чехова». Третий том содержит очень хороший выбор эссе и воспоминаний литературных и театральных друзей Чехова. <...> Заявление издателя, что том содержит «материал ранее не опубликованный» верно только для английского издания. На русском языке весь материал, конечно, опубликован»³⁹

...Одна из рецензий на «Leaves from a Russian Diary» заканчивалась словами:

«Сегодня Россия находится на культурном уровне Персии. Даже Турция, Португалия и Румыния более цивилизованы»⁴⁰

3 октября 1924 года Сорокин выступил с очередной лекцией о России. На этот раз в «Ротари Клуб» Миннеаполиса. Прошел ровно год с момента приезда ученого в США.

**в). «Россия сегодня». Лекция Сорокина
в «Ротари клуб» (3.10.1924. Миннеаполис.
Миннесота)**

РОССИЯ СЕГОДНЯ

Господин Председатель и джентльмены:

Цель моей речи – дать как можно точную характеристику современной ситуации в моей стране. Я понимаю, что могу выглядеть односторонним. Поэтому попытаюсь обосновать мои заявления публикациями самого Советского правительства. Они далеки от точности, но они рисуют ситуацию скорее лучше чем хуже в сравнении с реальностью.

Развитие русской революции имело два основных периода: первый период от 1917 до 1921, второй период от 1921 к 1924. Первый период был периодом роста и наступления коммунизма; второй – время упадка коммунизма и деградации Советского правительства.

В течение 1917–1920 годов так называемая капиталистическая система была полностью уничтожена и введена коммунистическая система. Частная собственность, начиная с заводов и земли и кончая последней серебряной ложкой и рубашкой граждан была аннулирована. Все было «национализировано». Производство, распределение и потребление страны целиком контролировалось правительством. Работа граждан, их жилище и еда, их мысли и речи, все их поведение предписывалось правительством.

Все газеты, кроме правительственных были запрещены. Все заседания, книги, речи, кроме коммунистических преследовались. Тюрьма, а еще более чаще расстрел было обычным наказанием за любое слово критики коммунистического режима. Короче, мы имели неограниченную диктатуру коммунистов для реализации коммунистических мечтаний. Каковы были результаты этой «коммунизации»? Они были следующими:

1. 17 миллионов мужчин и женщин погибли в революцию. Из них около 600 тысяч были казнены советским правительством без суда, около 1,5 млн погибло в Гражданскую войну и около 15 миллионов умерли от голода, болезней, эпидемий.

2. Вся экономическая жизнь в России разрушена. Промышленность снизилась до 10–15% от ее дореволюционного уровня. Сельское хозяйство до 20–25%. <...>

Средняя зарплата рабочих, которая до революции была 22 золотых рубля в месяц в 1918–21 составляла 2–8 рублей.

Крестьянство, безжалостно ограбленное правительством, стало в три раза беднее.

3. <...> Никогда во 2-ой половине XIX столетия русские трудящиеся классы не испытывали такой эксплуатации и такой полной потери всех прав человека и гражданина, и такой деспотии как в период 1919–21 гг. <...>

К 1919 г. разочарование и ненависть заменили первоначальную симпатию к коммунизму. Начались крестьянские и рабочие восстания. Несмотря на безжалостное подавление они были постоянны в 1919–21 гг. и имели характер ожесточенной партизанской войны. Количество восстаний было гораздо больше чем в XIX и XX веках при старом режиме. В начале 1921 г. коммунистическое правительство, чтобы остаться у власти, отменило в течении 24 часов почти весь коммунизм в экономической сфере и ввело «Новую экономическую политику» (НЭП), т.е. политику восстановления примитивной капиталистической системы. <...> Эта «эволюция коммунизма» стала возможной не из-за воздействия на правительство дипломатов и иностранных

бизнесменов, но только лишь благодаря сотням тысяч русских крестьян и интеллигенции, которые пали в борьбе с коммунистическими душителями русского народа.

С этого момента начался процесс дегенерации коммунизма и Советского правительства. Благодаря разрешению частной инициативы и частичной денационализации появилось частное предпринимательство. <...> Эта тенденция к улучшению была прервана правительством. Коммунисты резонно полагают, что такой рост частной экономической активности за счет «государственной промышленности и коммерции» является угрозой для него и разрушит его экономический базис. С другой стороны, чтобы покрыть дефицит национализированной промышленности, содержать огромное количество чиновников, иметь деньги для Третьего Интернационала и пропаганды Мировой революции, вознаграждать огромное количество своих шпионов и агентов Советское правительство вынуждено безжалостно грабить население <...>. Несмотря на факт, что производство зерна в России ныне недостаточно, чтобы накормить страну, правительство пытается экспортировать его за границу ради получения денег для своих и Третьего Интернационала нужд.

Поэтому экономическое улучшение было остановлено правительством. Реального экономического улучшения не происходит. За последние месяцы около 10 тысяч бизнесменов были ограблены правительством и высланы в Сибирь. Семь миллионов русских ныне вновь голодают. Нынешние восстания на Кавказе, Кубани и Дону, Тереке и других местах России – ничто иное как продолжение борьбы русского народа за существование и освобождение от удушающего режима коммунистов.

Я не могу сказать когда борьба закончится, но могу сказать, что окончится она только тогда, когда правительство будет низвергнуто. Надежда тех кто верит в эволюцию коммунизма – детские мечты. Даже если коммунисты захотят отменить свою диктатуру и ввести в России демократический режим они не смогут сделать этого. На первых же выборах

они будут абсолютно разбиты. Потеряв власть они потеряют жизнь. Невероятно, чтобы им разрешили жить в стране, где одна треть всех семей потеряла отца или сына или другого члена семьи благодаря этому правительству. Поэтому коммунисты должны держаться за диктатуру до конца и делать все для разжигания Мировой революции. Только эта революция может дать им спасение. Вот почему они так упорно продвигают мировую революцию. Поэтому в Германии и Польше, на Балканах и в Индии, во Франции, Англии и везде мы находим следы деятельности Третьего Интернационала и Советского правительства. Они вынуждены этим заниматься, чтобы спасти свои жизни от неизбежной расплаты ожидающей их в России.

Это дает мне возможность подчеркнуть международный характер русской проблемы. Борьба, которую русский народ ведет с Советским правительством, это борьба за интересы всех наций. Все должны знать, что в любой революционной деятельности в любой части мира мы найдем руку III Интернационала, а III Интернационал и Советское правительство поддерживаются деструктивными элементами во всех странах. Сражаясь с коммунистическим правительством русский народ фактически борется с деструктивными элементами во всех странах. Вы можете быть уверены, если русский народ будет в этой борьбе разбит, то это означает только одну вещь, триумф Мировой революции и неизбежную необходимость для всех стран взять эту борьбу на себя. Об этом нужно помнить. Это диктует определенную политику по отношению к современной ситуации в России для всех кто не хочет Мировой революции и ее неизбежного результата: кровавой бойни, бедности, голода и эпидемий.

«Не делать ничего, что может помочь Советскому правительству, и делать все, что может ослабить его» – единственно возможная политика для всех честных людей, желающих мира, прогресса и процветания для своей и других стран.

К сожалению эту простую вещь кажется не поняли все те, кто должен ее знать. Движимые

жадностью, своими личными интересами и фальшивым идеализмом многие люди ведут себя в совершенно другом направлении. Этим они увеличивают страдания русского народа и ухудшают ситуацию в своих странах. Тяжесть на плечах русской нации так велика и ее страдания настолько сверхчеловечны, что мы имеем право требовать от этих сторонников коммунистов воздержаться от участия в истязании русского народа. И если это требование не будет выполнено, то русский народ имеет право считать таких людей своими врагами.

В связи с этим я должен выразить величайшее уважение этой стране. Не только в моих глазах, но я осмелюсь сказать, в глазах всех русских людей, Соединенные Штаты Америки являются одним из немногих счастливых исключений среди иностранных наций в отношении к России в течение этих лет.

Вы не только не делали ситуацию хуже, но дали огромную помощь моей стране. Эта великодушная и действительно дружественная позиция адекватно оценена русским народом и не может быть забыта. Не удивительно, что на американскую нацию теперь молятся в России, а слово «американизация» на губах людей.

Указывая на международный характер русской проблемы и опасности которые могут последовать если борьба русского народа с международными авантюристами окажется безуспешной, я в то же самое время уверен, что в этой борьбе коммунисты и Советское правительство будут разбиты. Они приговорены. Помимо указанных экономических причин, делающих поражение Советского правительства почти неизбежным есть много других причин, ведущих к этому же результату.

В настоящий момент советское правительство ненавидимо 95 процентами населения. Идеология и лозунги коммунистов потеряли свою привлекательность и вызывают ненависть в России. Институты частной собственности и личной ответственности ценятся даже более высоко чем ранее. С этой точки зрения Россия ныне самая антикоммунистическая страна в мире. Вместо трансформации крестьян

в коммунистов революция трансформировала их в частных собственников. Вместо уничтожения религии дикая атеистическая пропаганда и религиозные преследования привели к возрождению религии. Попытки нынешних правителей возбудить патриотизм в сердцах людей привели к невиданному ранее национализму. Короче, коммунисты преуспели в создании тенденций вполне противоположных их желаниям. Учтите и тот факт, что большинство нынешних правителей не русского происхождения и рассматриваются народом как иностранцы. Коммунистическая партия прогнила и напоминает весеннюю реку, освобождающуюся ото льда... Правительственная машина теперь состоит, по крайней мере наполовину из скрытых царских чиновников и «специалистов», которые ненавидят нынешних диктаторов. Учтите, что Красная Армия представляет редиску, розовую снаружи и вполне «белую» внутри.

Учтите эти и многие другие условия и вы поймете почему нынешний режим в России обречен, почему мятежи и восстания увеличиваются... С помощью величайшей жестокости правительство может давить некоторой время эти восстания, но долго так не продлится.

После освобождения от коммунистической тирании понадобится 20 или 30 лет чтобы залечить раны революции. Мы станем новой Россией. Россией – страной фермерской демократии; страной индивидуализма и частной собственности, объединенных с кооперацией и подлинной человечностью.

Россией, которая будет децентрализована и трансформирована в Соединенные Штаты России.

Россией патриотической, но не милитаристской, религиозной, но не догматической. Наконец Россией «the government of the people, by the people and for the people!»⁴¹

...Американские солдаты впервые вступили в борьбу с большевиками осенью 1918 года на Архангельском фронте. В качестве законного русского правительства США признали правительство адмирала Колчака и неизменно поддерживало его борьбу. Свое непризнание

Советов США сформулировали 10 августа 1920 г. в ноте Б. Колби* и подтвердили в 1921, 1922, 1923 годах и далее... Они четко проводили грань между русским народом и Советской властью.

Прибыв в США Питирим Сорокин твердо поддержал линию Чарлза Хьюза** на непризнание большевистского правительства. Политика непризнания закончилась только в 1933-ем.

Князь Л.В. Урусов*** в своем докладе на Русском Зарубежном съезде в Париже в апреле 1926 г. выразил особую благодарность Соединенным Штатам:

«СА Штаты оказали народу русскому помощь и материальную: когда в 1921 году голод в России принял размеры стихийного бедствия, американскую АРА, организованную в чисто американских размерах, благославляли сотни тысяч пухнувшего от голода русского люда <...> и духовную <...>. Неизменно благожелательная к русскому народу, неизменно не признающая власти III Интернационала, царщей в России, великая американская республика, несомненно, тем самым действительно способствует грядущему освобождению нашей Родины, и наша благодарность должна быть ей громко выражена»⁴²

Большевики сделали все чтобы память была разрушена. Они уничтожили книгу Сорокина «Голод как фактор», посвященную АРА, миссии доктора Ф. Нансена...

Из доклада Герберта Гувера от 10 июля 1922 г. президенту США Уоррену Гардингу известно, что американский хлеб спас жизни:

«...в круглых цифрах около 3 250 000 детей и 5 300 000 взрослых – всего около 8 550 000 человек»^{.43}

Спасенных могло быть гораздо больше:

* Колби Бэйнбридж (1869–1950) – госсекретарь США с марта 1920 г. по март 1921 г.

** Хьюз (Юз) Чарлз Эванс (1862–1948) – государственный секретарь США в 1921–1925 гг. Председатель Верховного суда США (1930–1941).

*** Урусов Лев Владимирович (1877–1933. Париж) – бывший директор 2-го департамента Министерства иностранных дел России.

«...если бы русские железные дороги были в состоянии перебросить большие запасы продовольствия, которые Американская администрация помощи имела в русских портах»⁴⁴

Приблизительно 100 000 человек было спасено другими американскими организациями и:

«...около 400 000 человек поддерживается соединенными усилиями остальных европейских стран»⁴⁵

г). «Современная Россия» («Yale Review». 1926)

В 1926 г. «The «Yale Review» Сорокин представил американскому читателю сразу 10 книг под общим заголовком «Современная Россия»:

Modern Russian History, by Alexander Kornilov, translated by A.S. Kaun, A.A. Knopf.

A History of Russia, by S.F. Platonov, Macmillan Co.

An Ambassador's Memoirs, by Maurice Paleologue, 3 vols., George H. Doran Co.

The Bolshevik Myth, by Alexander Berkman, Boni & Liveright.

The Reforging of Russia, by E.W. Hullinger, E.P. Dutton & Co.

Lenin, by Leon Trotsky, Minton & Balch Co.

Literature and Revolution, by Leon Trotsky, International Publishers.

My Flight from Siberia, by Leon Trotsky, American Library Service.

Singe Lenin Died, by Max Eastman, Boni & Liveright.

Leon Trotsky, by Max Eastman, Greenberg.

«Современная русская история» Корнилова* является одним из лучших справочников по эво-

* Александр Александрович Корнилов умер в начале 1925 г. в Ленинграде.

люции России в XIX столетии. Она показывает все основные стороны русского экономического, демографического и культурного развития в этот период. Она показывает также некоторые глубокие корни современного экономического потрясения. Вместе с историями Шмурло и Ключевского (которые до сих пор не переведены на английский) и «Историей России» Платонова (которая недавно переведена), книги Корнилова дают четкую и подлинно научную трактовку предмета. Это не означает, что работа не имеет своих «слабых пунктов». Но в некоторой степени они могут быть найдены в любом тексте. Важно, чтобы такие дефекты не были очень большими и многочисленными. Я не могу сказать того же самого относительно очерка А.С. Кауна «Россия при Николае II», являющегося приложением к книге Корнилова. Каун написал не научную работу, а политический памфлет.

«История России» Платонова – наиболее популярный элементарный учебник в средних школах России. В отличие от книги Корнилова это очерк эволюции всей истории России. Автор – величайший из ныне живущих русских историков; это означает, что книга хороша, компетентна и научна. Библиография, которая добавлена редактором и переводчиком неполна и случайна.

«Мемуары» Палеолога, дневник хорошо известного французского посла в России дает прекрасный, крайне интересный и в то же время точный отчет об истории России в 1914–1917 гг. Палеолог знает о чем пишет. За небольшим исключением его утверждения вполне заслуживают доверия. Автор день за днем описывает все изменения и важные события, которые происходили в то время. Царь и царица, министры и генералы, солдаты и интеллигенция, крестьяне и рабочие, город и деревня все есть в книге. Наблюдения Палеолога проницательны, описания живописны, стиль яркий.

«Большевистский миф» А. Беркмана замечательный человеческий документ, напоминающий

«Разочарование» Эммы Голдмэн. Депортированный из США в 1919 г., автор прибыл в советское царство как в «святая святых» с восхищенным обожанием советских лидеров. Поступил на советскую службу. Но жизнь безжалостный учитель и иллюзии Беркмана вскоре начали развиваться и, наконец, исчезли. Вместо царства свободы он нашел царство неограниченной деспотии. Вместо «рабочекрестьянского правительства» он обнаружил, что страной тиранически управляет небольшая кучка людей. С одной стороны сверхчеловеческое страдание, голод, болезни и экстраординарная смертность среди масс; с другой стороны кровавый террор и эгоистический цинизм коммунистов. Это было слишком много даже для искреннего анархиста. Как и Эмма Голдмэн он стал яростным врагом советской системы и в конце 1921 года покинул Россию. Его книга это дневник, фиксирующий ежедневную жизнь людей в течение двух предшествующих лет, а также жизнь и разочарования самого автора. Его наблюдения напоминают мои собственные за 1920–1920 гг. опубликованные в «Leaves from a Russian Diary», «Большевистский миф» особенно полезен для открытия глаз «салонным социалистам» и другим близоруким любителям Советов.

«Перекованная Россия» Халлинджера – журналистский отчет о внутренней жизни страны в период, описанный Беркманом. Внимание автора в основном направлено на психологию людей, состояние искусства и науки, морали и религии. Несмотря на поверхность отчета, он более точен и более интересен, чем большинство книг о России иностранных журналистов. Основные дефекты отчета – несколько ошибочных утверждений и сомнительных гипотез и некоторые неточные статистические сведения.

Те, кто знаком с дореволюционными работами Троцкого будут разочарованы его тремя последними книгами. Как мыслитель и теоретик Троцкий никогда не был выше среднего уровня, но как стилист и памфлетист он в своих ранних писаниях показал много таланта. В его книгах «Ленин», «Литература и

революция» и «Побег из Сибири» таланта не видно. Явно написанные в спешке они скучны, бессистематичны и поверхностны. Заявления о литературе и искусстве, науке и пролетарской культуре являются только утомительным повторением сказанного много раз марксистскими писателями в Европе. Тем не менее, с одной точки зрения книга Троцкого о Ленине ценна. Бессознательно она раскрывает некоторые черты коммунистических лидеров. Поэтому вдумчивый психолог и историк может ясно увидеть, что эти «спасители человечества» не могли жить мирно вместе даже когда они были эмигрантами, что они постоянно интриговали один против другого и, что их претенциозное «Я» постоянно проявлялось внутри этой маленькой кучки.

Том Макса Истмэна это панегирик Троцкому одного из его личных друзей и поклонников. Если мы поверим автору, то Троцкий нечто вроде божества, или по крайней мере чудесный герой-святой – честный, умный и блестящий. Эта книга принадлежит к сорту измышлений и не является реальной биографией или историческим описанием. Тем не менее она ценна. Она пытается обожествить своего героя, и презирает всех его врагов – среди них особенно других коммунистов, которые выслали Троцкого на Кавказ. Автор раскрывает многие «секреты» дающие картину взаимоотношений лидеров большевиков после смерти Ленина. Картина поучительна и подобно книгам Троцкого снова показывает, что «спасители человечества» не могут договориться даже друг с другом.

Как они могут решать дела мира – вот проблема до сих пор не решенная».⁴⁶

§6.

Три «Письма другу о России» («Борьба за Россию» 1927, 1929)

С ноября 1926 г. в Париже издавался под редакцией В.Л. Бурцева, С.П. Мельгунова и др. еженедельник «Борьба за Россию». Цель журнала – подготовка «свержения чуждой народу власти».

Сорокин опубликовал в «Борьбе за Россию» три письма*. Первое в 1927 г. Второе и третье в 1929-ом.

ПИСЬМО ДРУГУ О РОССИИ.

Дорогой друг! Вы спрашиваете, что я думаю о настоящем и будущем России и эмиграции. Сегодняшний вечер у меня свободен, и я готов кратко ответить Вам. Пишу то и так, что и как я действительно думаю.

Теперь, после четырех лет сравнительной оторванности от русских и России (в Миннеаполисе нет русской колонии), после четырех лет размышления о прошлых судьбах родины и наблюдения современной – подъяремной и эмигрантской – России; размышления спокойного, не тревожимого политическими страстями и партийной склокой, не нуждающегося ни в какой «позе», ибо смешно «позировать» перед самим собою; после этих четырех лет, теперь, когда я читаю или слышу сомнения в воскресении России или уверения в длительной прочности коммунистической тирании; или унылые и «плоскодонные» мысли о бесполезности и исторической обреченности эмиграции; или зазывания «примириться и засыпать ров»; или «кудластые и путанные бредни» «евразийцев» – я тихо и спокойно смеюсь. Смеюсь, как может смеяться здоровый человек, которому говорят серьезно: «дважды два – сорок пять». Не меньшей нелепостью звучат для меня все упомянутые и многие другие «прогнозы» и «уверения». Почему? Потому что прошлое России столь грандиозно, великолепно и могущественно в своем физическом, умственном, нравс-

* Возможно эти письма «заочная переписка» с Н.Д. Кондратьевым.

твенном и культурно-социальном зодчестве, что абсолютно не допускает и малейшей возможности думать, что сброд интернациональных разбойников, называемый «советской властью», может навеки или надолго приостановить или придушить развитие Российского колосса... Временные кризисы – и иногда затяжные – случались, и не раз, – в нашем прошлом. И что же? Они изживались, и после них опять сильнее, чем раньше, русский народ рос и творил. Теперешний кризис? На три четверти он уже изжит. Только слепцы не видят этого. Здесь вот в этот момент, когда я пишу, я слышу, ощущаю, чувствую «Гимн Торжествующей Родины» над ее палачами, могильщиками и всевозможными «пискливými комарами» воющими и ноющими в преддверии их конца. Если они еще не видят его – увидят потом, ибо на то они и «комары» чтобы не видеть дальше своего носа.

Чем больше изучаешь историческое «зодчество» России, тем более и более поражаешься, изумляешься и восхищаешься его богатством. И поистине, трудно удержаться от дружественного упрека – предыдущему поколению историков русской культуры и вождям интеллигенции, которые не видели этого богатства. Купаясь в неисчислимом и неизмеримом океане культурных бриллиантов, созданных и Киевской, и Владимирской, и Новгородской, и Московской, и «Червонной», и Санкт-Петербургской Россией, – они упрямо тыкали одним пальцем на «городового» другим – на «конституцию», и только полупренебрежительно упоминали невнятно о русской культуре. Поистине, «слона то я и не приметил». Ни мы, ни грядущие поколения России, надо думать, не сделают этой роковой ошибки... Я пишу не исторический и не социологический трактат, а потому здесь не место и не время проводить доказательства. Скажу лишь одно, что даже в области чисто политического строительства государства русский народ обнаружил неуступающую никому творческую способность строить огромное здание общества методами и способами, более гуманными и более мирными, чем другие великие нации мира. Только для полуграмотных школьников «политгра-

моты» политическое зодчество России означает «погром», «тюрьму народов», «кровавый царский империализм» и ничего больше. Но что же с них, с полуграмотных, да вдобавок, часто «главою скорбных» и требовать. Вместо спора, их просто надо поставить под холодный душ, потом хорошенько обтереть шершавым полотенцем, и отослать в начальную школу... для элементарного обучения.

Приведу лишь для иллюстрации несколько из многих и ежедневных фактов, показывающих наглядно, что представляла и представляет русская культура даже здесь, в американском большом городе, не имеющем русской колонии. Факты самые банальные, и потому особенно показательные.

Миннеаполис имеет один из лучших в Америке симфонических оркестров. Прошлой весной, при закрытии сезона программа последнего концерта была составлена по желанию публики. Для этой цели несколько тысяч вопросников было разослано публике для ответа, какую симфонию она хотела бы иметь в программе. Подавляющее большинство ответило: «Патетическую симфонию Чайковского».

В Америке миллионы семейств, помимо радио, имеют усовершенствованный граммофон. Просмотрите пластинки граммофона в домах, и вы найдете почти в каждом доме либо «Эй ухнем!» (Song of Volga boat men), или Римского-Корсакова, или Мусоргского, или Рахманинова, или Шаляпина, или «Сладко пел душа соловушка» и т.д. Послушайте концерты радио или симфонического оркестра. В каждом концерте вы найдете или русского артиста, или русского композитора, или русский номер. Очередная сенсация американской оперы в эту зиму: «Снегурочка» Римского-Корсакова и «Хованщина» Мусоргского. Театр? балет? живопись? скульптура? Ну, что же говорить об этом: всякий знает «Московский Художественный Театр», «Павлову», «Григорьева» и т.д.

Наука? Моей жене – она ботаничка – то и дело приходится переводить статьи русских – до-революционных – ученых по всем отраслям естественных наук по просьбе американских ученых. Фраза: «в

этой области больше всего или поразительно много было сделано в России» – повторяемая десятки раз американскими специалистами – стала чем то вроде стереотипа. В социальных науках? Это, пожалуй, в моей области, и на днях по английски и через несколько месяцев по немецки выходит мой том «Современные социологические теории», посвященный развитию социальных наук за последние 60–70 лет. Если не я, то ряд самых крупных и американских и немецких социологов, ознакомившихся с рукописью, думают, что книга является наиболее полным и авторитетным анализом развития социальной науки за последние 70 лет. Поглядите книгу, и вы увидите, что русские ученые «не казанские сироты» и внесли полный пай в общее развитие социальной науки за этот период. Посмотрите на русских ученых в эмиграции. Беру просто один-два примера из Америки. Год назад вышли томы М.И. Ростовцева по истории Рима и Греции. Вероятно, большинство русских интеллигентов знают (а если не знают, не мешало бы знать), что эти томы единодушно признаются за лучшее, за подлинное «последнее слово науки» в данной области знания. Как это похоже на «бесплодность и обреченность эмиграции»! Другой пример, профессор Максимов из Чикагского Университета (гистолог Военно-Медиц. Академии), или директор музея Карнеги Авинов*, или Сикорский, или Тимошенко, или десятки других русских здесь. Поговорите со специалистами здесь – и вы услышите единодушный отзыв, что они «лидеры в своей области», ведущие других и открывающие новые пути... Даже скромные работы пишущего эти строки, вроде его «Социологии революции», патриархами американской социологии, вроде проф. Ф. Гиддингса и Аббота (Колумбия и Харвард), в их статьях были охарактеризованы, как

«самое лучшее исследование революционной психологии, какое когда либо было написано».

* Авинов Андрей Николаевич (1874 Полтавщина – 1949 Питтсбург) – ботаник, художник, дипломат, коллекционер. В 1926–1945 гг. директор Музея Карнеги в Питтсбурге.

Я мог бы продолжить этот перечень на ряде страниц.

Русская литература? Она не нуждается в рекомендации. Нечего и говорить о классиках, которые переведены, читаются и считаются величайшими среди величайших. Но посмотрите на число переводов с русского различных мастеров слова среди живых русских писателей, и особенно эмигрантов. Случилось так, что мне время от времени приходится писать рецензии о переводных русских книгах в лучшем, вероятно, библиографическом и литературном журнале Америки «The Saturday Review of Literature». Не говоря уже о работах эмигрантов – мастеров слова – в роде Бунина, Шмелева, Куприна, Ремизова и т.д., – только за последней месяц мне прислали для рецензирования два тома писем Чехова. «Уединенное» Розанова, прекрасный перевод басен Крылова. Это за один месяц. Переведены и Пушкин, и Гоголь, и Аксаков, и Герцен, и Толстой, и Достоевский, и Тургенев, и Потапенко, и Гаршин и сотни других больших и малых русских авторов. Такому изобилию переводов может позавидовать любая литература. И что важно, книги не только переводятся, но усердно читаются, а ряд писателей, в особенности Чехов, сейчас задают «тон» современной американской литературе.

Наконец, мужество, моральная сила и политический здравый смысл? Те из нас, кто прожили годы революции в России, каждый день и каждый час видели воочию это мужество, граничащее с героизмом. И в народе и в интеллигенции громадный пласт, порой весьма в своеобразной форме, проявлял эти черты в самых трудных условиях. Только люди, не знающие России, могут думать, что вся интеллигенция – это Ольденбурги и К-о, все лидеры – это Раковские, Сталины, Троцкие, и весь народ – это демонстрирующее «коммунистическое» стадо или безгласная толпа рабов. По существу, громадная масса населения России, особенно ее крестьянство, с упорством и удивительной настойчивостью вело и ведет непрерывную борьбу с властью. Мало того, борьбу, которая уже заставила на три четверти капитулировать «правителей». Нужно ли

упоминать тысячи героев, которые без позы и без шума погибли на своем посту. Или белое воинство с его героизмом и отвагой! Или эмиграцию – не ее политиканов, а ту толщу, которая изо дня в день, впроголодь, живет, работает на фабриках и... стоит на своем: не гнется, не лакействует и не помышляет о капитуляции...

Нет, с мужеством и моральной силой все обстоит благополучно.

Политический смысл? Оказался ли он у массы населения в России? Пусть об этом спросят коммунистов... Они на своей шее, за последние годы, чувствуют его весьма осязательно. Удалось ли им привить коммунизм толще населения и прежде всего крестьянству? напрасный вопрос: как и мы, все знают отлично, что с великим треском коммунизм и все бредни об арифметическом равенстве, интернационале и т.д. – все это провалилось. На минуту затуманенный разум, инстинкт народа уже прояснились и делают свое дело. Россия уже свободна психически от всей трескотни коммунистической фразеологии. Россия уже патриотична. Россия уже национальна. Россия держит свою исконную религию. Быт российский снова воскресает. Воскреснет и «инстинкт» государственного зодчества. Оказался ли политический смысл у эмиграции? У ее «официальных вождей» не всегда и не вполне. Но у толщи эмиграции, по-видимому, он проявился в ясной мере.

Первое, в удивительной взаимопомощи и солидарности. Последите за газетными призывами помочь инвалидам; Коверде, больным писателям или генералам, или шоферам, или студентам, или просто смертному русскому... Я следил и видел: ни один призыв не оставался без ответа и поддержки... И что особенно важно, со стороны таких же полуголодных и нуждающихся братьев... Это бесспорное доказательство солидарности национальной, как первого проявления национального здравого смысла. Один мой знакомый, смеясь, заметил:

«Еще десяток лет эмигрантской жизни – и мы, русские, будем спаяны так же крепко, как спаяны евреи: все за одного и один за всех. Мы будем неистребимы».

В этом полушутливом замечании есть глубокая правда.

Не видим ли мы дальше, что толща эмиграции, «чутьем чует», где правый и где кривой путь... Она более и более определенно идет туда, где соединяют, а не разъединяют. И за теми, кто зовет позабыть мелкие дрязги во имя борьбы за родину, а не за теми, кто продолжает считать свои «портянки» важнее освобождения России. И будьте уверены, с этого пути трудно сбить ее. И не удивляйтесь, что имена многих бывших «лидеров» уже поблекли и должны поблекнуть совсем, если они не перестанут заменять национальный флаг России своими социалистическими, монархическими, республиканскими, евразийскими и прочими «портянками». Мало того, эмиграция чует – и это особенно ясно здесь, в Америке, – фальшь и искренность в любви к России. Дешевая фразеология теряет свое очарование. Политиканство – тоже. Балаболки и болтуны уже теперь почти без дела. Думаю я, что будущие лидеры эмиграции будут не эти «политиканствующие» искатели шума, треска, и субсидий, а крепкие русские мужи: талантливые инженеры, выдающиеся ученые, великие писатели, артисты, изобретатели и организаторы. Им, этим людям дела, а не слов, суждено нас вести. А не политическим «кимвазам звенящим и меди бряцающей». «Знания времени» указывают на это.

Долго нужно было бы расписывать, мой друг, об этом. Но это не нужно. Приглядитесь к положению вдумчиво и беспристрастно, и вы увидите, что русская эмиграция на высоте. Такая эмиграция, с таким человеческим материалом и лидерами, не пропадает и не пропадет.

Такой народ, с таким прошлым и с такими творческими силами, не может быть удушен не только одной сворой Сталиных, Бухариных и всесветного сброда, но и десятью такими шайками. Будьте покойны – Батый, поляки, шведы, Наполеон, Дизраэли и сонм других исторических противников России были на тысячу голов выше грубияна Сталина, пьянчуги Рыкова, ничтожного Меньжинского и еще более никчемных прочих «правителей на

историческую секунду». И что же, ничего, Русь-матушка справилась, да еще как с этими великими гигантами. Ей ли не справиться с этими плюгавенькими «правителями». Дайте только немного сроку... Только «воронье» да «скорбные главою» могут бояться этого пугала...

Значит ли это, что нам надлежит успокоиться на этом оптимизме и ждать спокойно «урожая»? Ничуть... Это значит лишь, что борьба имеет серьезные шансы на успех, – и потому «всю мудрость змея», всю «чистоту голубя» и всю силу боли за оскорбление Родины и Народа, все мужество русского патриота – все это надо сконцентрировать в ряд сильнейших духовных и физических бомб и, удар за ударом, неустанно, непрерывно, не оглядываясь по сторонам, бить врага – главного врага России – коммунистов и их пособников. Во имя этой цели все прочее должно быть забыто и отодвинуто на задний план. От слова до бомбы – все может быть использовано. За эти годы мы кое чему научились. За эти годы мы, слава Богу, разучились обращать внимание на своих и зарубежных «тетушек», «шептунов», «гуманистов» и прочих «истов» с их «портянками». То, что ряд лет звучало для нас авторитетно, все эти всевозможные «Лиги прав», всякие «гуманистические авторитеты», «монархии», «республики», «социализмы» и пр., и пр. – все это теперь мы познали и увидели, что «король то нагой». Мы знаем теперь, что эти «тетушки» даже вовсе не «боги», а очень маленькие и убогие людишки: и их «вывески» и «знамена» просто «обертки», порою даже вонючие. Пусть они шепчут... Это их дело. А наше дело – идти и делать то, что требуется интересами Родины, в данный момент тождественными с интересами человечества и высочайших ценностей культуры. Новое поколение эмигрантской и подъяремной России совсем, по-видимому, из другого «теста». Не из теста, а, пожалуй, из гранита... Повторяя слова Бисмарка, мы можем сказать о нем: «Оно, слава Богу, ничего, кроме Господа Бога, не боится».

**С таким то поколением, да с такими то лидерами
петь отходную России или эмиграции – полноте,
не спешите...**

**Уже поздно. Завтра в восемь часов надо быть в
аудитории. А потому кончаю. Хотя и коряво, но глав-
ное сказал. Остальное сами можете додумать.**

**Жму руку.
Ваш Питирим Сорокин
Миннеаполис,
Великая Американская Республика.⁴⁷**

ВТОРОЕ ПИСЬМО ДРУГУ.

Дорогой друг!

**...Прошел год со времени моего первого письма.
Не писал тебе по причинам, о которых не стоит
говорить здесь. Постараюсь теперь ответить на твои
«проклятые» вопросы...**

**Вопрос первый: Что делает эмиграция и какова
ее историческая миссия? Из тона твоего письма я
вижу, что даже для тебя не прошло даром еже-
дневное обливание грязью Зарубежной России
советскими прохвостами. Я мог бы ответить просто
на твой вопрос, сказавши: эмиграция продолжает
держаться успешно свой исторический экзамен. И
какой экзамен! Покинувшая Россию ни с чем, без
гроша и без покровителей; встреченная иностран-
цами скорее враждебно; брошенная среди госу-
дарств, страдающих от безработицы; не зная языка
«страны рассеяния»; не приученная заранее к
видам труда или к ремеслу, которые дают сравни-
тельно больший спрос на труд; поставленная в эти
суровые условия, эмиграция не погибла. Больше
того, она выжила и обнаружила несомненную
жизнеспособность. Подумай хорошенько над этим
простым, но разительным в своей простоте фактом!
Вообрази, что буря внезапно вырывает деревья и
перебрасывает их израненными и обломанными – в
совершенно новую среду. Если деревья не умирают
и начинают жить – не скажешь ли ты, что такие
деревья показывают поразительную жизнеспособ-**

ность? То же приходится сказать и об эмиграции. Буря нас вырвала внезапно, изранила, обломала и бросила в совершенно новую обстановку. Никто особенно не заботился «поливать» и «удобрять» почву, куда «эмигрантские деревья» упали; никто за ними не ухаживал; наоборот, немало было и есть охотников обломать и изрубить эти «деревья». И, несмотря на все это, там, где десять или семь лет назад лежали эти умирающие эмигрантские деревья, теперь стоит, живет и цветет большой, крепкий, зеленый русский лес!! «Чужой язык»? – Выучен. «Безработица»? – «Терпение и труд все перетрут». «Враждебность»? – Частью преодолена, частью рассеяна, частью обезврежена. «Неумение работать»? – Выучились. Эти немногие слова не выражают и миллионной доли тех неисчислимых препятствий, с которыми неустанно приходилось бороться огромному проценту эмиграции. И, однако, стойкое существование русской эмиграции факт, и факт настолько несомненный, что даже коммунистические тупицы принуждены признать его. Каждый день и каждый час они на своей шкуре «чувствуют его дыхание». И как чувствуют. Сотни миллионов дали бы за то, чтобы снести его! Да нет! Ни сотни, ни тысячи миллионов не помогут. Русская эмиграция существует и до свержения коммунистической власти будет действовать и существовать. Удастся «отразить», «подрубить» или «вырвать» полдюжины полузасохших «вех», называемых сменовеховцами, евразийцами и другими именами («в семье не без урода»), но на место каждой такой единицы вырастают целые группы крепкого и коренастого молодняка... Таков смысл того, что я называю историческим экзаменом эмиграции. Он не оставляет ни малейшего сомнения в ее огромной жизнеспособности...

Предвижу твое возможное возражение, сказанное в твоей обычной манере: «Согласен, что эмиграция показала жизнеспособность. Но что ж? Самое жизнеспособное растение – лопух, а в животном мире – паразиты. Растут и выживают везде и при всех условиях!» «All right», как говорят американцы. Давайте посмотрим «пара-

зитаризм» и «лопухообразность» эмиграции. Что касается «паразитаризма», то достаточно сказать, что огромное большинство эмиграции работает и, как общее правило, работает так, как редко работают в любой стране: иначе эмиграция не могла бы конкурировать со «своими рабочими». Работает она вдобавок в самых тяжелых отраслях труда в качестве рабочих, по преимуществу. Даром куска хлеба не дают чужаку, а манна небесная не падает с небес в теперешние времена. Потому упреки в паразитизме могут быть применимы к кому угодно, но не к русской эмиграции. Мы мало говорим, но работаем много – и, по-видимому, не дурно... Иначе мы умерли бы давно с голоду. Масса теперешней эмиграции проводит время за фабричным станком, в рудниках, на полях и виноградниках, в мастерской и конторе или в знойных пустынях Сахары... Не стоит больше говорить о том, что так же очевидно, как дважды два четыре...

Теперь о репейниках или лопухах. Да, эмиграция имеет цепкость репейника. Это верно. Но во всех других отношениях сравнение не проходит. Не было бы странным, если бы, поставленная в сверхчеловечески-трудные условия, эмиграция пала морально и дала огромный процент преступников и преступности. И, однако, судебная и полицейская статистика ни в одной стране не показывает этого: наоборот, во многих странах она показывает обратное: низкую преступность русской эмиграции. Ты понимаешь – и немало – в социологии и в моральной статистике. Тебе не надо объяснять огромную многозначительность этого факта: он беспристрастный свидетель сверхнормальной моральной стойкости и подлинной социальности русской эмиграции.

Вышеприведенного было бы вполне достаточно, чтобы видеть, что эмиграция держит свой исторический экзамен хорошо. Живет и крепнет, работает и не вырождается ни морально, ни социально. Но этого мало. Сверх сего эмиграция выполняет три огромные исторические миссии: она творит высшие культурные ценности; она знакомит весь мир с русской культурой; она стремится помочь – прямо и косвенно – освобождению Родины от коммуни-

тического маразма и ее возрождению для новой и достойной жизни. Пункт первый: творчество высших культурных ценностей. Я был бы рад, если бы видел, что творчество высших культурных ценностей процветает в современной России. Но, увы! Об этом мало приходится слышать. Газовая маска коммунистической тупости не только убивает новые таланты и не дает им роста, но отравляет даже те таланты, которые выросли раньше, до революции. В самом деле, чем «kozyряет» советская власть? В области театра: Художественным театром, балетом, операми и драмами, написанными и созданными до революции, без коммунистов и не коммунистами. Даже бедняга Мейерхольд, и тот «от старого режима». А с «Коммунистическим театром» вышел один конфуз. Ничего не вышло из всех коммунистических потуг на творчество. Чем козыряет коммунистическая тупость в области науки? Имена И.П. Павлова и других великих – дореволюционных и антиреволюционных – ученых. Ни об одном талантливом коммунисте-ученом не слышно. В области музыки? Скрябин, Прокофьев и Стравинский родились и выросли при старом режиме. Новых «коммунистических» имен не видно. Такова тяжелая печать коммунистического режима.

Взглянем на эмиграцию. Не было бы странным, если бы в суровой борьбе за кусок хлеба вся энергия эмиграции ушла на добывание хлеба только. Но нет! Не субсидируемая никем, она создала и имеет немало газет и журналов, свои театры, даже университеты, свою оперу, свои выставки свою литературу и сотни научных и художественных обществ и клубов. Ее молодое поколение учится в русских и иностранных средних и высших школах. Это, как видите, мало похоже на «лопух» или «репейник». С качественной стороны дело обстоит так: Школьные успехи русских студентов и учеников в школах и университетах Америки в общем и целом выше среднего уровня американских студентов и учеников. Сходно обстоит дело и в других странах. Такова умственная черта «издыхающей эмиграции».

Пойдем дальше. Достаточно только назвать крупнейшие имена: в области театра, музыки и искусства.

Рахманинова, Стравинского, Ауэра, Кусевицкого, Гречанинова, Черепнина, Коровина, Стелецкого, Яковлева, Билибина, Шаляпина, Н. Кошиц, Кедровых, Анны Павловой, Карсавиной, Преображенской, Мозжухина и т.д.; в области литературы имена: Бунина, Куприна, Шмелева, Бальмонта, Мережковского; в области науки: Ростовцева, Струве, Милюкова, Кизеветтера и сотни других; в области техники и изобретений сотни имен – и старых и новых; достаточно назвать эти сотни имен, чтобы видеть, что носители русской культуры почти в одной трети за рубежом России. И не это главное, а то, что все эти творцы продолжали и продолжают творить здесь и занимают места в первом ряду руководящих работников в соответственной культурной области. Нужно ли добавлять, что этим творчеством они поднимают престиж русской культуры и русского имени, увеличивают фонд русской национальной сокровищницы. Читают, изучают и поучаются у них народы. Вот и говорите после всего этого о «дегенеративной эмиграции». Поистине только слепые и глухие могут болтать об этом. Такова наша первая миссия.

Вторая миссия – ознакомление мира с русской культурой – ведется еще успешнее. Если бы ты жил за границей эти десять-двенадцать лет, ты бы видел воочию этот огромный процесс распространения русской культуры во всех ее областях. И сделано и делается это главным образом эмиграцией. Это она ближе познакомила с культурой России в ее лучших достижениях иностранцев и продолжает знакомить. Мудрено ли поэтому, что сейчас мыслящие иностранцы уже не представляют «старой России» в образе «тиранического царизма, погромов и поголовной безграмотности». Нет! С этими «развесистыми клюквами» покончено. Этот мираж почти рассеян. Вместо него перед глазами иностранцев все яснее и яснее встает картина огромной страны и великого народа, организатора и колонизатора, создавшего свою великую культуру. Крупицы ее, познанные иностранцами, оказываются созданиями первоклассных гениев... Мудрено ли поэтому, что русская литература, музыка, театр, опера, балет,

живопись, архитектура, наука, даже – русская религия и формы русских общественных институтов, начиная с земства и кончая старой кооперацией, – вошли «в моду», стали «образцовыми» и «первоклассными» в глазах иностранцев.

Будущий историк русской культуры не может пройти и не пройдет мимо того огромного дела, которое русская эмиграция сделала в распространении и развертывании образцов русской культуры среди народов мира. За десять лет эмиграция сделала столько в этом отношении, сколько до нее и не могло бы быть фактически сделано. Будущая Россия не преминет сказать свое полное «спасибо» эмиграции за это «сеяние разумного, доброго, вечного» русского гения по лицу нашей планеты. Такова наша вторая великая миссия. Что касается третьей – то что же говорить о ней много. Она очевидна. Одним своим существованием русская эмиграция играет роль химического катализатора, который многократно усиливает все антикоммунистические и антисоветские силы и процессы. Помимо этой «катализаторской» роли русская эмиграция с огромной энергией ослабляет, подрывает, дезорганизует, дискредитирует и бьет диктатуру коммунистической тупости и жестокости. Может быть, при лучшей организованности эмиграция могла бы делать это дело еще успешнее; но и то, что она делает, составляет весьма весомую величину; настолько весомую, что «красные головотяпы» чувствуют это на каждом шагу – и здесь и там, в России.

Из своего личного опыта я мог бы дать немало примеров, как «они» это чувствуют в самых обыкновенных житейских делах. Например, ряд советских «визитеров» не был пущен в Америку просто потому, что власти получили точную и правдивую информацию, кого и что представляют из себя эти «визитеры». Ряд финансовых сделок советских головотяпов не состоялся по той же простой причине. Если иностранцы начинают лучше и лучше понимать природу коммунистического кнутодержавия – вините в этом эмиграцию. Изо дня в день, устно и печатно, она рассказывает и публике и

властям подлинную природу революции и «владельцев». И не без успеха.

Довольно. Я ответил на твой первый вопрос. Вывод: эмиграция обнаружила огромную жизнеспособность, моральную стойкость и выдержку, огромную интеллектуальную даровитость и культурное творчество, умение жить, работать и бороться. Она выполняет три исторические миссии огромного значения. Все это более чем достаточно, чтобы оправдать ее в глазах России. Без всякой гордыни и высокомерия, с безмерной любовью к России и к России подъяремной и с бесповоротной решимостью борьбы с ее поработителями, Россия зарубежная выполняет свое призвание. Страдает, но не жалуется; мучается, но не падает духом; переносит невзгоды, но с мужеством пленных русских витязей; и все время живет и помнит: «Россия». Будь покоен, Россия возрожденная скажет спасибо этой России зарубежной, свое сердечное спасибо. Это конечно не значит, что эмиграция не имеет никаких грехов и недостатков. Один Бог безгрешен. Но кто из-за «деревьев греха» не видит спасительного «леса» эмиграции – тот просто не желает видеть того, что ему не по нутру, и заведомо близорук. На этом пока кончаю. В следующем письме отвечу на твой второй вопрос.

Питирим Сорокин⁴⁸

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО ДРУГУ.

... «Оторвались от России... Не понимают положения дел на родине... Фантазируют и выдумывают». «Бог знает что пишут о советах»... – Таковы обвинения, адресуемые часто нам – зарубежным русским – от подъяремных русских... Даже в моем письме есть схожие ноты... В этом послании я хочу потолковать немного на эту тему. Давайте, посмотрим, до какой степени все эти обвинения основательны... Вопрос важен также и для меня лично: как никак, а по крайней мере для себя самого я должен дать отчет в моей позиции непримиримости к современным поработителям России...

Начну с того, что совершенно неверно, будто бы мы безрассудно и только под влиянием страстей усвоили и продолжаем держать позицию неприемлимости. Достаточно знать, что многие из нас – неустанно и непрерывно – каждый день проверяют и экзаменуют правильность и корректность своей информации и своих представлений о положении дел в России. Не счесть часов, которые я тратил и трачу на изучение всевозможных статистических и других источников советской власти. Живя здесь, в благословенной Америке, вдали от России, я, вероятно, знаю лучше и больше всевозможные отчеты, данные и статистические цифры советских публикаций, чем ты и чем многие другие лица, живущие там, в России. Помимо этого нам доступны сотни источников информации, закрытая для вас советской властью. Как это ни кажется парадоксальным, но мы часто лучше знаем положение дела в России, чем вы. И что же? Достаточно с элементарно-необходимой научной критикой изучать данные самой коммунистической банды правителей, чтобы видеть ясно и точно, что настоящее возрождение России при такой власти невозможно. Больше того, если бы я лично усмотрел наличие элементарной заботы о России и русском народе со стороны этой банды и наличие элементарной творческой способности в этой банде, я готов был бы забыть все прошлое и, не стесняясь, пошел бы к «правителям» с поклоном и заявил бы:

«Что было, то было... Лично вы можете быть мерзавцами, – но раз ваша работа идет на пользу моей Родине, раз вы улучшаете ее экономическое, умственное, моральное и политическое состояние и имеете для этого все способности, вам и вожжи в руки. Правьте и властвуйте. А о грехах ваших вы дадите отчет Богу. Они меня не касаются».

Из этого ты видишь, что я достаточно «либерален» и «социологичен», чтобы различать личную «моральную стоимость» правителей и их способности к государственной созидательной работе. Они не часто совпадают. И я сам доказывал в своей книге («Social Modify»), что правители с огромным созидательным талантом, но мерзавцы с этической

точки зрения, как правило, были более полезны обществу, чем «идеально-добродетельные» простаки-правители. Петр Великий, Екатерина Вторая, Цезарь, Наполеон, Генрих VIII или Перикл – были великими грешниками; и однако это не помешало им быть великими правителями. Посему, если бы коммунистические властители обнаружили даже среднюю способность строить Россию, я был бы несказанно рад и не постеснялся бы провозгласить им: «Ave, Caesar!» Но, увы! действительность не дает мне ни малейшего основания для такого приветствия... Она без тени сомнения показывает, что коммунистические правители не только мерзавцы, но само олицетворение тупости и бездари, поскольку дело касается возрождения и воссоздания России. Все, что они делают в этом отношении, – тупо в высшей степени. Все, что они пытаются улучшить, – ведет к ухудшению. Словом, к моему великому сожалению, ни искры таланта, ни тени способности, ни атома созидательной энергии не обнаруживают эти «правители». Факты? О, их так много, что пришлось бы писать целые томы. Достаточно, однако, указать на итог их одиннадцатилетнего хозяйничания, чтобы видеть это. Этот итог таков. Среди всех буржуазных государств нет ни одного, которое в экономическом, образовательном и в других отношениях не переросло бы довоенного состояния (в земледелии и промышленности, в числе школ и образовательных учреждений, в числе медицинских, гигиенических и социальных институтов, в развитии науки, техники, искусства и культуры, в числе филантропических и подобных институтов). А у нас? Довоенное и дореволюционное состояние все еще остается недостижимым идеалом. Таков итог, который дает сама советская статистика, если ее анализировать по настоящему. Ты не иностранный визитер и тебе не надо доказывать, что экономическое состояние России в данное время остается далеко позади дореволюционного состояния. Ты знаешь, что дутые цифры – вдобавок противоречивые – прогресса промышленности и финансов – рисуют преплачевное положение дела. Впрочем, к чему все оно, когда голод, недо-

статок хлеба, продуктов, топлива и очереди плюс полуголод данного момента лучше всяких других доказательств свидетельствуют о плачевном положении экономики в коммунистической сатрапии. В области иностранной политики наши головотяпы уже успели «оттяпать» значительные области от России и низвели ее влияние и престиж почти... до колониальной провинции. В области просвещения тебе не нужно доказывать, что и количественно и качественно школьное дело сейчас несравненно хуже, чем оно было до революции. В области народного здоровья и медицины Семашки на бумаге совершили чудеса, на деле развалили прекрасную – и земскую и государственную – медицину дореволюционной России. О науке, искусстве, моральном и религиозном регрессе я уже говорил и раньше. И так везде, что бы ни взял и какой бы области не коснулся. Власть дезорганизует народ и морально и умственно. Делает все, чтобы увеличить биологическое вырождение, разрушая семью и элементарные моральные устои. Своей дикой политикой она взбаламучивает и обостряет взаимоотношения разных национальностей России и все время закладывает бомбы сепаратизма. Промотав области России, ее золотой фонд, частные и церковные богатства, теперь эти «удушители России» начинают «пускать в трубу» наши музеи и их ценности. Словом, протекшие одиннадцать лет советовластиа были годами непрерывных потерь и для России и для населения. Все классы потеряли и продолжают терять. Куда ни оглянись – везде раны, потери и страдания, вызываемые или увеличиваемые непроходимой тупостью и дубовой бесчеловечностью власти.

При таких условиях не приходится говорить ей: «правь и властвуй!». Очевидно, каждый из нас должен сделать выбор: или Россия и интересы ее населения, или шайка тупиц и удушителей... Совмещение этих «или-или» невозможно и не дано. И ни ты, и никто другой не утешайте себя иллюзиями такого совмещения. Оно также невозможно, как невозможно согласовать интересы убийцы и его жертвы. Если кой-кто из интеллигентов занимается этим, то это просто обман и самообман для оправ-

дания своей слабости или низости. Объективное положение таково, что кто борется за Россию и за интересы ее населения, тем самым борется против коммунистических тупиц. И обратно. Всякое – почти всякое – услужение этим тупицам, как бы незначительно оно ни было, есть удар по России и ее населению. Остается еще область «нейтральных» дел. Но они сейчас не интересны: от них не холодно и не тепло ни России, ни коммунистам.

Мы за Россию и за улучшение – не словесное, а реальное – положения ее населения. Следовательно, мы против коммунистов. Интересы России требуют прежде всего, чтобы руль власти был вырван из рук коммунистов и чтобы удушающая петля, наброшенная на Россию, была снята или разрублена. Отсюда дальнейший вывод: все силы и все средства должны быть брошены сюда.

За четыре с половиной года жизни в Америке я кой чему научился – и между прочим американской деловитости. Американец всякое дело сначала обдумает. Раз придя к решению он его выполнит по всем правилам науки, без колебаний и глупой гамлетовщины. Это чудесное правило должно быть применено и здесь. Раз практический вывод гласит: «война коммунистическим властителям» – все что может способствовать успеху этой войны, все – не исключая террора – может и должно быть пущено в ход. Пусть кто угодно философствует на тему: а допустим ли мы террор?», «а морально ли это?», «а можно ли дать в морду тому, кто бьет сотни невинных людей?» (не вывелись даже здесь такие «философы»). Пусть они «глубокомысленно жуют» эти проблемы. Люди действия и глубокой преданности России не будут заниматься такой гамлетовщиной. «Война есть война», раз. «Право репрессалий – признанный институт международного права», два. Если даже в международной войне он применяется, тем паче он может и должен применяться в нашей войне с коммунистической шайкой. На расстрел ответом должен быть террор. На арест заложников ответом должен быть арест коммунистов, как заложников. На хитрость и подвох противная сторона должна ответить тем же.

Пора мягкотелого сентиментализма к палачам прошла... Палачи имели одиннадцать лет, чтобы одуматься и прекратить свои жестокости и надругательства. «Гуманность» к ним теперь была бы величайшей жестокостью к их жертвам. Смешно и глупо убеждать тигра проповедями, чтобы он не трогал своей жертвы. Кто хочет спасти жертву или себя, должен иметь ружье или другое оружие. То же относится и к коммунистической «гиене». Словом, все, что может содействовать и поскольку может содействовать победе в этой войне, все может и должно быть использовано без колебаний и гамлетовщины. Пусть разные мягкотелые ротозеи жуют свои «быть или не быть». От них все равно не станется ни тепло ни холодно.

Для тех же, кто любит Россию и кто носит в себе здравый разум и энергию, – здесь все ясно и нет колебаний. И молодое поколение зарубежных русских, по-видимому, обладает этой деловитостью и свободно от этой мягкотелости. Его не смутят ни выкрики разных «бабушек» фарисейского псевдогуманизма; ни истошно-кудластые витиеватости разных «евразийцев»; ни всевозможные «шатающиеся вехи», ведущие неведомо куда. Опираясь на данные холодного и точного анализа фактов, мы знаем всю беспочвенность надежд возрождения России при данной власти. Мы знаем, что или она «сожрет» Россию или Россия должна избавиться от нее. Мы за Россию и потому вместе с 95% населения России мы участвовали, участвуем и будем участвовать в войне с коммунистической бандой. Это диктуется и холодным разумом и горячей совестью всех, кто любит Россию.

Питирим Сорокин.⁴⁹

Журнал «Борьба за Россию» был призван создать общий антибольшевистский фронт в эмиграции. Первая такая попытка – Российский Зарубежный Съезд в Париже в 1926 г. Силы эмиграции планировалось объединить с силами в подъяремной России.

Авторы журнала (как М.Е. Салтыков-Щедрин перед смертью в 1889 году) напомнили некоторые забытые слова...

«Честь и достоинство России требуют, чтобы от своих врагов мы избавились сами»,

– писал один из членов редколлегии Михаил Федоров.* Помимо страстного призыва к борьбе с коммунистической шайкой, Питирим Сорокин фактически стал в этих письмах первым историком «Зарубежной России» и ее «Исторической миссии»...

* Федоров Михаил Михайлович (1858–1949 Париж) – бывший товарищ министра торговли и промышленности. В 1918 – член подпольного «Национального Центра» в Москве.

§7.

а). «Юридический кружок Петражицкого» (СПб. 1910)

В апреле 1927 г. в Варшаве отмечалось 60-летие Леона Петражицкого и 35-летие его научной деятельности. Последнего из оставшихся в живых после Е. Де Роберти, М.М. Ковалевского и К.Ф. Жакова, учителей Сорокина.

В 1917 г. Сорокин помог своему учителю эмигрировать из России в Польшу. В 1955 г. Сорокин писал Всеволоду Исаеву:

«Я считал и считаю Петражицкого величайшим ученым права XX столетия».⁵⁰

В юбилейной статье 1927 года, другой русский ученик Петражицкого М. Лазерсон назвал его:

«одним из крупнейших русских ученых-юристов, по национальности поляка, создавшего до сих пор не только не превзойденную, но даже и недостаточно оцененную теорию права».⁵¹

Рижская газета «Сегодня» поместила фотографию Л.И. Петражицкого на первой странице, а справа от нее фотографию Петражицкого с учениками. Сорокина на ней нет. В 1910 г. он еще только поступил в Университет...

Кружок философии права Л.И. Петражицкого в 1910 г.

Нижний ряд (слева направо): **А.И. Фишман, Е.М. Кулишер** (ныне проф. уголовн. права), **А.И. Колпакчи, Д.И. Эттингер, П.Е. Михайлов** (ныне ученый в области теории права), проф. **Л.И. Петражицкий,**

П.И. Люблинский (ныне проф. угол. пр. в Петербурге), **Н.Н. Шульговский**, **Н.В. Болдырев**, **И.С. Войтинский** (ныне проф. по гражданскому и промышленному праву) и **А.Н. Круглевский** (ныне проф. Латв. Унив.). **Средний ряд** (слева направо): **Посевский**, **Болдырев** (ныне проф. русск. права), **И.С. Перетерский**, **Н.А. Райгородский**, **А. Давидов**, **Кролик**, **А.М. Кулишер** (ныне проф. госуд. права в Париже). **Верхний ряд** (слева направо): **Я.М. Магазинер** (проф. госуд. права в Петербурге), **Г.К. Гинц** (цивилист и известный политич. деятель в Сибири), **М.В. Шахматов**, **А.П. Лапин**, **В.Ф. Миллер**, **М. Лазерсон** (член латвийского Сейма и проф. русских унив. курсов в Риге).⁵²

В 1926 году, в статье о русской социологии Сорокин, представляя американским основателям «психологической социологии» бывшего (до 1917 г.) профессора общей теории права в Университете Санкт-Петербурга, ныне профессора Университета Варшавы и вице-президента Международного института Социологии Петражицкого, писал:

«Экстраординарной ценностью его работ объясняется огромное влияние его теории на русских ученых в области социальных и политических наук, на философов, психологов, экономистов, теоретиков права и морали. Ею же объясняется и появление «школы Петражицкого» в юриспруденции, социологии, политической науке и психологии. Революция вынудила Петражицкого покинуть Россию, многие его ученики разбросаны по всей России, находятся или в тюрьмах или высланы (хотя сам Петражицкий, как и его последователи не принадлежал к старому режиму). В этом отношении работа школы прервана. Тем не менее есть все основания ожидать, что в будущем работа будет продолжаться. Теория принадлежит к типу научного достижения, влияние которого продолжительно и прочно».⁵³

Свою третью «американскую» книгу «Социальная мобильность» (1927) Сорокин посвятил Леону Петражицкому.

Стюарт Чапин в «Предисловии редактора» писал:

«Профессор Сорокин уже известен американским читателям как автор крайне интересных книг о великой Русской революции.

В новой работе профессор Сорокин представляет американским читателям принципы социальной мобильности впервые описанные в его ранних русских книгах и поэтому недоступных большинству американских ученых».

Сорокин в своем предисловии (январь 1927)* благодарит народ Соединенных Штатов Америки, **«где я нашел наиболее дружественное убежище, возможность работать и наиболее ценную социальную школу»** и персонально 18 американских ученых, трех европейских (Ф. Козентини, Леопольд фон Визе, Готфрид Саломон) и двоих русских (М.И. Ростовцев, бывший посол России в США профессор В.А. Бахметьев)...

Каких только эпох, стран, культур, имен нет в этой книге... Из русских – ссылки на работы Д.Н. Анучина, Н.В. Вяземского, Груздева (кто это?), Е. де Роберти, Дементьева (кто это?), А. Ивановского, Н.Д. Кондратьева, Ж. Новикова, М. Острогорского, Полины Тарновской, Юрия Филипченко. Упомянут Ленин и ленинцы.⁵⁴

В этой книге Сорокин показал себя ученым, не только европейского, но мирового уровня. Несколько десятилетий спустя «Социальная мобильность» оставалась **«единственной исчерпывающей работой»** в этой области.⁵⁵

«Вертикаль власти», выстроенная в начале XXI века в РФ ее вторым президентом даже терминологически напоминает «вертикальную мобильность» о которой писал Сорокин...

Приверженность режима «вертикальной власти» великому русскому философу Ивану Ильичу хорошо известна, но однажды В.В. Путин в связи с «проблемой олигархов» вдруг упомянул имя Петражицкого:

* В русском издании «Социальной мобильности» (М., 2005) посвящение Петражицкому, предисловия Чапина и Сорокина отсутствуют.

«Известный российский теоретик государства и права профессор Л. Петражицкий, отмечал, что обязанность помогать нуждающимся, аккуратно платить рабочим условленную плату – это в первую очередь этические нормы. Хочу отметить, что все это было написано почти сто лет назад – еще в 1910 году».⁵⁶

Десятки томов «сочинений» Ильина многократно изданы и переизданы в нынешней РФ... «Масоновед» Ильин следил и за Питиримом Сорокиным.

1 сентября 1927 года Ильин писал Струве:

**«Дорогой Петр Бернгардович,
<...> прошу вести особый счет выступающим в «Возрождении» масонам. <...> 5. Питирим Сорокин. Это я насчитываю издали. А затем и впрочем – как Вашему Высокому Превосходительству будет угодно и на все есть воля Ваша».**⁵⁷

Как раз накануне в «Возрождении» была опубликована статья П.А.Сорокина, от которой Ильин, вероятно, был не в восторге:

б). «Американская демократия и доморощенная псевдо-демократическая мягкотелость

Если бы наши «доморощенные» демократы, социалисты и полусоциалисты, немного серьезнее изучили существующие и процветающие демократии, особенно Северо-Американские Соединенные Штаты, огромная часть их писаний о демократии, республике и социализме не была бы написана. Не была бы написана по той простой причине, что существующие и процветающие демократии совершенно не похожи на ту «особу», которую

оно зовут «демократией» и «желательным общественным строем».

Смогу бегло сравнить основные черты американской демократии с той «сахарной демократией» и «мармеладовым социалистическим строем» по доморощенному расписываемыми нашими демократами, чтобы видеть, что это вещи разные и даже противоположные. Сравнение это нужно и поучительно. Америка в настоящее время является страной, в которой положение трудовых масс является наилучшим, по крайней мере, экономически и политически. Америка представляет страну наиболее влиятельную в международном отношении. Лидерство – и политическое и экономическое и даже культурное – принадлежит Америке.

Спрашивается, как же это достигнуто? Через социализм? Или путем реализации «сахарных демократических идеалов» наших демократов? Ничуть. Реальное положение дела было и остается совершенно иным.

Средний годовой доход американского фермера и рабочего около 1 600 долл., т.е. неизмеримо выше, чем средний годовой доход рабочего и крестьянина в любой стране. Уровень жизни американского фермера и рабочего опять-таки гораздо выше, чем в других странах. Средний американский фермер живет как жил в России средней руки успешный помещик, с той разницей, что практически все фермеры имеют, по крайней мере, один автомобиль, – многие – два и три автомобиля, радио, телефон, ванную и т.д. То же самое можно сказать и об огромном большинстве американских рабочих, кроме небольшой части вновь прибывших иммигрантов и лентяев или никуда не годных лиц.

Таково положение дел с одной стороны. Со стороны же социализма Америка – наименее социалистическая страна. Не только среди общего населения, но и среди класса рабочих и фермеров социализм и коммунизм и «классовая борьба» и «классовая психология» развиты меньше, чем в любой европейской стране. Такова обратная сторона медали.

Это утверждение совершенно достоверно. Небольшое количество фактических данных иллюстрирует

сказанное. Во-первых, в настоящее время на 112 с лишним миллионов населения, здесь имеется только около 7 000 коммунистов, несмотря на то, что принадлежность к этой партии не запрещена и законом не преследуется. Во-вторых число «салонных социалистов» несколько больше, но опять-таки совершенно незначительно. В-третьих, Американская Федерация Труда – совершенно свободна от социализма и непримиримо враждебна к коммунизму, враждебна настолько, что по конституции Американской Федерации Труда коммунисты не могут быть ее членами, а если случайно проникают, то исключаются. В ряду многих противников признания советов Американская Федерация Труда занимает наиболее непримиримую позицию. В ее многократных резолюциях она без стеснения клеймила советскую власть и коммунистов: «самыми вредными врагами рабочего класса», «тиранами», «убийцами» и т.д. Лидеры и вожди федерации – не социалисты. И вообще влияние социалистов среди рабочих абсолютно ничтожное. Им тут нечего делать. Федерации служит не лозунг «классовой борьбы», а классового сотрудничества.

С еще большим основанием вышесказанное можно утверждать о классе фермеров. Американский фермер – индивидуалист-собственник. Он совершенно глух к коммунисто-социалистическим призывам. Общий взгляд населения на социалистов примерно такой: это – или бездельники или паразиты, или неисправимые и блаженненькие идеалисты.

Вывод: американские трудовые классы наиболее благоустроены и они же наименее социалистичны. Над этим выводом, согласно правилам индуктивной логики не мешает подумать нашим социалистам.

Теперь перейдем к американской демократии. Невежественные энтузиасты демократии часто понимают под демократией строй, в котором «все равны», в котором «все» и «вся» избирается и голосуется, в котором права исполнительной власти и в государстве и в общественных учреждениях сведены «на нет», в которых царствует «полная свобода», нет милитаризма, нет принуждения, сло-

вом, царствует «засахаренный гуманизм» и «благожелательная мягкотелость».

Я должен откровенно сознаться, что в ряду великих демократий прошлого и настоящего такой «демократии» я не знаю. В довершение с полной откровенностью можно утверждать, что великая американская демократия совершенно отлична от вышеизложенного идеала «засахаренной и беспозвоночной демократии наших доморощенных демократов». С их точки зрения американская демократия должна быть признана «деспотической автократией». Нижеследующие штрихи – немногие из тысячи таких штрихов – покажут, что реальная демократия Америки совершенно не похожа на то, за что ее часто выдают наши демократы.

Начнем с равенства. Сравните только состояние Форда и Рокфеллера с средним доходом большинства населения, и вы увидите, что экономическое неравенство в Америке не меньше, чем в любой стране. Политически права американского президента или министра, или генерала, не меньше прав короля, монархического министра или монархического генерала. Права и полномочия исполнительной власти, начиная с президента Америки и кончая любым чиновником в отношении подчиненных или рабочих, во всяком случае, не меньше, чем в любой не «демократической» стране. Если в ряду областей «администрация» избирается народом, во многих других областях – она назначается. Президент республики, как известно, сам назначает министров и они ответственны только перед ним, а не перед палатами. Но взгляните поглубже в основные учреждения Америки, и вы увидите нечто поразительное. Беру пример – американские университеты и школы. У нас в России ректоры, деканы, профессора избирались. Судьба университета зависела от совета университета. Здесь профессора, президент и деканы не избираются, а назначаются. Основные университетские вопросы «деспотически» разрешаются президентом и регентами университета без всякого совета и голосования университетов или студентов. Профессора назначаются и оставляются президентом и регентами. Нет и тени того «демок-

ратизма», который существовал в царской России. Вышесказанное верно не только по отношению к частным, но и государственным университетам.

Другой пример из той же университетской жизни. У нас посещение лекций студентами было совершенно свободно. Здесь оно обязательно. Студент, пропустивший без уважительных причин ряд лекций, теряет весь курс и кроме того может быть наказан. Как это не похоже на «неограниченную свободу», воспеваемую нашими демократами.

Больше того, равные в правах вне их службы, рабочий и капиталист, подчиненный чиновник и его начальство, студент и профессор – в течение служебных обязанностей абсолютно неравны: один является «повелителем», другой – «подчиненным». И вы можете быть уверены, что эта «повелительность» одной стороны категорична и свободна от всякой «мягкотелости». Как пример, я могу упомянуть, что американские студенты, даже те из них, которые «оставлены при университете», третируются профессором примерно, как наши гимназисты учителями гимназии. И это во всех областях американской жизни. Она вся построена на разумной, но строгой дисциплине, не имеющей ничего общего с распушенностью фантастической свободы.

Я помню, как у нас в России потешались над «потешными». О введении принудительного воинского обучения среди студентов университета никто не осмеливался даже и заикнуться. Здесь принудительное воинское обучение существует во всех государственных университетах. Студенты под руководством офицеров в течение двух лет обязаны пройти курс воинской учебы, со всей ее муштровкой, дисциплиной и т.д. У нас даже в средних школах посещение церкви часто было не обязательным. Здесь в большинстве частных университетов и колледжей оно обязательно, и не только в праздники, но и каждый день.

С точки зрения демократов доступ в университеты должен быть открыт всем и вся. В Америке, особенно за последние годы, более и более растет движение в пользу недопущения или исключения из университетов массы возможных студентов.

Частные университеты и колледжи делают строгий отбор поступающих студентов и принимают только тех, кто удовлетворяет необходимым умственным, моральным, физическим и религиозным требованиям университета. Что касается права поступления в государственные университеты – потенциально это право имеют все, кто окончил среднюю школу. Фактически, однако, положение иное.

Все вновь поступающие студенты подвергаются физическому и умственному испытанию. Родители тех из них, кто умственно не обещает быть особенно успешным, получают «совет» от университета не отправлять их детей: юношей и девушек, в высшую школу, потому что (и это сейчас экспериментально доказано) по всем данным, такой студент будет только бременем для университета, зря потратит время, зря израсходует деньги и потому для него и для родителей лучше, если он выберет себе другую дорогу, более соответствующую его талантам или бесталанности. В основе такой «не демократической» политики лежит убеждение, что люди по своим природным качествам не равны, и только одаренные имеют право поступать в высшую школу. И школа сама начинает рассматриваться не только и не столько, как воспитательно-учебное учреждение, сколько как «селекционное решето», назначением коего служит «просветить» талантливых лиц и пропускать их и тормозить бесталанных и прирожденно-неодаренных лиц. С точки зрения наивного уравнилителя такая политика и такое воззрение должны рассматриваться как нечто кастовое и в высшей степени «не демократическое». И однако, реальное положение дела таково, как оно описано выше. И для всякого, кто понимает что-нибудь в биологии, психологии и социологии, должна быть ясной разумность такой политики.

Дальше. С точки зрения мякотелого российского демократа смертная казнь преступников или телесное наказание их является «варварством». Мы умудрились отменить «смертную казнь» даже в армии в период войны и революции. В Америке этого «варварства» не боятся. 24 штата продолжают иметь смертную казнь. Некоторые штаты,

например, Миссури, уничтожили ее в 1917 г., но потом обратно восстановили в 1919 году. Телесное наказание тоже существует. И за последние годы ряд штатов, которые не имели его, ввели опять (битье кнутом).

Нужно ли добавлять, что позвоночным столбом американской психологии всегда был принцип: индивидуальной инициативы, индивидуальной ответственности и риска, индивидуальной выгоды и универсального соревнования. Эти принципы в корне противоположные социализму, вылились в равенство, и не в арифметическое, проповедуемое нашими уравнилителями, а в равенство пропорциональное: каждому по его талантам, способностям и достижениям. Гения и идиота нельзя уравнивать. И не надо... Что нужно и что разумно, это распределить права и обязанности пропорционально гению одного и идиотизму другого. Эдиссон или Форд составили себе состояние неизмеримо большее, чем состояние обычного рабочего. И что же? Это вызывает здесь скорее восхищение, потому что эти они обязаны своему гению, которого простой смертный не имеет. Вся американская жизнь построена так, что она дает каждому «шанс» сделаться чем угодно. Она как бы говорит каждому: от тебя самого зависит, будешь ли ты президентом, или Фордом, или Эдиссоном, или неквалифицированным рабочим или бедняком. Если не силен – пробивайся, докажи, что ты силен, преодолевай препятствия и будь чем ты желаешь быть. Если ты этого не можешь и только можешь, что хныкать и жаловаться на всех и вся, значит ты и в самом деле ничего не стоишь, значит «кишка тонка». Посему, будь доволен тем, что имеешь, вини самого себя и благодари тех, кто своим гением и талантом поднимая себя, улучшают и твое существование.

Такова внутренняя «пружина» всей американской психологии. С этой точки зрения понятно, почему всякий, кто достигает чего-нибудь, вызывает вместо зависти восхищение и почему громадная масса американцев думает, что Форд и Эдиссон, составив себе состояние, в то же время улучшили положение масс неизмеримо более, чем все социалистические

«попечители рабочего класса» и революционные болтуны, взятые вместе.

Этот принцип «пропорционального равенства» и вытекающего отсюда соревнования является тем мотором, который порождает неиссякаемую энергию американского народа, неустанно толкает каждого к напряжению всех его сил и способностей и превращает жизнь американца в большое футбольное состязание, в котором каждый, соблюдая правила честной игры, в то же время старается побить своего противника. Победитель имеет право быть довольным победой, потому что он «играл честно», и побежденный не имеет никакого основания для ненависти к победителю, потому что он имел тот же «шанс» и если оказался побитым, то потому, что он слаб, а его противник силен. Это объясняет отсутствие классовой ненависти или классовой психологии среди американского народа. Индивиды и группы этой великой нации «играют» жизнь с увлечением, азартом, но соблюдая правила «честной игры». При таких условиях менее успевающие не могут жаловаться или ненавидеть более успевающих.

Отсюда – вышеуказанное «пропорциональное равенство» Америки, в корне отличное от «арифметического равенства» наших уравнителей.

Эти штрихи показывают, подлинная демократия весьма отлична от той фантастической демократии, вернее, «беспозвоночной мягкотелости», которую с таким азартом пропагандируют многие из наших демократов. Пишущий эти строки готов всеми силами пропагандировать основные черты американской демократии. Но он отказывается войти в царство демократии наших доморощенных демократов. Оно знаменует царство импотентности, бессилия, фантастики и мертвой фразеологии. Было бы величайшим несчастьем для России, если бы в ней даже временно установилась опять эта псевдodemократическая мягкотелость, захлебывающаяся от своей фразеологии. Впрочем, эта опасность, по-видимому, не грозит в будущем.

Питирим Сорокин.⁵⁸

П.Б. Струве с 18 августа 1927 г. с поста редактора «Возрождения» ушел. Нина Берберова, хорошо осведомленная в подноготной эмигрантских интриг писала о «Возрождении»:

«Издание было правого толка, но конечно не за самодержавие, не поддерживающее фашизм и не поддерживающее Гитлера. Сотрудники газеты в большинстве принадлежали «правой» масонской ложе (Гранд Лож), в то время как сотрудники «Последних новостей» – принадлежали «левой» ложе (Гранд Ориан)»...⁵⁹

в). Переписка с Г. Саломоном (1925–1927)

Если с фон Визе и Козентани Сорокин был знаком давно, то социолог из Франкфурта на Майне Готфрид Саломон* появился на горизонте в 1925 г. Ученик Зиммеля и Ф. Оппенгеймера он интересовался историей социологии и социализма, редактировал «Jahrbuercher fuer Soziologie», писал о Прудоне, Гумпловиче, Вико...

3 июля 1925

Дорогой сэ,

по рекомендации профессора Козентине (Турин) и профессора Mazet (Прага) я прошу Вас о сотрудничестве. Как редактор международного «Ежегодника по социологии» (1-й том выйдет на днях) я хочу попросить Вас написать статью о развитии социологии в России. (1–2 листа). Lorin, Bougle, Steffen, Barnes дали мне обозрение социологии в Италии, Франции, Швеции, Америке. Мне очень интересна Ваша книга «Социология революции». Если Вы пошлете ее мне я помешу объявление о ней в моем «Archiv fur Philosophie and Sozilogie»...⁶⁰

* Salomon (Salomon de la Tour) Gottfried (1892 Франкфурт на Майне – 1964. Там же). В 1933–1940 – Париж. В 1941–1958 – Нью-Йорк. С 1958 г. в ФРГ.

Сорокин – Саломону

12 августа 1925.

Буду рад написать. Посылаю «Социологию революции». Пошлите мне один экземпляр Вашего «Ежегодника». Я попрошу подписаться университетскую библиотеку.

1 октября 1925.

Поздравляю Вас и G.Brown's Verlag с «Jahrbuch». Я внимательно прочитал и нашел его наиболее ценной и интересной социологической публикацией, которую я читал. Вы и Ваш издатель несомненно делаете один из крупнейших вкладов в социологию. Если никто из американских социологов не собирается писать о «Ежегоднике» – я буду рад написать.

Посылаю манускрипт статьи о русской социологии. Сейчас я пишу о социальной стратификации и социальной мобильности. Предмет, как Вы знаете, сравнительно новый. Возможно, Вы и Ваш германский издатель заинтересуетесь. Если – да, то я могу послать Вам манускрипт, когда закончу, чтобы оставить право на перевод исключительно себе, в моем контракте с американским издателем, чтобы не иметь препятствий с его стороны как это случилось с «Социологией революции» и «Листами из русского дневника».

6 ноября 1925.

<...> Рад, что статья о русской социологии подходит. Я хорошо знаю, что гонорара быть не может <...>

31 мая 1926.

Спасибо за «Ежегодник». Его 2-ой том исключительно интересен. Без всякого преувеличения необходимо признать, что «Ежегодник» стал одной из лучших социологических публикаций в мире. Я говорю это не как комплимент, а как дело факта. Я написал профессору H.Odum,* редактору «Social Forces» относительно Вашего стремления обменять «Ежегодник». Возможно, я напишу обзор «Archive»

* Odum Haward W. – в 1922–1954 гг. редактор «Social Forces».

для одного из американских журналов. Это будет полезно для Вас во всех отношениях. Рад быть Вам полезным.

Саломон – Сорокину

15 июня 1926.

<...> Обещаю написать о Вашей «Социальной мобильности» и очень интересуюсь Вашими «Современными теориями» поскольку пишу сейчас «Историю социологии»

Сорокин – Саломону

26 июня 1926.

Я получил письмо от профессора Odum'a. Он будет рад обмениваться. С большим интересом ожидаю Вашу «Историю социологии»

6 августа 1926.

«Social Forces» предложили мне написать обзор «Ежегодника» «Archive» и книги Гумпловича.*

26 сентября 1926.

Дорогой профессор Саломон,

большое спасибо за Ваше дружеское письмо. Что касается статьи об «Интеллигенции», которую Вы любезно предложили мне написать. Мне трудно ответить определенно на Вашу просьбу, так как Ваше предложение не ясно для меня. Вы хотите, чтобы эта тема обсуждалась вообще, как очерк по социальной психологии (что-то сходное с «Типологией» М. Вебера), или Вы хотите, чтобы я взял тему в более узком смысле и рассматривал ее статистически вроде моих «Монархов» и «Миллионеров». В этом узком смысле в отношении недавнего времени у меня есть некоторые данные и я мог бы написать подходящий короткий обзор страниц на 10–15, который будучи сравнительным мог бы быть интересен. Но я смогу это сделать не ранее чем в феврале 1927 г., когда я смогу послать Вам мою статью. Если статья такого типа Вам подойдет – дайте знать и в феврале 1927 г. я пошлю ее

* Саломон написал к ней предисловие.

Вам. Я думаю, что тема интересная и стоит изучения. С большим интересом я читал Вашу статью о материалистической концепции истории и цитирую ее в моей книге «Современные социологические теории» над которой сейчас работаю.

Этим летом я имел удовольствие встретить доктора А. Walter* из Геттингена и доктора С. Fridrich из Гейдельберга. Мы много говорили и часто упоминали Вас. Доктор Fridrich сказал мне, что в Вашей серии будет опубликована одна или две работы доктора Mombert'a**. Если это верно, мне бы хотелось иметь его книгу, т.к. я очень ценю его работы и могу написать краткий обзор его книги. <...>

Саломон – Сорокину.

Следующий «Ежегодник» предназначен для статей о проблеме «Интеллигенция». Я полагаю, что лучше всего – написать краткое социо-психологическое введение, возможно, с некоторыми статистическими введениями изложенными хронологически. Но, пожалуйста, Ваша статья должна сначала появиться на немецком языке. Я посылаю Вам одну из новых книг Момберта.

Буду рад, если Вы анонсируете интересные новые книги об американской социологии.

Сорокин – Саломону.

13 февраля 1927.

Я написал обзор о Гумпловиче и надеюсь, что он будет опубликован в мартовском или июньском номере «Social Forces».

Моя «Социальная мобильность» в процессе печатанья. В предисловии я позволил себе выразить свою благодарность Вам, вместе с другими учеными, которым я много обязан***... Я надеюсь Вы не против.

Моя книга «Современные социологические теории» подходит к концу. <...> Поскольку теории Gobineau, Chamberlain, Ammon, Lapouge мало

* Walter Andreas

** Mombert Alfred (1872-1942) – личный архивный фонд в библиотеке Карлсруэ.

*** Как уже отмечалось в московском (2005) издании «Социальной мобильности» предисловие Сорокина снято.

известны здесь, я излагаю их основные принципы. Посылаю Вам главу из книги. Можете, если подойдет, опубликовать где хотите.

Я не могу подготовить статью (об интеллигенции) к июлю. Могу предложить две других. Если подойдут, то на английском я опубликую их через некоторое время после немецкого издания. Одна из них «Лидеры фермеров и пролетариата». В двух моих семинарах теперь подходит к концу изучение 6 000 лидеров американских фермеров, 3 000 лидеров американских рабочих и 500 наиболее выдающихся европейских лидеров пролетариата. <...>

Сорокин – Саломону.

10 мая 1927.

<...> Odum сообщил мне, что мой обзор 1,2 томов «Ежегодника» и Гумпловича будут опубликованы в «Social Forces» в июне или сентябре. <...>

18 июня 1927.

<...> «Social Forces» вышлют мне для обзора экземпляр книги Barnes «Soziologie and Staatstheorie».* <...> Что касается статей «Experimental Study of the Efficiency of work of Pre-School children under the Group», «Individual», «Equal», «Unequal», «Remuneration», то я обещал их доктору Леопольду фон Визе и посылаю на днях.

Надеюсь Вы уже получили мою «Социальную мобильность»?

Спасибо за готовность написать ее обзор. <...>

6 сентября 1927.

<...> Если Вы хотите перевести мои работы – пожалуйста. Если желаете иметь от меня статью о Социализме, то разумеется, я готов написать. Озаглавил бы ее так: «Социалистические эксперименты в истории. Их причины, сущность и результаты». В статье я мог бы аналитически исследовать наиболее важные эксперименты в их фактической (а не в «словесных реакциях») природе. Мои выводы являются полностью негативными, не потому что

* Издана в переводе на немецкий язык Саломоном и с его предисловием. Саломон просил Сорокина написать рецензию на немецкий перевод в «Social Forces».

я так хочу. Они такие потому, что соответствуют фактам. Если такое «непопулярное» мнение может появиться – дайте знать. <...>

Немецкое издание моих «Современных социологических теорий» выйдет, вероятно, в 1928 году.

Книга о «Rural - Urban Population» продвигается. Результаты моей первой серии экспериментов будут опубликованы в «Kolner Vierteljahrshilfe» доктора Визе. Результаты дальнейших экспериментов планирую дать доктору Thurnwald'у в соответствии с его любезным предложением. Немецкое издание моей «Социологии революции», вероятно, будет опубликовано в конце этого или начале 1928 г.

P.S. Вы, вероятно, видели краткую заметку о «Ежегоднике» и книгах Гумповича в последнем номере «Social Forces». Мой обзор был гораздо более обширен, но поскольку большинство читателей «Social Forces» не читают по-немецки, меня попросили сократить... <...>

Звезда американской и мировой журналистики Г. Солсбери,* начинавший с репортажей из зала суда над Аль Капоне в Чикаго, а в 1944 г. направленный в СССР вспоминал:

«У меня не было специальной подготовки для работы в России. Я не знал языка, не знал истории, не знал культуры, о революции знал чуть больше того, что услышал от Натана Розена в квартире на втором этаже старого дома Дериксона на Ройялстон-авеню. Правда, я был уже профессиональным репортером, но абсолютным невеждой в том, что касалось России. В университете я прослушал курс социологии революций, который читал Питирим Сорокин. Сорокин был эмигрантом и говорил с таким акцентом, что я с трудом разбирал, о чем он толкует. Больше всего он любил рассказывать о том, как пробирался через Сибирь и прятался в канавах от кавалеристов Красной Армии. Я и понятия не имел, что он занимал важный пост в правительстве Керенского, не представлял, что его

* Солсбери Гаррисон (1908 – 1993 Миннеаполис, Миннесота) – шеф московского бюро ЮПИ с 1944 г. Корреспондент «Нью-Йорк Таймс» в Москве в 1949–1954 гг. Выслан из СССР.

ждет блестящая карьера в Гарварде. Я прочитал «Войну и мир», был без ума от «Вишневого сада», но эти произведения мало что говорили о России 1944 года».*⁶¹

Стюарт Чапин, который находился под впечатлением огромных знаний Питирима Сорокина и пригласивший Сорокина занять место профессора социологии в университете Миннесоты вспоминал:

«Сорокин прибыл и вызвал сенсацию. <...> Студенты не были готовы к его стилю преподавания».⁶²

Рональд Олтоуз, ссылаясь на Чапина пишет о Сорокине:

«Казалось, что он соперничает со всеми: от студентов, до членов факультета. Результат – яростные схватки».⁶³

Факультет раскололся на соперничающие фракции. Одна – во главе с Малькольмом Уилли, другая – Питиримом Сорокиным.⁶⁴

* Как раз в 1944 г. в Нью-Йорке была опубликована книга Питирима Сорокина «Россия и Соединенные Штаты».

§8.

«Ложные утверждения госпожи Е.Д. Кусковой». Письмо в редакцию «Возрождения» (1928)

Один из самых выдающихся уроженцев Миннесоты Синклер Льюис в 1923 г. опубликовал в мартовском номере журнала «Nation» статью **«Миннесота – скандинавский штат»**:

«Город Миннеаполис, насчитывающий сейчас четыреста тысяч жителей, семьдесят пять лет тому назад состоял из одной хижины. До 1837 г. во всей Миннесоте, занимающей 80 тыс. кв. миль – столько же, сколько Англия и Шотландия вместе взятые, – не было и 300 человек белых и метисов. <...>

Семьдесят пять лет тому назад – пустыня, в которой беспрепятственно носился чиппева. Сегодня – сложная цивилизация, будущее которой – несет ли оно радость, огорчение или то и другое – мы не можем предугадать. Чтобы понять Америку, надо всего-навсего понять Миннесоту».⁶⁵

Свои шесть лет (1924–1930) в Миннесоте Сорокин назвал «счастливыми годами». Дон Мартиндейл в своей книге годы 1921–1930 назвал «золотым веком Миннесотской социологии». Хотя Миннесота и «скандинавский штат», в 1920 г. там было немало и русских.

Нью-Йорк	–	533 545
Пенсильвания	–	193 631
Иллинойс	–	151 144
Массачусетс	–	107 282
Миннесота	–	45 829
Висконсин	–	28 242

В Миннеаполисе было много различных русских обществ вплоть до библиотечного, основавшего в 1908 году русскую библиотеку.⁶⁶

Иммиграция русских (и др. восточных славян) в Миннесоту началась в 1870-х. Что такое царская Россия

американцы знали из лекций и статей Дж. Кеннана. Голод, разразившийся в России в 1891–92 годах усилил американское осуждение царизма. Губернатор Миннесоты Мерриам (W.R. Merriam) организовал в штате комитет с субкомитетами во всех county для сбора средств голодающим русскому народу. Идея быстро распространилась по всей Америке. После большевистской революции Миннесота как и все США вновь помогли голодающим русским. Бизнесмены Миннесоты собрали тысячи долларов на отправку продовольствия в Россию.

«В январе 1924 г. «Миннеаполис Star» начала высказывать свой редакционный ответ советской революции. Обосновавшийся в Миннеаполисе русский журналист Борис Беркман опубликовал редакционную статью, в которой осудил успех коммунистов в 1917 г., но выступил за признание СССР и торговлю с новым советским правительством».⁶⁷

В изданной в 1981 году Историческим обществом Миннесоты книге отмечается, что несколько политических эмигрантов из Сов. России прибыли в Миннесоту.

«Часто хорошо образованные они нашли профессиональное применение. Пример такого политического иммигранта – Питирим А. Сорокин, интернационально признанный социолог, который преподавал в Университете Миннесоты в 1924–1980 годах перед тем как основать и возглавить департамент социологии в Гарвардском университете».⁶⁸

Университет Миннесоты был основан в 1851 году. Сто лет спустя, он, как и любой американский университет был уже «миром внутри мира».⁶⁹

К 1986 году (135 лет существования) – 11 лауреатов Нобелевской премии. Самый известный – Сол Беллоу (преподавал в Университете в 1947–1959 гг.). Университет был создан даже ранее штата. (В союз штатов Миннесота вошла в 1858 г.).

Первоначально социология и антропология были единым департаментом. В 1919 году получили самостоятельный статус. Главы департамента социологии:

Arthur J Todd	1919–1921
Frank J Druno	1921–1922
F. Stuart Chapin	1923–1952
Elio Monachesi	1952–

Здания старого университетского кампуса, которые П.А. Сорокин упоминает в своей переписке (Falwell Hall, Walter Library*, etc) сохранены и действуют донныне. Как раз в Walter Library, которая в 1924–1968 гг. была основной университетской библиотекой в 1994–95 годах находились архивы, в которых я ежедневно работал...

Нашлись сведения об единственном русском друге Сорокина в Миннесоте, упомянутом в «Дальней дороге».

«Среди друзей вне Университета Миннесоты особая дружба связывала нас с мистером и миссис Андерсон (доктор Джордж Андерсон позднее стал профессором русской истории в этом университете)»⁷⁰

Профессор Феофан Ставр при первой встрече в сентябре 1995 г. сказал мне об Андерсоне:

«Он был моим предшественником. Его настоящая фамилия – Юрий Строганов».

Профессор Василий Алексеев:

«Юрий Владимирович Андерсон (Строганов) – хороший человек старой культуры. Сорокин приезжал по его приглашению в университет Миннесоты с докладом. Потом был банкет. Моя жена сидела с его женой. Я вдалеке. Сорокин держался независимо, но без хамства»**

«Миннеаполис дейли» 17 апреля 1985 г. кратко сообщила:

* В честь того самого библиотекаря Фрэнка Уолтера, письмо которого Сорокину цитировалось ранее.

** Алексеева (в первом браке Шаховская) Людмила Васильевна (1913 Петербург – 1998). В 1928–1945 – в Чехословакии. 1945–1951 – Мюнхене, 1951–1955 – Нью-Йорке. С 1955 г. жила в Миннеаполисе. 20 лет работала в библиотеке университета. Руководила миннесотским отделом, созданного в 1973 году Конгресса русских американцев.

«Отставной профессор истории Джоржд В. Андерсон умер в понедельник утром после долгой болезни. Андерсон, 89 лет, преподавал русскую историю до отставки в 1962 году. Он родился в России. Осталась его жена Анн.

Мемориальная служба состоится сегодня в 1-30 в Mt.Olivet Lutheran Church, 5025 Knox Ave 5».⁷¹

Д. Андерсон выпускник Университета Миннесоты (Master of Arts, июль 1935; Ph.D. июнь 1946. Тема докторской диссертации «Россия в Средней Азии накануне Первой мировой войны»).

В одной из публикаций 1962 года скупо сообщается, что Андерсон родился и получил степень доктора права в России. В 1943 г. стал инструктором в Университете. В 1946 г. получил Ph.D. и с тех пор оставался на факультете, вел военные классы для армии и флота, преподавал историю мусульманских народов, а с недавних пор историю России и Восточной Европы. <...> Мисс Андерсон (тоже выпускница Университета, BA и MD.⁷²

В списке участников одной из научных конференций сказано:

«Профессор Андерсон получил степень кандидата права в Университете Санкт-Петербурга <...>. Он регулярно пишет статьи в «World Scope Encyclopedia», « Journal of Agricultural History» и другие научные журналы. Его последняя поездка на Средний Восток была в 1955 году».

В архиве Университета в «Walter Library» сохранилась катушка с записью 20-минутного интервью Андерсона (1969 год).

«Родился в Эстонии. Отец – военный. В Петербурге окончил гимназию. В университете готовил диссертацию на степень доктора юриспруденции. С 1915 г. на фронте. Трижды ранен. Затем большевистский переворот. Мой дядя медицинский начальник в Сибири. Байкал. Манчжурия. Давал уроки по русской литературе. Карачи. С 1920 г. – в США. Нью-Йорк, Кливленд. Сорокин – великое имя в истории. Гофман, Форд, Сорокин помогли мне с

карьерой. Сорокин очень, очень хороший друг. Был гений – хороший лингвист. Подобных я больше не встречал. В России мы пытались найти мою семью. Но нашли только Волгоград (при Хрущеве). Это до сих пор полицейское государство. Сталинский режим. Очень ужасная жизнь».⁷³

Для Миннеаполиса Сорокин, конечно, был необычной птицей. Местная печать часто писала о нем. Заголовки сенсационны:

**«Русские ученые встречают товарища,
считавшегося мертвым.**

Русские ученые вчера вечером вспоминали свои студенческие дни в Санкт-Петербурге, ныне Ленинград. Говорили об ужасных эскападах революции. Они встретились и приветствовали своего старого друга, который, как многие из них полагали, погиб в красном терроре 1917 года.

Делегация из 20 русских ученых* (знакомящихся с экспериментальной работой сельскохозяйственного колледжа Университета Миннесоты) многие все еще не залечившие раны нанесенные революцией, когда тысячи погибли от рук анархистов и царистов, провела дружескую встречу с лидером восстания Керенского. Многие не видели Сорокина восемь лет и считали его убитым большевиками.

Профессор Сорокин участвовал в подготовке визита ученых и тщательно спланировал день своего появления перед ними. Он знал, что многие не знают о его существовании и приготовил сюрприз.

Хотя он исчез из советской тюрьмы и прибыл в США семь лет назад профессор Сорокин не имел связи со своими коллегами, т.к. находился под запретом и его письма перехватывались русскими властями.

Гостей возглавлял доктор К.Д. Глинка из русской Академии Наук и близкий друг Сорокина.**

Несколько других русских тоже были близкими друзьями профессора Сорокина, главного помощника Керенского во время «белой» революции,

* Участники Международного конгресса почвоведов.

** Глинка Константин Дмитриевич (1867–1927) – почвовед, Академик АН СССР.

когда умеренные реформаторы отрешили царя от власти. Впервые с тех пор как он прибыл в Миннесоту несколько лет назад профессор Сорокин имел возможность говорить с русскими и получить информацию из первых рук о положении в его родной стране.

Сидя в гостиной Университетского клуба, многие из русских, включая доктора А. Лебедева, почвоведом с Украины и А. Jerivlov'a, главу русской делегации и члена Русской Академии Наук пренебрегли посещением экспериментальных станций, чтобы услышать от своего старого товарища историю его 1000-мильного бегства из советской тюрьмы к свободе.

Пожилые люди, получившие известность перед тем как революция уничтожила царя и молодые профессора, выросшие при советском режиме сидели бок о бок вчера за ланчем в их честь».⁷⁴

Сорокин избран Корреспондентом Чехословацкой Академии.

Профессор Питирим А. Сорокин из департамента социологии избран Корреспондентом Чехословацкой Сельскохозяйственной Академии* в Праге. Об этом сообщается в письме, полученном на минувшей неделе от M Hodja, чехословацкого министра народного просвещения и образования и президента Академии»

В письме, переведенном с французского языка сказано:

«...Ваше избрание сопровождалось аплодисментами всех членов академии. Академия просит Вас принять эту честь, которая предоставлена очень немногим выдающимися людям и среди которых Вы занимаете одно из первых мест».⁷⁵

...В середине января 1928 г. «Возрождение» опубликовало «отклик»** на труды Сорокина:

«Social Mobility» П.А. Сорокина, том, вышедший несколько месяцев назад, возбудил большой инте-

* Основана в 1924 г.

** Написан, вероятно, самим Сорокиным.

рес среди американских социологов и экономистов. Помимо чрезвычайно лестных газетных рецензий, ряд наилучших журналов Америки и Германии напечатали уже обширные специальные статьи по поводу книги. В ноябрьской книге «The Quarterly Journal of Economics», который редко дает рецензии даже и об экономических книгах, напечатана обширная статья проф. Гарвардского Университета «Sorokin on Mobility». Статья начинается с утверждения:

«Ни один серьезный социолог, экономист, историк и философ права не может пройти мимо этой книги и должен изучить ее с наибольшим вниманием... Она открывает новый отдел социальной науки и является прочным и перманентным вкладом в сокровищницу социальных знаний...»

Виднейший американский «социальный географ», проф. of Yale University E. Huntington свою обширную статью «Социальная пирамида» о книге Сорокина и начинает так:

«Если бы единственным последствием русской революции было прибытие проф. Сорокина в Миннесотский Университет, мы были бы многим ей обязаны». (Saturday Review of Literature, December, 3, 1927).

Патриарх американской социологии, проф. Гиддингс, в своей статье называет книгу «замечательным произведением первостепенной важности» (Saturday Review, August 7, 1927). Проф. E.A. Ross пишет о ней, что он:

«гордится тем, что сделался обладателем этого замечательного тома».

Проф. берлинского университета и редактор Zeitschrift fur Soziologie, R. Thurnwald в своей статье о книге (Zeitschrift fur Sociologie, September, 1927) характеризует ее как «серьезный вклад в науку о познании социальных явлений». New York Herald называет работу «героической», «возводящей социологию на новую высоту научного знания».

Предыдущую книгу Сорокина «The Sociology of Revolution», проф. Гиддингс охарактеризовал, как:

«наилучшее исследование психологии и механизма революции, какое когда либо было написано».

Проф. Harvard University и виднейший историк Английской Революции, Са W. Abbot, назвал «работой, с которой на один уровень можно поставить только «Происхождение Современной Франции» Ипполита Тэна и «Психологию революции» Г. Лебона.

Эта книга переведена на японский и частями на чехословацкий. Сейчас она вышла по немецки (Lehmann Verlag Munchen), в переводе д-ра Кассполя, с обширной статьей о социологических работах Сорокина. В начале января выходит новый том Сорокина в амер. издании: «Современные социологические теории». Уже наперед ряд заметок в амер. научных изданиях говорит о ней, как

«о самой замечательной книге по обществ. вопросам, которые появились и появятся за этот год».

С рукописи книга уже переводится на немецкий язык и выйдет по-немецки в 1928 году.

Испанский социолог А. Posada посвятил разбору работ Сорокина обширную главу в своей книге: «La Llama Intima». То же сделал Pr. Franc Veber, проф. Люблянского Университета в своей книге «Jdejni Femelzi Slovanskego agrarisma».

В текущем году чехословацкая земледельческая академия избрала Сорокина членом. В предыдущие годы он был избран членом Германского Социолог. Об-ва, Междун. Ин-та Социологии и т.д.»⁷⁶

В марте Е.Д. Кускова опубликовала очередную статью против Сорокина.⁷⁷

Сорокин дает сдачу:

ЛОЖНЫЕ УТВЕРЖДЕНИЯ Е.Д. КУСКОВОЙ***Письмо в редакцию***

В «Днях» Е.Д. Кускова напечатала заметку, в коей утверждает, что я, будучи в советской России, был чуть ли не в стане «преемлющих коммунизм и революцию», тогда как за границей призываю к непримиримой борьбе с большевиками. Таким образом в изображении сей «писательницы», я обрисован чем то вроде «приспосабливающегося хамелеона».

Настоящим я заявляю, что утверждения Е.Д. Кусковой, в своей сущности, абсолютно ложны. В ряду моих многих недостатков вышеуказанного недостатка я, к счастью или к несчастью, не имею.

Мою «примирительность» к большевикам в советской России Кускова доказывает тем, что я дал им подписку в том, что не буду заниматься политической деятельностью, и тем, что в своих лекциях и писаниях я даже доказывал «закономерность коммунизма».

Первое утверждение «обличительницы» формально верно. В октябре 1918 года, я был приговорен большевиками (в Великом Устюге) к смертной казни, два месяца был смертником, ежедневно ожидавшим расстрела и видевшим их. В декабре меня неожиданно увезли в Москву и здесь мне объявили, что меня освободят, если я дам подписку – не в признании власти советов, не в выдаче кого либо или чего либо, но в том, что я не буду вести политической деятельности. Так как такая подписка не наносила вреда никому и ничему, что я считаю ценным, так как моральные обязательства являются обязательствами, когда они обязывают обе стороны и когда другая сторона не является «бешеной собакой»; так как власть коммунистов я считал, и считаю, конечно, бандой мерзавцев, а мой арест и смертничество – самым тупым насилием (*vis absoluta*), я подписку дал, ничуть не сомневаясь, что подписка по отношению к банде разбойников не может меня обязывать в какой бы то ни было степени. Больше того – это для удовольствия г-жи Кусковой, – я, как и она сама, конечно, и все население России, – дал не одну, а десятки ложных

подписок советской власти: напр., в том что я не имею оружия, хотя я его имел; в том, что я не принадлежу к «контр-революционной группе», хотя я принадлежал; в том, что, помимо советского пайка: «клади зубы на полку», я не пользуюсь услугами мешочников, хотя я пользовался; в том, что без разрешения власти я не печатаю ничего, хотя я напечатал ряд статей и целый том; или в том, что при высылке я, (как и Кускова и все высланные) «обязался» без разрешения советской власти не возвращаться в Россию, хотя, каюсь, если я вернусь, я твердо намерен вернуться без – и только без – разрешения этой, с позволения сказать, власти и т.д.

Г-жа Кускова может видеть, что я, – как и она сама, и фактически, почти все население России, – «повинен» не в одной, а в десятках подписок и в самом «бессовестном» нарушении их. Мало того, я даже ничуть, ни на йоту, не стыжусь этого и если бы еще раз пришлось делать это, я сделал бы без малейшего угрызения совести. Если г-же Кусковой такое поведение угодно назвать «бессовестным», я решительно предпочитаю такую «бессовестность» и даже рекомендую ее другим – чем ее социально вредную «совестность» к «бешеным собакам» – «совестность», которой она сама не обладает.

Конечно, – и здесь центральный пункт моего «оправдания», – если бы после моих подписок, там в советской России, я вел бы себя «симпатичным паинькой» и «засыпателем рвов» по отношению к советам, а за границей, вдруг, перекрасился бы в непримиримого врага коммунистов, это действительно было бы очень некрасиво. Но вот в этом то грехе я не повинен. *И ни Кускова, и ни кто либо другой не может – абсолютно не может – указать ни одного акта, ни одной речи, ни одной строчки моей, ничего, что говорило бы о моей «примиренности» с коммунистической властью, или о «принятии» ее, или что бы то ни было в этом роде.* Если заявления Кусковой в какой бы то ни было степени имеют этот смысл, я заявляю категорически, что она лжет.

Больше того, я легко могу доказать ложность такого утверждения. Не все в Петрограде еще вымерли и тысячи лиц, начиная от профессоров и студентов Университета и кончая рабочими знают и помнят еще мое «примиренчество». Коммунисты сами, и их писания, даже самого Ленина статья, и номера «Петроград. Правды» и «Красной Газеты» за 1919–1922 гг. еще сохранились. Эти и далее упомянутые документы не оставляют ни малейшего сомнения в ложности кусковского обвинения.

Начнем с моей теории «закономерности коммунизма». Я очень жалею, что Е.Д. Кускова до сих пор, по-видимому, не выучилась понимать смысла слова «закономерность».

Если где либо разражается землетрясение или холера или чума – их наступление «закономерно», т.е. имеет соответствующие причины. Специалисты их изучают, но ни они, ни всякий здравомыслящий человек из этой «закономерности» холеры не заключает, что они должны «оправдывать», «благословлять», «принимать» ее или не мешать ее распространению или «засыпать рвы» мешающие разливу заразы.

То же самое и с «закономерностью» коммунизма и революции. Раз они случились, очевидно, на то были причины. Но из этого ничуть не следует, что мы не должны бороться с этими «социальными холерами» и должны «принимать» их. После этих разъяснений «закономерности» – в порядке «элементарной политграмоты», по-видимому, не усвоенной еще г-жей Кусковой, – ясно, что моя «закономерность» не имела и не имеет ничего общего с кусковскими «приятными» или «благословениями» коммунизма. Больше того, самая сущность моей теории «закономерности» коммунизма, полагаю, весьма неприятна для него, как и для почти всех видов социализма. Она состоит в том, что разлив и рост коммунизма и социализма, как правило, совершаются в периоды социально-политические – в периоды дезорганизации и деморализации или болезни общества, вызываемой обычно или войной или экономическим обнищанием или моральным разложением. Коммунизм и

социализм – не симптомы расцвета общества, а его болезни. Только в истощенном или подорванном, социальном организме эти «бациллы» развиваются и растут. (См. мои статьи, напечатанные в советской России в «Экономисте», ном. 1, 3, 5, 1921–1922 г. «Артельное дело», март 1922 развитые в моей «The Sociology of Revolution», «Improvisement and «Expansion of Government Control» Amer. Journal of Sociology, September, 1926, Social Mobility, N.Y. 1927, Contemporary Sociol. Theories, N.Y. 1928).

Такая теория, «закономерности коммунизма, социализма и революции» может быть принята за «оправдание их», очевидно, только не совсем уравновешенным мозгом. Больше того, если память Е.Д. Кусковой не дырява, может быть она вспомнит, что как раз «моя теория» «закономерности коммунизма» побудила даже «самого» Ленина в номере 3 коммунист. журнала «Под знаменем марксизма» (1922) вылить на меня ушат ругательств («идеолог крепостничества», «заклятый враг коммунизма», «лидер самой непримиримой части интеллигенции» и т.д.), этого «Ваньки-Каина». А про коммунистическую мелюзгу уже нечего и говорить. Она поносила меня, особенно в «Петроградской Правде» чуть не ежедневно. Нужно отдать им справедливость: эти головоотяпы, по-видимому, поняли и оценили мою теорию «закономерности» и ее смысл куда лучше, чем Е.Д. Кускова.

Но мало и этого. Будет ли эта «вина» или «заслуга», но ни Кускова, ни кто либо другой не может указать ни одного даже полупримирительного начинания разных размягченных «рво-засыпателей», в коем я был бы участником. Ни в «Прокукише», ни в разных «Чаяновско-кусковских» подобных операциях я не участвовал, был категорически против них и об этой «непримиримости» не жалею.

Мало и этого. В годы 1918–1922 я выпустил – частью с разрешения цензуры, окарнавшей мои работы, частью нелегально – четыре тома (Учебник социологии, курс общей теории права, 2 тома «Системы социологии») не говоря уже о моих статьях. Пусть г-жа Кускова укажет мне, хотя бы одну строчку в

этих работах, которая была бы, хотя бы косвенно примирительна к советской власти. И, наоборот, если она прочтет их, она найдет не мало мест в них, опубликование коих в то время – да и теперь – грозило стенкой. Недаром же, покойный академик Э.Л. Радлов, встретив меня после прочтения второго тома «Системы», приветствовал словами:

– Как, после опубликования этой книги, вы все еще живы и не расстреляны!

Недаром же эти книги были изъяты властью, а мой большой том «Влияние голода на общественную жизнь», уничтожены в процессе печатания. Может быть, мой «обличитель» знает также, что, по крайней мере, пять или шесть раз, власть приходила меня арестовывать, помимо двух арестов и присуждения к смертной казни. Вероятно, и до сих пор в петроградской чека имеется «досье», где под рубрикой «активные контрреволюционеры университета», мое имя стоит на первом месте. А мои лекции, в университете, или среди рабочих? Имеются, ведь, сотни лиц, которые могут засвидетельствовать, что они были, сплошной «контрреволюцией». Часть моих публичных речей и лекций напечатаны в том же «Экономисте», «Утре»* и др. изданиях.

Этот перечень я мог бы продолжать долго. Но не стоит. Ни писания Кусковой, ни моя персона, не стоят того.

Замечу лишь, что в Москве, в годы 1918–1922, я не читал ни одной лекции. Прочел только два доклада в заседании научного общества, где и доказывал вышеприведенную теорию факторов коммунизма, возмущившую Е.Д. Кускову, А. Чайнова и еще пару подобных «засыпателей рвов» и «советских полуэнтузиастов».

В заключение, я все же полагаю, что «намеки» Кусковой вылились из ее пера, «с кондачка», «наобум», как и многое другое, о чем она пишет на страницах разных изданий. Иначе, я принужден был бы думать о ней совсем нехорошо: хотя и сейчас я

* «Утренники» – сборники под ред. Д.А. Лутохина.

думаю, что если бы она и кой-какие другие журналисты писали бы поменьше, и шумели бы поменьше, и поменьше обличали бы других, а побольше следили бы за собой (помня: «Medice, cura te ipsum»), и они, и эмиграция, и Россия, выиграли бы больше. И «читатели» уже, наверное, относились бы более серьезно к их писаниям. Теперь же, я полагаю, масса этих читателей, относится к ним по русской поговорке: «Мели, Емеля, твоя неделя!»

С уважением.
Питирим Сорокин.⁷⁸

Сорокина в этом «споре» поддержал Александр Амфи-театров.

«Прочитал сейчас обширное письмо проф. Питирима Сорокина – ответное на обличение его г-жей Кусковой. Статьи сей последней не читал, но, по ответу, легко составить о ней понятие. Раз г-жа Кускова утверждает, что деятельность Питирима Сорокина в России, до его эмиграции, была «примиренческой», то сим уже исчерпываются и содержание и значение статьи. Г-жа Кускова могла бы с равной достоверностью сообщить почтеннейшей публике, что проф. Сорокин, проездом через Париж, украл и увез в Америку собор Нотр-Дам и вот уже который год носит его в жилетном кармане. На такие рассказы русский народ выработал выразительную ответную поговорку.

– Рассказывай бабкин сон! –

Питирим Сорокин возражает на «бабкин сон» г-жи Кусковой обширным послужным списком своего активного и пассивного противобольшевизма, ссылаясь на свидетельство «тысяч лиц, начиная от профессоров и студентов Университета (Петроградского) и кончая рабочими». Я очень мало знаю г. Питирима Сорокина лично, хотя не скрою, питаю к нему симпатию, как к ученику, другу и доверенному лицу покойного Максима Максимовича Ковалевского, чья память для меня священна. Не скажу, чтобы и за деятельность Питирима Сорокина в 1917–1921 гг. я следил с пристальным вниманием и мог бы сказать о ней

много. Знаю только, что репутация Сорокина, как отъявленного и непримиримого врага большевиков, которого только политический такт его спасает от репрессий, держалась прочно, распространенно, и влекла к нему симпатии самых разнообразных кругов общества.

Были ли репутация и симпатии заслужены?

Смею с твердостью сказать, что да, так как, помимо длинного послужного списка ныне представляемого г. Питиримом Сорокиным, я был свидетелем его яркого противобольшевистского выступления, обращенного, с совершенною публичностью не только к русскому обществу, но и к Европе, – в лице первого большевистского гостя из нее Уэллса.

Это было на пресловутом обеде, который дал в честь Уэллса петроградский «Дом искусств», с приглашением почти что всех, еще уцелевших тогда литературных сил умиравшей столицы. Обед этот подробно изложен мною в «Горестных Заметках», с пропуском некоторых имен, не подлежавших тогда оглашению, потому что носители их обитались в пределах РСФСР (СССР тогда не было). Между названными значился и Питирим Сорокин. <...>.⁷⁹

За помощью к Сорокину обращались многие русские. Известные и неизвестные. Эмигранты и подсоветские. Сохранились три письма профессора А.М. Горовцова* написанные в апреле–мае 1928 г. из Парижа:

«Спасибо за письмо. Конечно нелегко получить кафедру рядовому ученому. <...> В 1921 году я нелегально вырвался из Советской России. <...> Я слышал о Вас как о человеке от покойного М.М. Ковалевского. Знаю Вас как ученого».⁸⁰

12 августа 1928 г. Сорокин писал президенту университета Миннесоты Лоутусу Гофману:

* Горовцов Александр Михайлович (1878–27.10.1933 Париж) – выпускник юридического факультета Петербургского ун-та. До 1918 в МИДе. В 1918–1921 гг. профессор в Петербургском, Томском, Пермском, Иркутском, Киевском университетах. Специалист по международному и государственному праву. Издавал журнал «Отклики» (Петроград. 1915–1916), альманах «Трибуна» (Париж. 1922). Застрелился в Булонском лесу.

«Дорогой Президент Гофман, благодарю Вас за письмо и привет от доктора Kreinil. Хотя я не знаком с ним лично, но по его письму и рукописи, полученным мною недавно я заключаю, что он способный человек и талантливый ученый.

Конечно, я был бы рад помочь ему всем чем могу. Но, к сожалению, мои возможности в этом отношении очень ограничены. Во-первых, характер его статьи таков, что она может быть опубликована только в научных, а не популярных журналах. Вы хорошо знаете, что американские научные журналы не платят гонораров. Поэтому успешно решить эту проблему невозможно. Во-вторых, тема его статьи – анализ теорий доктора Р.Пирла* о населении уже очень много обсуждалась в США. Трудно найти журнал, который дал бы значительное место статье.

Зная, что эта тема обсуждалась значительно меньше в немецкой литературе и что немецкие журналы платят за опубликованные статьи небольшой гонорар я посоветовал ему отправить статью в один из двух немецких социологических журналов и написал их редакторам, моим друзьям – доктору R. Thurnwald (Берлинский университет) и доктору L. von Wiese, с просьбой принять статью.

Это все что я мог сделать. Я желаю и буду помогать в организации его приезда в США и поиске работы, которая дала бы ему возможность продолжить его научные исследования, но я не знаю как он может выехать из России и получить разрешение на выезд в США.

Я ценю Вашу доброту, заботу и память о нем.

Надеюсь, что Ваше путешествие в Европу и Россию было интересным, приятным и полезным. Если в связи с возможной публикацией результатов Ваших исследований русских проблем я могу быть Вам полезным для перевода русских источников или каким-либо другим образом, то, конечно, буду рад помочь всем чем могу.

Примите еще раз мою благодарность за Вашу подлинно гуманную заботу о докторе Kreinil.

**Искренне ваш,
П. Сорокин.⁸¹**

* Пирл (Pearl) Раймонд (1879–1940) – статистик, демограф. В 1928–1931 годах президент Международного Союза исследователей проблем населения.

Публицистика в русской эмигрантской прессе на американской «социологической» производительности не сказывалась:

**Университет Миннесоты
Колледж науки, литературы и искусства
Миннеаполис
Отделение социологии**

20 января 1928 г.

Мой дорогой профессор Блаха!*

С большим удовольствием посылаю Вам дарственный экземпляр моей недавней книги «Современные социологические теории». Прошу рассматривать ее как знак моего особого уважения. Я буду чрезвычайно благодарен, если Вы найдете время просмотреть книгу и высказать свои критические замечания в виде рецензии. Книга уже переведена (с рукописи) на немецкий язык (под редакцией Р. Торнвальда, Берлинский университет). Позвольте Вас попросить после ознакомления с книгой отослать ее на некоторое время профессору В. Сметанке (Прага – Карлин, Строймайерова, 3). Он хотел бы изучить ее. Поскольку американский издатель не имеет авторских экземпляров и мне приходится покупать книги за свой счет, я не могу себе позволить посылать слишком много дарственных книг своим друзьям. Отсюда – примите мои извинения. Вам будет интересно узнать, что немецкий перевод моей «Социологии революции» появился несколько дней назад.

**С наилучшими пожеланиями,
остаюсь искренне Ваш
П. Сорокин**

* Блаха Арношт Иноценц (1879 Krasnov, okr. Pelhrimov – 25.04.1960 Brno). С 1922 г. профессор социологии в университете им. Масарика в Брно. Создатель журнала «Социологическое ревю». Член Международного института социологии с 1924 г. В 1925 г. лидер Прогрессивной партии. Председатель социологической секции при Чешской Земледельческой Академии с 1926 г... В 1938 г. основал и возглавил Философский союз в Брно. Академик Чешской Академии наук с 1946 г. После коммунистического переворота вышел на пенсию в 1949 г.

**Университет Миннесоты
Колледж науки, литературы и искусства
Миннеаполис
Отделение социологии**

1 марта 1928 г.

Мой дорогой профессор Блаха!

Благодарю Вас за доброе письмо и дружескую оценку моей книги. Рад узнать, что Вам удалось найти в ней нечто стоящее. Я буду весьма благодарен, если Вы сочтете возможным послать мне Вашу рецензию (после издания) на эту книгу. Нет нужды говорить, что я с величайшей готовностью учту все, что Вы скажете о книге. Как Вы поживаете и как идет Ваша работа? Судя по разного рода периодике, я могу сказать, что Вы трудитесь очень напряженно и плодотворно.

Сейчас я вместе с профессором Циммерманом заканчиваю первый том нашей работы «Население города и деревни, миграция и взаимоотношения». В связи с моим исследованием я хотел бы получить экземпляр Вашей книги о социологии города и деревни. Если у Вас есть лишний экземпляр, то я буду весьма благодарен – пришлите его, пожалуйста, мне.

Немецкий перевод «Социологии революции» уже готов, и я рассчитываю, что к началу следующего года выйдет и немецкий перевод «Современных социологических теорий» под редакцией Р. Торнвальда.

**С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш
П. Сорокин⁸²**

Между тем в СССР о Сорокине не забывал и в своем стиле напомнил в «Правде» наследник «Ваньки Каина» – Сталин:

«Разве не ясно, что VIII съезд партии целиком и полностью подтвердил лозунг Ленина, провозглашенный в его статье против Питирима Сорокина, как лозунг, которым обязана партия руководствоваться в своей работе в деревне за весь нынешний период социалистического строительства?

В чем состоит соль лозунга Ленина?»⁸³

И так далее... Вплоть до приписывания слов Данте Карлу Марксу...

Внутрипартийная борьба в компартии к концу 20-х годов достигла предела... Главный враг Сталина Троцкий разгромлен и в начале января 1928 г. отправлен в ссылку в Алма-Ату. 10 февраля 1929 года выслан из СССР.

В 1928 г. Питирим Сорокин выступил, как мы видели, с призывом к террору. Ему резкой статьей ответил С.П. Постников*.⁸⁴

В 1929 г., когда Троцкий сидел под арестом на Принцевых островах Сорокин обратился к президенту Гофману с шутивным предположением: пригласить Льва Троцкого выступить на общеуниверситетском собрании:

«Хотя Троцкий и выслал меня, мы теперь оба товарищи по несчастью, так что я был бы рад представить его университетской аудитории».⁸⁵

Предложение было отвергнуто...

Резкий удар по Сорокину нанес своей 15-строчной рецензией на «Социальную мобильность» в «Американском социологическом журнале» (март 1928) Эндрю У. Линд.

Сорокин приуныл, но не зря в предисловии к «Социальной мобильности» он выразил благодарность за помощь дюжине американских социологов. Один из них – профессор из мичиганского университета Чарлз Кули написал письмо редактору «American Journal of Sociology» профессору Эрнесту Берджесу.** Текст письма Сорокин целиком привел в своих воспоминаниях. Вместе с письмом Кули к себе:

«Апрель 20, 1928 года

Дорогой профессор Сорокин!

Я написал записку профессору Бёрджесу с протестом против рецензии на Вашу книгу в последнем номере «Американского социологического журнала». Мне думается, Вам будет интересно ознакомиться с ней, поэтому, соответственно, вкладываю копию.

Искренне Ваш

Ч.Х. Кули

* Статья Постникова не найдена.

** Burgess Ernest Watson (1886–1966) – в 1915–1957 – профессор социологии Университета Чикаго.

Апрель 20, 1928 года

Профессору Э.У. Бёрджесу

Дорогой профессор Бёрджес!

Не помню, чтобы я часто выполнял какие-либо функции советника-консультанта журнала, каковым являюсь, но, возможно, таким исполнением своих обязанностей явится выражение моих чувств в настоящее время: рецензия на книгу Сорокина «Социальная мобильность» в мартовском номере достойна сожаления. Вероятно, Вы считаете так же, и, вероятно, просто не смогли получить мнение более компетентного или менее предвзятого рецензента. Так как я сам постоянно отказывался от рецензирования, то, возможно, мне и не пристало выражать свое неудовольствие. Но есть и другие люди, пишущие рецензии, а уж если рецензировать, то с умом и честно. Не лучше ли было вовсе не давать отклика на эту книгу, чем посвящать ей такую поверхностную, а следовательно, презрительную заметку. Без сомнения, эта книга, будучи солидным и умным научным трудом, выполненным в фундаментальной области социальной теории, *сравнима с лучшими работами по социологии в мире.** Как должен чувствовать себя автор, если такая книга получает такую рецензию в ведущем журнале?

Я бы сам написал что-нибудь корректное по поводу этой книги, но весной болел и только сейчас готовлюсь первый раз выйти из дома.

Искренне Ваш
Ч.Х. Кули⁸⁶

«Эпизоду» с рецензией Сорокин посвятил в воспоминаниях целых две страницы:

«Письмо Кули для меня было особенно значимым, поскольку ранее я встречался с этим выдающимся социологом только один раз, и протест редакции был заявлен им исключительно по собственной инициативе, без каких-либо просьб или жалоб с моей стороны»⁸⁷

* Выделено П.А. Сорокиным.

Сорокин действительно высоко ценил Чарлза Кули:

16 сентября 1927.

Дорогой профессор Кули,

большое спасибо за присылку мне Вашей книги «Lite and the Student». Вчера и сегодня я имел несколько часов подлинного наслаждения при ее чтении.

Я храню отдельно от всех остальных моих книг небольшое количество таких как: Schopenhauer's «Aphorisms», Pascal's «Thoughts», Confucius' Analects, some of Plato's «Dialogues», несколько работ Montaigne, M. Aurelius' «Thoughts» и так далее. (Вполне несочетаемая смесь различных книг).

Когда я устаю от «научной» работы и хочу принять «умственную ванну» я беру одну из этих книг и прочитываю несколько страниц. Я рад, что коллекция таких книг увеличилась еще на одну – «Lite and Student». Я собираюсь поставить ее не среди «социологических» учебников и монографий, а к тем, которые содержат человеческую мудрость и глубоко проникают в суть вещей.

Из этого видно, что я думаю о Вашей книге. Я рад, что она у меня есть и счастлив получить ее от Вас.

Из моих работ, опубликованных на английском языке может сложиться впечатление, что я ничего не вижу кроме сухих и неизбежно ограниченных в их когнитивной ценности цифр и фактов. Тем не менее это не так.

И вышеупомянутая привычка показывает, что по моему мнению, одна страница книг, подобных названным, очень часто много более научна и показательна, чем дюжина различных научных трактатов вместе взятых.

**Искренне ваш,
П. Сорокин.⁸⁸**

Ответ Сорокина на письмо Кули от 20 апреля 1928 г.

23 апреля 1928.

Мой дорогой профессор Кули –

трудно выразить адекватно как глубоко я тронут Вашим письмом. Если я скажу, что оно более ценно для меня чем сотни позитивных рецензий в журналах, то это только отдаленно выразит мои чувства. Нет необходимости говорить как я Вам благодарен. Не потому что я чувствителен к рецензии в «Амер. социологическом журнале». Я ее предвидел и говорил несколько месяцев назад некоторым преподавателям здесь (профессор К. Циммерман, О. Данкан, Чарлз Андерсон), что такая рецензия может быть опубликована в «Ам. соц. ж.» и почему. И когда рецензия появилась мое предвидение оправдалось на 100 процентов. (Я не знаю почему, но доктор Park* не любит меня и поэтому мог предвидеть его действия).

После серьезных испытаний в России, я не обращаю внимания на различные «рецензии» и пытаюсь писать честно и независимо от того нравятся или нет мои взгляды публике и отдельным индивидам.

Тем не менее, я глубоко тронут Вашим письмом, потому что, как Вы хорошо знаете, я считаю Вас одним из нескольких великих ученых, а также джентльменом, ученым, гражданином и человеком. Ваше письмо еще раз подтвердило это.

Еще раз с уважением благодарю.

Искренне ваш
П.Сорокин⁸⁹

Если Эндрю Линд из Гавайского университета опубликовал 15 строчек⁹⁰ на 559-страничную «Социальную мобильность», то индиец В.К. Sarkar в своей книге посвятил 4 страницы «**антибольшевистской интерпретации советской трансформации России**» в Сорокинской «Социологии революции».⁹¹

Кроме Берджеса редакторами Чикагского «Американского журнала социологии» в 1928 году были:

Ellsworth Faris

* Park Robert Ezra. (1864–1944) – преподавал социологию в университете Чикаго. В 1925 г. стал президентом Американского социологического общества. Совместно с Е. Берджесом написал «Introduction to the Science of Sociology» (1921).

Robert E. Park
Marion Talbot, Emeritus
Frederick Starr, Emeritus
William Fielding Ogburg
Ernest W. Burgess
Fay-Cooper Cole
Edvard Sapir
Louis Wirth
Robert Redfield
Herbert Blumer

Контратака Сорокина на чикагский журнал закончилась полной победой. Уже в июльском номере «АЖС» появилась полновесная 6-страничная «более адекватная» (как сказано в примечании от редакции) рецензия на «Систему социологии». Написал ее по просьбе редакции Rudolf Heberle из Кембриджа, Массачусетс...⁹²

Елена Сорокина вспоминая годы в Миннесоте писала о муже:

«Он был очень популярен среди аспирантов, поскольку во время лекций всегда вдохновлял независимость мысли, поощрял дискуссии <...> Многие американские ученые получили свой первый импульс от сотрудничества с Питиримом»⁹³

1928 год закончился докладом Сорокина на съезде Американского Социологического общества в декабре. В журналистском отчете под сенсационным заголовком «**Бэббиты – необходимы, говорит университетский социолог**» читаем:

Чикаго. 27 декабря.
Выступая в защиту «Бэббитов» профессор П.А. Сорокин социолог из университета Миннесоты, заявил здесь сегодня, что они должны быть смешаны в пропорции 1000 к одному с Генри Л. Менкеном или Джордж Бернارد Шоу»⁹⁴

§9.

Письма В.Н. Сперанскому, Е.П. Ковалевскому. Переписка с С.Г. Пушкаревым

П.А. Сорокин – В.Н. Сперанскому*

18 февраля 1929 г.

Дорогой Валентин Николаевич,
только что получил Вашу книгу и спешу сердечно поблагодарить Вас за память обо мне и за Вашу любезную присылку Вашего труда. В ближайшее время я намерен прочесть ее внимательно и заранее предвкушаю и пользу, и удовольствие от этого чтения. Целое столетие как будто уже прошло с того времени, как мы виделись с Вами в последний раз в Царском, с его пайками, кониной и прекрасными тенями великолепной роскоши старого режима...

Как Вы живете? В газетах я читаю время от времени о Ваших лекциях, но это, конечно, не говорит много. Был бы чрезвычайно рад получить от Вас весточку о Вашем житье-бытье и работе.

О себе и жене скажу, что, хотя до сих пор мы и не перешли в американское подданство, но вошли в американскую жизнь корнями и живем не эмигрантской, а, так сказать, нормальной американской жизнью (что не означает, что мы перестали быть русскими! Наоборот). Оба профессорствуем: я в этом, а она в небольшом Hamline University в этом же городе (около 800 000 душ). Работаем оба много. Она печатает свои исследования в американских ботанических журналах, я извожу бумагу на разных языках в виде книг, обычно выпускаемых по-английски, а потом чудно переводимых на другие языки, и в виде статей в социологических журналах – американских, немецких, французских и даже японских. За пять лет бытия здесь я выпустил четыре больших тома, пятый – в печати, а трехтом-

* Сперанский Валентин Николаевич (1877 Москва – 1957 Париж) – правовед, историк философии профессор юридического факультета Петербургского университета. Преподаватель Сорокина еще по Психоневрологическому институту.

ная работа, порученная мне теперь Министерством земледелия Америки, в процессе писания. Итог этих «писаний» тот, что я заработал «репутацию» и числюсь среди «великих королей» социологии. Словом, научная и преподавательская работа идет успешно. Материально, в смысле жалованья (но не наследных капиталов), я сейчас обставлен лучше, чем 90% американских профессоров (здесь, как Вы знаете, университеты платят «кому надо по делам»: чем более университет дорожит профессором – тем больше он платит, иначе профессор уйдет в другой университет). Сижу пока здесь, так как и люди, и обстановка Minnesota нравятся. Отклонил много предложений. Но сейчас начинают сманывать университеты вроде Harvard'a. Если предложат очень заманчивые условия (в конце марта еду туда для ряда лекций среди graduate classes и переговоров), может и перекочую.

Здоровье и прочее пока что в порядке. Сердечный привет от нас обоих Вам и Вашей супруге.

Будьте здоровы и благополучны.

Ваш П. Сорокин⁹⁵

«Пятый в печати» это – «Principles of Rural – Urban Sociology» (Принципы сельско-городской социологии). Том в 652 страницы написан совместно с молодым профессором университета Миннесоты К. Циммерманом, который стал пожизненным другом Сорокина и одним из первых американских популяризаторов его социологических теорий. Оба выросли в сельской местности. Карл Циммерман в деревеньке с населением в 300 человек в Штате Миссури. В 1914 г. закончил Westminster College Fulton, Missouri, Ph.D. получил в университете Миннесоты в 1925 году...

П.А. Сорокин – Е.П. Ковалевскому*

8 марта 1929 г.

Дорогой Евграф Петрович,

Спасибо за Ваше милое письмо. Что касается Биккерманского сборника с Вашей прекрасной статьей (и другие статьи очень хороши) я уже имел

* Ковалевский Евграф Петрович (1865 Петербург – 14.03.1941 Медон, под Парижем) – юрист. Член III и IV Государственных Дум от Воронежской губернии. Племянник М.М. Ковалевского.

и распространил 8 экземпляров этой книги среди видных американцев. Больше того: Биккерман написал мне, что может выслать бесплатно до 600 экз., и просит указать организации, которые взяли бы на себя наиболее целесообразное распространение книги среди американских влиятельных лиц, газет, организаций и т.д. Я дал ему адреса, и, когда книги будут высланы, они будут весьма целесообразно распространены и, конечно, будут сочувственные отзывы в печати и т.д.

Очень рад, что Вы и Ваша семья здоровы. С большой радостью слышал и читал о научных успехах младших Ковалевских. «Хорошая порода и кровь» дают себя знать.

Я и жена живем all right. Она подвизается на поприще ботанических исследований и профессорствует в Hamline University, я – в социологии. Эти годы пришлось упорно работать, но работа дала свои плоды, и потому она не в тягость. На английском «Сельская социология» выйдет в течение ближайших трех месяцев. Я буду рад прислать Вам экземпляр книги. Трехтомная «Сельская социология» продвигается, и в течение ближайших 18-ти месяцев я надеюсь закончить ее. Кстати, не могли бы Вы справиться при случае – получило ли «Возрождение» мои книги: «Social Mobility», «Contempor. Social Theories» и «D.Sociologic and Revolution» (перевод с английского). Около 6 мес. назад я послал эти книги «Возрождению», но не только отзыва, но даже упоминания в списке полученных книг редакцией не было. Был бы очень признателен Вам за эту справку. Через неделю буду в Harvard University читать специальный курс для Harvard graduate students и пару докладов для профессоров по специальному приглашению, что считается здесь большой честью.

Передайте мой сердечный привет Вашей супруге и всей семье.

Будьте здоровы и благополучны.

С искренним уважением

П. Сорокин⁹⁶

В Гарварде Сорокин встретился с Михаилом Карповичем, который с 1927 г. (по рекомендации М. Ростовцева) преподавал там русскую историю.

9 апреля 1929 г. Карпович в письме Георгию Вернадскому иронизировал:

«Здесь были Сорокин и Мартинович* <...> Сорокин подавил меня своей важностью, <...> около двух часов рассказывал лишь о своих успехах, о количестве (потрясающем!) написанных им книг и статей, о том, что какая-то его книга переведена даже на бенгальский язык и т.д...»⁹⁷

По воспоминаниям Карла Циммермана Сорокин был «always in a hurry». «Принципы...» были только частью большой работы из трех томов, которые они закончили уже к 1927 г. Сама работа возникла из их совместного семинара. Денег на подготовку трех томов не было. Сократили до одного. Но и на один том не хватило. Выручил старый друг Циммермана – Eduard C. Lindeman с женой. Дали 500 долларов.

«Я взял деньги и вернулся в Миннеаполис, где вместе с Сорокиным купил две, первые в университете, портативные пишущие машинки»⁹⁸

В «Предисловии» к «Принципам...» авторы выразили благодарность за помощь в размере 500 долларов персоне, «которая предпочла остаться неизвестной публике».

С потребностью Сорокина писать многочисленные статьи и книги ясно, с молодым Циммерманом еще яснее:

«Это была мечта жизни – опубликовать книгу с моим именем на ней. Меня не заботило будет ли кто ее читать»⁹⁹

После публикации «Принципов...» из Министерства сельского хозяйства от Чарза Гэлпина** поступило пред-

* Мартинович Николай Николаевич (1883 Петербург – 18.09.1954 Нью-Йорк) – востоковед. Профессор Петроградского университета. Трижды арестовывался ЧК. В 1922 г. бежал в Финляндию. С 1924 г. в США в Колумбийском университете преподавал историю Средней Азии.

** Galpin Charles J. – в 1919–1934 гг. руководил Division of Farm Population of Rural Lite US dept of Agriculture.

ложение все-таки подготовить и опубликовать работу в полном виде.

Статью для русского «раздела» книги Сорокин, по рекомендации Г. Вернадского, попросил написать живущего в Праге С.Г. Пушкирева.

Сорокин – Пушкиреву

**Department of Sociology
the Training for Social and Civic Work**

**University of Minnesota
College of Science, Literature, and the Arts
Minneapolis**

2 февраля 1930

Глубокоуважаемый Сергей Германович!

Для трехтомной работы: «Source Book in Rural Sociology», изготовляемой мною теперь, желательна небольшая статья: 8–9 печатных страниц о политических организациях и движениях русского крестьянства в течение XX-го века, примерно с 1905 г. по сей день.

Статья должна дать общую – схематическую картину:

1. Политические организации и партии, связанные с крестьянским движением (Крестьянский Союз, Социалисты-Революционеры, также Всероссийский Совет крестьянских депутатов etc.), их основные цели, программные принципы и достижения или результаты.

2. Основные этапы, причины, характер и пути крестьянских движений и борьба за время революции, до данного времени.

Г.В. Вернадский сказал мне, что Вы могли бы написать такую статью. Она, естественно, должна быть свободна от пропаганды и должна иметь, насколько возможно, объективный и научный характер. Указанная трехтомная работа представляет: систематический курс сельской социологии, где каждый отдел состоит из основательного введения к проблеме отдела и из ряда статей, предположительно наилучших статей, написанных

авторитетами разных стран и переведенных на английский язык.

Словом вторая часть каждого отдела представляет своего рода научную хрестоматию. Работа эта выполняется мной по поручению Американского Министерства сельского хозяйства и будет напечатана в виде трех больших томов (800–900 страниц каждый) в 1930–1931 гг.

Если Вы чувствуете себя компетентным дать такую статью и склонным написать ее (она, конечно, пойдет под Вашим именем), я был бы очень рад.

Был бы очень признателен Вам, если бы по получению сего письма Вы сообщили мне немедленно, возьметесь ли Вы за нее или нет.

С искренним уважением П.А. Сорокин.

P.S.

Если Вы вообще следили и работали в этой области, я полагаю, такая статья, без деталей, не отнимет от Вас много времени.¹⁰⁰

Пушкарев – Сорокину

Глубокоуважаемый Питирим Александрович!

Посылаю Вам обещанную статью и надеюсь, что почта доставит Вам ее как раз к назначенному Вами сроку – 1 апреля.

Вопреки Вашему (и моему собственному) предположению она потребовала от меня не мало времени и труда, в течение целого месяца. Писал-то я и переписывал ее всего 3–4 дня, но 3–4 недели почти целиком потратил на собирание материалов, которых у меня набралась целая гора – свыше 150 страниц (!) выписок из источников и пособий и множество газетных вырезок (из собственного газетного «архива»). Конечно, я видел, что в пределах такой маленькой статейки я не могу использовать большинство собранного мною материала, но, встретившись со столь важной и значительной темой, я не мог ограничиться беглым перелистыванием «попадавшихся» мне книг и брошюр. Однако должен признаться откровенно, что в конце этой работы мне стало жалко себя, ибо «гора» моих

материалов (прежних и новых) родила только «мышь» в виде этой маленькой статейки, и потому я решил обратиться к Вам с довольно бесцеремонной просьбой: не можете ли Вы повторить свой «заказ» на ту же тему, только не на 10–12, а на... 50–60 страниц! Может, Вы нашли бы возможность поместить в каком-либо другом издании подобную статью. Ведь темы, которых она касается, так интересны и значительны... А эта моя статейка кратка и конспективна и, быть может, потому недостаточно «вразумительна» для иностранных читателей. Что касается специальных русских терминов, как «отрубники», «хуторяне», «наделы» и т.п., то я не стал писать для них специальных объяснений, ввиду чрезвычайной ограниченности отведенного мне бумажного «надела». А сверх того, потому что Вы лучше меня решите, какие именно из этих и подобных терминов должны быть снабжены объяснительными примечаниями и какого характера должны быть эти последние.

Что касается общего характера и главного содержания моей статьи, как видите, в ней немалое место занимает, кроме чисто политического элемента элемент социальной (или как пишут советские писатели, «расстановка классовых сил»), а также правительственные мероприятия относительно крестьянского класса.

<...> собственно политических движений российского крестьянства и его широкой политической организации до сих пор, по-моему, еще не было! Те движения, которые мы наблюдали до сих пор, это были или импульсивные реакции на непосредственные раздражения, или великое недоразумение (как аграрное движение и аграрный переворот 1917–1922 гг.). Создать массовую политическую организацию российского крестьянства есть задача будущего. Я «позволил себе» отметить это в заключительных фразах своей статьи. Если Вы найдете это замечание «неуместным», то можете его вычеркнуть, так же как и вообще вычеркнуть те слова или фразы, которые покажутся Вам излишними или «тенденциозными»). И вторая «просьба» к Вам, еще более неожиданная, и мне думается, «бесце-

ремонтная»!, что именно Вам, в сотрудничестве с Иваном Васильевичем Емельяновым*, надлежало бы подготовить теоретическое обоснование для программы такой подлинно крестьянской партии в будущей России. А мы с Г.В. Вернадским могли бы быть Вашими «техническими сотрудниками» по части исторического обоснования и разработки исторических материалов.

Конечно, это «дело великое», как говорили в старину, и требовало бы особых разговоров, пока же я ограничиваюсь этим кратким и предварительным «проектом».

Только у меня к Вам на будущее время еще одна просьба: если мое сотрудничество Вам когда-нибудь понадобится, то отпускайте мне, пожалуйста, «порции» времени побольше. Во-первых нам европейским недотепам не угнаться за Вашими бешеными американскими темпами, а второе, у меня есть обязательная и постоянная работа, подготовка русского отдела огромного общеславянского историко-юридического словаря, подготовляемого к печати Чешской Академией наук.

Теперь, например, я отстал от своей работы почти на месяц и должен «нагонять» этот месяц с диким напряжением. Конечно, я мог бы написать Вашу статью и сразу, но это бы тогда – «взгляд и нечто», а такого рода «сочинения» не в моем вкусе и не в моих правилах. Между прочим, ради этой статьи мне пришлось познакомиться с Вашим старым «соратником» Е.Е. Лазаревым. Заведующий библиотекой Русского исторического архива в Праге С.П. Постников сообщил мне, что у Е.Е. Лазарева есть весьма важная для моей темы книга Н.Я. Быховского: «Всероссийский Совет крестьянских депутатов 1917 г.». Книга была выпущена в СССР, но затем была конфискована и теперь ее невозможно достать, Лазареву же ее прислал сам автор. Я отправился к Лазареву, взявши Ваше письмо, и выпросил у него на несколько дней драгоценную книгу. Он долго колебался, давать ли мне ее, но Ваше письмо мне помогло! Потом, когда я в

* Профессор И.В. Емельянов с 1927 г. жил в США. Профессор Рутгерского университета (штат Нью-Йорк) и глава кафедры сельскохозяйственной экономики. Автор статьи «Кооперация в сельском хозяйстве» во втором томе «Source Book...».

назначенный день и час возвратил ему эту книгу, он был очень доволен, благодарил (!) меня и сказал, что я «единственный русский человек (sic!), который исполняет свои обещания...»

С искренним уважением С. Пушкарев

P.S.

Если моя статья будет напечатана, то очень прошу Вас выслать мне пять экземпляров ее оттисков, хотя бы не оброшюрованных, а просто соответственный печатный лист (или листы). Разумеется, хотелось бы и мне ознакомиться с Вашим трудом, если это не будет Вам слишком «накладно», пришлите мне, пожалуйста, хоть один оттиск принципиально наиболее важный Вашей статьи.

Сорокин – Пушкареву
University of Minnesota
College Of Science, Literature, and the Arts
Minneapolis
Department of Sociology
and
the Training Course for Social and Civic Work
8 апреля 1930 г.

Глубокоуважаемый Сергей Германович! Ваша статья – в моих руках. Исключая очень небольшие сокращения (вызванные тем, что соответст. вопросы трактуются в особых статьях), статья будет переведена и напечатана во втором томе: «Source Book».

Беда лишь в том, что написали Вы ее почти вдвое длиннее, чем я просил. Но как-нибудь устрою, чтобы вместить ее. Я понимаю Ваше сожаление по поводу краткости статьи – в виду важности темы и богатства материала – но поделаться ничем не могу: Source Book посвящена не России и не политическим движениям только, посему больше места уделить нельзя.

Если в будущем представится случай для издания Вашей длинной статьи – я, конечно, поставлю Вас в

известность. Пока же я не вижу такого издания, где такая длинная статья могла бы быть напечатана.

Что касается Вашего дружеского «второго» предложения: – соорудить теоретическое основание для подлинно-крестьянской для подлинно-крестьянской партии – предложение очень заманчиво, но едва ли исполнимо: для этого надо быть в России, и нужна соответствующая обстановка. Сидеть же здесь и заниматься этим делом, не ведая, будет ли возможность применить программу – это похоже на составление разных «платформ и программ», которыми и без того кишмя-кишит заграничная Россия. Пока что уж лучше делать то, что возможно, актуально и имеет узкую значимость в данное время. Кроме того, я не уверен, что такая важная задача мне по силам.

Пушкарев – Сорокину

30 апреля 1930 г.

Глубокоуважаемый Питирим Александрович!

Прежде всего приношу Вам глубокую благодарность за благоприятное отношение к моей статье и за предоставленную ей Вами почетную возможность появиться во 2-м томе редактируемой Вами монументальной работы.

Простите, что огорчил Вас «преувеличенными размерами» своей статьи. Признаю себя виноватым, но прошу о снисхождении по двум причинам: первая – материальная – множество столь разнообразного материала было почти невозможно втиснуть в назначенные мне рамки, а вторая – формальная: я представлял себе размеры печатных страниц Вашего издания большими, чем они оказываются в действительности, и потому не думал, что превышение назначенных размеров статьи окажется столь велико. Еще раз спасибо Вам, что Вы примирились с «чрезмерностью» моей статьи и решили вместить ее в общие рамки Вашего издания. Спасибо Вам и за обещанный гонорар. На «нашу» (т.е. чешскую) валюту в долларах не такая уж малая сумма, это – целый костюм, а Вы понимаете, как много зна-

чит в нашей переполненной условностями жизни возможность приобрести приличный костюм.

Жаль мне, что Ваши американские издательства не дают оттисков статей. Здесь в Чехии, повторяю, типографии дают охотно и за гроши «вольные листы» – без особой пагинации и брошюровки, – но если это в Америке неосуществимо, то уж сделайте милость, постарайтесь прислать мне экземпляр соответственного тома (с моей статьей).

Теперь несколько слов относительно будущей Российской аграрной теории. Конечно, не мне Вас учить и не мне Вам навязывать какие-либо работы или их направление. Но позвольте все же сделать на Ваши слова возражение исторического характера. Оказавшаяся вредоносной, однако чрезвычайно влиятельной, теория Маркса была создана им именно в эмиграции и, так сказать, в период затишья – между революциями. Плодотворная и полезная теория будущего русского аграрного движения и аграрного строя, по-моему, тоже должна быть подготовлена в промежутке между двумя великими российскими переворотами. Неизвестно, когда и как совершится переход России к иным – достойным формам общежития великого народа, но, во всяком случае, теоретические факелы, которые должны будут освещать этот трудный и шероховатый путь, должны были бы быть зажжены «заблаговременно». Ибо периоды горячей политической и социальной борьбы – не время для серьезного и глубокого теоретизирования. С другой стороны, в настоящее время мертвящего «затишья» в России живущий там несчастный советский «гражданин» (!) имеет гораздо меньше возможности теоретизировать, чем Вы, живя в Америке. Там вообще подвергнуты остракизму все теории, между тем как называть «ленинизм» теорией можно лишь с большой натяжкой. Ибо, по существу, Ленин был только гениальный упрости́тель методов овладения чужой собственностью, а такого рода методология едва ли заслуживает названия теории. Между тем, русский зарубежник, живущий вне пределов действия «ленинизма», имеет возможность изучать не только историю и социологию, но и текущую российскую,

точнее СССР-скую действительность – хотя бы по данным советской печати (иных данных нет ведь и у советского обывателя). А что мы непосредственно не переживаем и не испытываем тех чувств и настроений, которые волнуют или подавляют в данный момент массу сов. обывателей, – так ведь теории, рассчитанные на века, не могут обосновываться на мимолетных и переменчивых настроениях (ловить и учитывать настроения – дело будущих практических политиков). Наконец, по личному вопросу. Конечно, в этом деле Вам и «книги в руки»: с необходимыми для этого субъективными свойствами (не хочу их конкретизировать, чтобы мои слова не имели видимости комплиментов), Вы соединяете правильность направления, по которому идя можно найти нужную России равнодействующую социальных сил, ибо направление это должно быть далеким как от мертвых (для России) и совершенно бессильных идей прошлого (вроде «легитимизма»), так и от утопических проектов построения «нового мира», предназначенных для каких-то фантастических существ, лишенных всяких человеческих свойств и даже животных чувств (ведь, напр., парная семья, выращивающая своих детенышей, свойственна даже и части животного мира) и неизбежно вырождающихся в действительности в нелепо-кошмарные формы «шигалевщины» (в пророческом предвидении Достоевского).

Всего лучшего желаю Вам, глубокоуваж. П.А.

Искренне Вас уважающий
и готовый к (литературно-
историческим) услугам.

P.S.

Заведующий библиотекой Русского исторического заграничного архива в Праге С.П. Постников просил передать Вам его пожелание, чтобы в приложении к моей статье было упомянуто, что я при своей работе пользовался источниками из названной б-ки. О чем представляю на Ваше «благоусмотрение».

Сорокин – Пушкареву
University of Minnesota
College of Science, Literature, and the Arts
Minneapolis
Department of Sociology
and
the Training Course for Social and Civic Work

16 мая 1930

Глубокоуважаемый Сергей Германович!

Спасибо за Ваше письмо. [...]

Ваши соображения по аграрной теории и эмигрантских идеологах довольно правильны. Во всяком случае – они правильны вообще (не в применении ко мне). Но вот какую оговорку надо внести сюда: мы часто не знаем, какое применение будет дано той или иной теории, часто теории, специально созданные для определенной цели, оказываются отброшенными жизнью, и часто теории, созданные без этой определенной цели или с совершенно другой целью, оказываются подхваченными жизнью.

Ведь и Marx не предвидел очень и очень многих «применений» его теории.

Вот я и побаиваюсь насчет жизненности многих специально созданных программ и теорий современной эмиграции. Вы сами правильно отмечаете их мертворожденность. Возьмите для примера «политические портняжества» публицистов из «Современных записок», «Последних новостей», часто из «Возрождения», etc. Стоят они не много, хотя и выглядят all right на бумаге.

Вот я полагаю, что в наших условиях те из нас, кто имеет прямое научное дело, должен делать его. Делая его, мы кое-чему учимся. Кое-что кристаллизуется. Подхватит или нет жизнь эти «кристаллизации» для ряда политических целей, это неизвестно. Если подхватит – all right, если нет – беда небольшая, работа сделанная не пропадет как научная работа. Таким образом, время и силы не будут пущены в трубу или не выльются в бесплодное «шитье программ», которых никто не будет «носить».

Вышеизложенное – не есть проповедь аполитизма. Если бы настало время активную политику делать, мы бы стали ее делать по мере сил и разумения. Оно означает «наиболее плодотворный метод использования энергии каждого из нас». Например, если бы за эти годы я занимался только созданием и пропагандой платформ (неизбежно «снижение» во многих пунктах), я уверен, я играл бы ту же роль, которую играют здесь наезжающие из Европы наши «политики», вроде Слонима, Мансветова, В. Чернова, даже Керенского и Милюкова – роль оратора на нескольких митингах, которые никакого серьезного значения и влияния не имеют. Между тем, в результате моих «академических работ», «между прочим» мне приходится давать советы многим «инструментальным» лицам и учреждениям здесь (по тому же русскому вопросу), которые, несмотря на их «private character», вероятно, имеют больше значения, чем все митинги наших политиков вместе взятых. Это одна из иллюстраций того, что я хочу сказать.

С самого момента прибытия за границу я, после некоего размышления, решил: чтобы иметь некое значение в заграничной обстановке, а также чтобы быть независимым от всяких давлений, я должен создать себе прочную базу, чтобы жить, и некий престиж, чтобы влиять.

Для этого для меня есть лишь один путь: научная работа. Это решение привело к тому, что я решил «на авось» ехать в Америку, т.к. она обещала возможность достать научную работу, чтобы жить и работать нормально. Хотя у меня здесь и не было никого из «покровителей», тем не менее, мне удалось «зацепиться здесь». Сначала было очень трудно.

Теперь, после шести с половиной лет, я стою на своих ногах. Не завишу ни от каких субсидий. Могу не считаться ни с какими организациями и свободно выражать, что я думаю. Имею некий научный, а с ним, как простое следствие, некий политический престиж. Встречаясь «запросто» с влиятельными лицами в политической государственной и экономических сферах, неформально влияю и значу

кое-что. Ту же линию, пока обстоятельства не изменятся, я намерен держать и дальше. Причем полагаю, влияние, за пределами науки, прогрессивно растет и будет расти по мере роста научного престижа. А там увидим, если придет время, когда нужно будет «выехать в открытое политическое море», полагаю, я смогу это сделать и снабдить мою лодку довольно влиятельной «машиной». Возможно также, что довольно большое число лиц и учреждений заходят поддержать не меня, а то дело и те цели, которым я хочу служить. Словом, для «флота будущего водителя России» и наших будущих – подлинных лидеров – я смогу быть тогда хорошим солдатом и внести в их большое дело и мою посильную лепту.

А пока что линия поведения должна быть та же, коей я держался и раньше. На этом пути кое-что я как будто начал понимать, кое-что изучил. Надеюсь увеличить это понимание и изучение. По мере сил буду работать, трудиться, исполнять свой долг, не терять совести, а остальное – воля Бога и судьбы.

Кто знает, быть может, вместе с Вами и другими думающими людьми когда-нибудь в будущем мы будем конкретизировать результаты нашего изучения и работы для их осуществления будущими водителями русского народа. А пока, раз «трубный глас» еще не звучит, будем продолжать наше изучение и улучшать наше понимание «мистической» и мало «понятной» динамики общественной жизни.

Будьте здоровы и благополучны. Упоминание библиотеки заграничного архива излишне, и по условиям невыполнимо.

Жму руку.
Ваш П. Сорокин.

P.S.

Я, конечно, слежу за Россией. Читаю регулярно и «Известия», и «Правду», и журналы, и книги Советской России. Сейчас, например, я имею, вероятно, лучшую в Америке частную коллекцию книг и работ по аграрному вопросу (и старых и большевистских авторов).

P.S.

Ближайший учебный год я надеялся провести в Европе, как «Sabbatical year» (после шести лет седьмой год – вакантный в Американских университетах). Но мой переезд в Harvard нарушил этот план. Harvard, естественно, не может дать Sabbat Year без службы. Условились, что получу его через два года там (зачтут четыре года Minnesota).

Возможно, однако, что на лето 1931–32 гг. переду в Европу. Тогда может быть, увидимся.

P.S.

Отзвуки моей работы здесь начинают все больше и больше доходить до Европы. В январских, февральских книжках «Revue Intern. De Sociologie» (1930 г.) можно найти большую статью о моих последних двух томах. Zeitschrift fur psychologie und Soziologie с мартовского номера сделают меня соредактором. В только, что вышедшем чешском «Sociologicka Revue» тоже уделили некое внимание мне. Недавно в испанском «Nacion» и Buenos-Aires'овском «Mercurio» напечатали большие статьи о моих работах. Японский журнал социальных наук и этики печатает уже в течение полутора лет серию статей редактора о моей социологии и т.д. Как видите, кой-что, по-видимому, дает работа. И «подобные примеры» начинают расти быстрее и быстрее.

«Source Book» – третий том близок к концу. Печатание его трех томов, по-видимому, займет время, 1-й и, возможно, 2-й том появится в том году. 3-й, вероятно, в 1931 г.

Надоела она мне порядком, и я рад, что скоро сброшу ее с плеч долой. Ближайшие годы планирую посвятить работе над «Социальной динамикой» и «Экспериментальной социологией». [...]

С искренним уважением.

П. Сорокин.

30 января 1929 г. декан и председатель The University of Minnesota Press Committce Г.С. Форд писал президенту Л.Д. Гофману относительно «Source Book»:

«Профессор Сорокин несомненно сделает основную часть работы. Он уже приступил к ней со своей обычной интенсивностью и скоростью. Он предполагает сделать ее в 18 месяцев»¹⁰¹

Сорокин сделал быстро. И так же быстро университетское издательство их опубликовало... Том I – 1930. Том II – 1931. Том III – 1932. В 1995 году их можно легко купить в многочисленных букинистических магазинах Миннеаполиса...

Уже в первом томе на титульном месте Сорокин значился как профессор социологии Гарвардского университета. Два других редактора: Carle Zimerman и Charles Galpin. Том посвящен памяти Теодора Рувельта, сэра Horace Plunkett'a и Liberty Hude Baily. Среди ученых, которым выражена в предисловии благодарность один русский – доктор Николай Кондратьев из Московского сельскохозяйственного исследовательского института...

Из русских имен: **Ключевский, Кропоткин, Ковалевский, Поляков*** (Формы владения в Китае), **Туган-Барановский, Ленин, Коврайский** и **Нусинов** (Динамика изменений внутри крестьянских хозяйств), **Чупров, Преображенский** (Дворцовое поместье Богемии в XV и XVI столетиях), **Ростовцев, Маклаков** (Крестьянский вопрос в русской революции), **Прокопович** (Советское правительство и крестьянство), **Сорокин** (Последовательность изменений в советской сельскохозяйственной политике и новая аграрная революция).

В предисловии выражена благодарность также доктору **Václav Smetanká** из Чехословацкой Академии сельского хозяйства. Из чехословацких авторов в первом томе: **Holeček** (Старая славянская деревня).

Второй том. Русские: **Черненко, Кубынин, Феноменов** (3 статьи), **Чаянов, Макаров, Емельянов, Гернет, Пушкирев** (2 статьи), **Кизеветтер, V. Smetanka** специально для тома написал статью «Аграрная партия в Чехословакии: ее история, современная организация, программа и успехи».

Я. Хюнерсон** – «Эстонская аграрная партия»
Тилманис – «Латвийский крестьянский Союз».

* Поляков Александр Сергеевич (1906 Москва – 1940 Якутия) – историк китаевед. Умер в ссылке.

** Hünerson Яан (1882 Каркси – 5.VI. Свердловская обл.) – агроном, государственный деятель Эстонии. Расстрелян в Северо-Уральском лагере.

М. Ш. (Михаил Чубинский) – «В деревне карпатских гор» (перепечатано из парижской газеты «Россия и славянство» (1930. №60).

Третий том. Русских нет. **Кондратьев, Чаянов** арестованы еще 1930-ом. Из Чехословакии – **А. Блаха** «Крестьянская психология».

Еще в 1926 году Сорокин с женой начали процедуру вступления в американское гражданство. «Присягу на верность» США они приняли 16 июня 1930 года. Свидетелями были Джордж Андерсон и Карл Циммерман. Документы о натурализации Сорокиных сохранились. По ним устанавливается адрес Сорокина в Миннеаполисе: 50 Delaware St. S.E.¹⁰²

В 1930 г. имя Питирима Сорокина впервые появляется в справочнике «Кто есть кто в Америке»...

1 сентября 1930 г. в «Нью-Йорк Таймс» была опубликована рецензия на «Принципы»...

В этот же день Сорокин приступил к преподаванию в Гарвардском университете.

В воспоминаниях 1963 года он пишет:

«Приезд в Гарвард подытожил важный период в нашей жизни и открыл в ней новую страницу»¹⁰³

Из Миннеаполиса в Кембридж они приехали на собственной машине...

Едет в Гарвард, но думает о будущей России...

С.П. Мельгунов пытался сплотить политическую эмиграцию. Сорокин – академическую...

В письмах В.Г. Коречневскому* от 27.07.1929 и 22.04.1930 он писал:

«Я следил за Вашей работой по созданию «Делового Центрального объединения». Для меня нет вопроса в том, что оно очень нужно. Поэтому я, конечно, с Вами. С этой же точки зрения я приветствовал и приветствую создание такого центра (для Америки), о котором я писал в письме

* Коречневский Владимир Георгиевич (1880–1959 Лондон) – бывший профессор Военно-медицинской академии. С 1920 г. жил в Великобритании.

Ломшакову.* Если бы в ряде стран такие центры создались, то объединить их общей «надстройкой» – «федеральным центром» – оказалось бы очень легко. Во всяком случае много легче, чем сразу создать такой центр. Это, однако, не значит, что надо ждать пока такие центры создадутся. В Европе такой общий центр надо создавать немедленно – Общеввропейский. А потом слить Европейский и Американский центры будет легко».¹⁰⁴

В университете соседнего с Миннеаполисом Сент-Пола работали русские эмигранты: ботаник Левин, лесовод Зон...¹⁰⁵ Еще больше русских ученых было в Чикаго...

Всего, по данным С.И. Метальникова** в различных университетах и научных центрах в Северной Америке работало около 200 русских ученых.¹⁰⁶

Кому как не достигнувшему мирового научного Олимпа Питириму Сорокину было возглавить «федеральный центр» русской научной эмиграции...

И еще о Максиме Максимовиче Ковалевском и его учениках.

А.В. Амфитеатров окончивший юридический факультет Московского университета в 1885 году вспоминал:

«Любили – и если не носили на руках, то лишь потому, что поднять его было невозможно, – любили Максима Ковалевского. Необычайно жива в моей памяти его огромная, тучная фигура с красивым лицом умницы и вивера; его речь – спешная, немного лающая, немного захлебывающаяся, смешливая и любезная, целый фейерверк имен, цитат, остроумия, хохота, едких замечаний á propos, а часто и прямых плевков в партию политического мракобесия, забравшего в ту пору большую силу под последним нажимом катковской педали. Я не знаю примера памяти, более обширной, чем память Ковалевского. Он шутил читал наизусть страницы английского, итальянского, испанского, шведского

* Ломшаков Алексей Степанович (1870–1960 Прага) – бывший профессор СПб Политехнического института. Член ЦК партии кадетов. С 1921 г. председатель Союза русских академических организаций за границей.

** Метальников Сергей Иванович (1870 Симбирская губ. – 1946 Париж) – бывший профессор зоологии СПб Университета. С 1920 г. работал в институте Пастера в Париже.

текста: он владел всеми без исключения европейскими языками с тою же свободой и легкостью, как русским. Огромная начитанность, стремление передать слушателям как можно больше даже шли в ущерб систематическому значению его лекций: курс его был труден. Когда Ковалевский готовился к своим лекциям, просто непостижимо: это был человек общества в полном смысле слова; он жил широко и открыто, бывал ежедневно в театрах, концертах, его можно было встретить всюду. А между тем, не считая лекций, вряд ли кто в молодой русской юридической науке написал столько огромных по объему и разносторонних по содержанию работ, как незабвенный Максим Максимович...»¹⁰⁷

От того Московского университета ничего не осталось... Были С.А. Муромцев, А.И. Чупров, В.О. Ключевский, будущий сэр Павел Виноградов, А.А. Кизеветтер, Максим Ковалевский... Много имен...

Через 20 лет Амфитеатров встретился с Ковалевским уже в Париже. Через четверть века вспоминал:

«Этого чудного человека я «обожал» еще с университетских лет, когда он читал нам историю государственного права и иностранных законодательств. А в парижские годы я был влюблен в него до готовности следовать за ним в огонь и воду. Есть у меня опасная способность этак самозабвенно «врезаться» в талантливую человека, много раз наказанная разочарованием, – бывало, что до вражды. Но любовь к М.М. Ковалевскому я сохранил навсегда, и его имя – одно из немногих, истинно дорогих мне в отжитом прошлом. Еще недавно позволил я себе смелость посвятить его памяти мою книгу «Заря русской женщины» (Белград, 1930): часть труда, начатого когда-то по совету Максима Максимовича, с его подбадривающе веселым понуканием».¹⁰⁸

В Париже Амфитеатров был лектором, основанной Ковалевским Русской высшей школы социальных наук.

Под влиянием Ковалевского вступил в масонскую ложу «Космос»...

Амфитеатров упоминает, что одним из лекторов этой школы, и тоже масоном, был видный деятель армянского освободительного движения:

«...доктор Иван Захарович Лорис-Меликов*, племянник знаменитого фельдмаршала и изобретателя «диктатуры сердца». Один из милейших людей, мир его праху. Тогда он состоял ассистентом Мечникова в Пастеровском институте, и тесно дружил с М.М. Ковалевским, – кажется, был и секретарем его. Жил трудно, скучно, почти бедствовал, но без уныния, всегда в духе и «в надежде славы и добра».¹⁰⁹

...В списке членов масонской ложи «Максим Ковалевский» (1926. Белград) видим знакомые имена:

Аничков Евгений,
Чубинский Арсений, доктор,
Чубинский Михаил, доктор,
Марушевский Владимир,
Салтыков Николай, доктор,
Таубер Леонид.¹¹⁰

В воспоминаниях А.Я. Столкинда читаем:

«Профессоров М.М. Ковалевского и И.И. Иванюкова за статью в газете «Страна» приговорили к двум месяцам тюремного заключения, несмотря на защиту профессора уголовного права М.П. Чубинского...»¹¹¹

В современной РФ за статьи убивают и авторов и адвокатов...

* Лорис-Меликов Иван Захарович (1862 Тифлис – 1931 Франция) – доктор медицины. Помощник Ковалевского по газете «Страна». Один из членов-учредителей вместе с П.А. Сорокиным Русского Социологического общества имени М.М. Ковалевского (Петроград. 1916). Список чл. РСО (62 человека) см.: Юрий Дойков. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 1. Архангельск. 2008. С. 235–236.

Примечания

1. См.: Ross Edward. Seventy years of it. An Autobiography. New York. London. 1936. P.242.
2. Росс – Сорокину. Письмо от 4 августа 1923 // The Edward A. Ross Papers. The State Historical Society of Wisconsin.
3. Сорокин – Мак-Кракину. Письмо от 5 ноября 1923 // TheHenry Noble MacCraken Paper-s: Box 99, Folder 15. Special Collections Vassar College Libraries.
4. См.: Сорокин – Харперу. Письмо от 12 ноября 1923 // The Samuel N. Harper Papers. The University of Chicago Library. Box 10. Folder 32. Переписка Сорокина с Харпером за 1923–1930 годы хранится в 10, 11, 12, 13, 14 боксах.
5. Pitirim Sorokin. Borah's injury to Russia. Identifying the People With Soviet Government Makes Matters Worse. To the Editor of the New York Nimes // New York Times. Jan. 7. 1924.
6. Сорокин П.А. Дальняя дорога... С.169.
7. Harper Samuel. The Russia I beleive in. University of Chicago Press. Chicago. Illinois. 1945. P.170.
8. См. также: Дойков Ю.В. Эпистолярное наследие П.А. Сорокина. Переписка с С. Харпером // Социологические исследования (Москва) 1996. №1.
9. Письма Сорокина Лутохину хранятся в личном фонде Д.А. Лутохина (Ф.592. Д.239) в ИРЛИ (Пушкинский Дом). См. также: Юрий Дойков. Две судьбы (Питирим Сорокин и Далмат Лутохин) // «Важская область» (Шенкурск. Архангельская область). 1992. июнь №6(22). С.17–31).
10. Письмо М.И. Ростовцева – А.В. Тырковой-Вильямс от 16 ноября 1921 г. // Скифский роман. М., 1997. С.485.
11. Переписка П. Сорокин – Э. Росс находится в «The Edward A. Ross Papers» в The State Historical Society of Wisconsin.
12. Сорокин П.А. Дальняя дорога... С.162.
13. Письма Сорокина Шаловалу хранятся в Киеве в ЦГАВО. (Ф.3563. Оп.1. Д.200). Там же хранится и русский вариант «Социологии революции» Сорокина, значившийся в 1997 году как «рукопись неизвестного автора».
14. Ф. 3563. Оп.1. Д.120. (Дневники) Л.10, 11 // ЦГАВО Украины (Киев)
15. Сорокин П.А. Дальняя дорога... С.138
16. Там же. С.134.

17. Новое об И.П. Павлове. Письмо великого физиолога американскому писателю Истману // Посев (Франкфурт на Майне) 1955. №47 (498) 20 ноября. Перепечатано из французского журнала «Прев» (Орган Конгресса в защиту культуры №47). «Прев» и «Посев» напомнили читателям, что Павлов всегда был **«ярким противником коммунистической власти и никогда этого не скрывал»**. Впоследствии его «переделали» но ведь это факта не меняет...
18. Ф.259 (Павлов И.П.) Оп.2. Д.798. Л.1–1 оборот (Автограф) // Архив С.-Петербургского филиала Архива РАН.
19. Там же. Д.976. Л.6–6 оборот (Автограф).
20. Duggan Stephen. A Professor at Large. New York. The Macmillan Company. 1943. P.209/
21. См. образцы: работы Ю.В. Яковца, Н.А. Григорян, А.О. Бороноева, etc. В 2005 г. в С.-Петербурге издана книга: И.П. Павлов: достоверность и полнота биографии (Сост. Ю.А. Виноградов и др.). Название многообещающее, но...
22. См.: Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. Отв. ред. А.О. Бороноев. СПб., 2000.
23. Иезуитова Л.Н. «Слово о гибели Земли Русской А.М. Ремизова в газете «Воля народа» // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Отв. ред. А.М. Грачева. СПб., 1994. С.74.
24. Recht Chartes. Refugee Psychology // The Nation. (New York) 1924. November 26. Vol. CXIX. №3099. P.577.
25. Johnston Barry. Pitirim A. Sorokin... P.35.
26. Soviet Requests Sorokine's Return // The Vassar Miscellany News (Poughkeepsie. N.Y.) 1924. V.8, №24. P1. January 19)
- 26a. Sorokine Pitirim. The Passing of Lenine. // Current History. (New York. N.Y.). 1924. Mr. Vol.19. P.P. 1012–17. Русский перевод см. в первом томе «Биографии».
27. См.: Ульяновкина. «В целях сохранения национальной русской науки» (история Русской академической группы в США) // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. №1. С101–102. Список учредителей РАГ сохранился в фонде К.М. Оберучева (Р-5930) в ГАРФе.
28. P. Sorokin. A Letter to Frank K. Walter 1925, Feb. 5 // Frank Keller Walter Papers // University of Minnesota Archives/ (MPLS. MN).
29. An Expert's Opinion of Russia of the Present. Visiting Russian Professor Grant Interesting Interview to Alumnus. // The Michigan Alumnus (Ann Arbor. Michigan) 1924. May 8. Vol. XXX №28. P.884.
30. Сорокин Питирим. Дальняя дорога... С.163.

31. Sorokin Pitirim. The New Soviet Codes and Soviet Justice. // Michigan Law Review. 1924. November. Vol. XXIII. P.38, 40, 41, 52.
32. Sorokin, Pitirim. Russian Annals. // The Saturday Review of Literature. 1924. Dec. 20. P.398.
33. Зильбург Григорий (Zilboorg Gregory) (1890 Киев – 1959) – психиатр, психоаналитик. В 1917 г. – секретарь в Министерстве труда Временного правительства. С 1919 г. в США. Автор книг, в том числе «Психология преступления и наказания» (1954). В архиве Э. Росса в Мэдисоне сохранилось письмо к нему Г. Зильбурга от 22 февраля 1922 года: **«Я ученик М. Ковалевского – врач. Как Вы, вероятно, знаете, окончил Психоневрологический институт. Хочу написать заключительную главу к книге Ковалевского «Современные социологи» (период 1909–1920 гг.). Хочу обменять мой русский диплом на американский MD. Хочу поступить в Колумбийский университет и получить MD одновременно с американским гражданством. Мне 31 год. Я был членом кабинета Керенского. Уже опубликовал книгу на английском языке».**
34. Sorokin, Pitirim. A Challenge to Utopians // The Saturday Review. 1925. Feb. 7. P.507.
35. Sorokin, Pitirim. Russia Now and Later // Ibid. 1925. July 18. P.915
36. Sorokin, Pitirim. One Disillusionment More // Ibid. 1925. Oct. 24. P.237.
37. Sorokin, Pitirim. The Russian People // Ibid. 1925. Dec. 19. P.431.
38. Sorokin, Pitirim. Russian Annals // Ibid. 1926. January 30.
39. Sorokin, Pitirim. How to Write Short Stories // Ibid. 1927. Sept.27. P.133–134.
40. The Land of Lunacy // The American Mercury. 1925. January. Vol.IV. №13. P.127.
41. Sorokin. Pitirim. Russia of Today // Архив автора.
42. Доклад кн. Л.В. Урусова // Возрождение (Париж) 1926. 10 апреля. Цит. по: Российский Зарубежный съезд. 1926. Париж. Документы и материалы. Под общей редакцией А.И. Солженицына. М., 2006. С.579–580.
43. Доклад председателя Американской организации помощи Г. Гувера президенту США о работе АРА в России. 10 июля 1922 г. // Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926. Под ред. Г.Н. Севостьянова и Дж. Хэзлема. М., 2003. С.235.
44. Там же. С.236.
45. Там же. С.236.

46. Sorokin Pitirim. Contemporary Russia || The Yule Review. 1926. Vol.XV. P.597–600.
47. Сорокин Питирим. Письмо другу о России // Борьба за Россию (Париж) 1927. 26 ноября. №53. С.2–7.
48. Сорокин Питирим. Второе письмо другу // Борьба за Россию (Париж) 1929. 26 января. №114. С.2–6.
49. Сорокин Питирим. Третье письмо другу // Борьба за Россию (Париж). 1929. 9 февраля. №116. С.2–5.
50. Sorokin Pitirim. Letter to Wsevolod Isajiv. December 5. 1955 // Копия в архиве автора.
51. Профессор М. Лазерсон. Двойной юбилей Л.И. Петражицкого // Сегодня (Рига). 1927. 12 апреля. №83.
52. Там же.
53. Sorokin Pitirim. Russian Sociology in Twentieth century // Papers and proceeding. Chicago: Published for the American Sociological Society by the University of Chicago Press. 1906–1928. (Publication of the American Sociological Society. Vol.XXI. (1926). P.62–63.
54. Сорокин Питирим. Социальная мобильность. М., 2005. С.139.
55. Sorokin Pitirim. Social and Cultural Mobility. NY. 1959. P.1. Foreword.
56. Путин Владимир. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 2005. 25 апреля // Российская газета. 2005. 26 апреля.
57. Ильин И.А. Собрание сочинений. Дневник. Письма. Документы (1903–1938). Сост. и коммент. Ю.Т. Лисица. М., 1999. С.200.
58. Сорокин Питирим. Американская демократия и доморощенная псевдодемократическая мягкотелость // Возрождение (Париж) 1927. 31 августа.
59. Берберова Нина. Курсив мост. Автобиография. М., 1996. С.646.
60. Переписку «Сорокин – Саломон» (1925–1932). См.: Salomon Gottfried Papers в IISH. (Амстердам).
61. Солсбери Гаррисон. Сквозь бури нашего века . Воспоминания. М., 1993. С.255. Salisbury Harrison E.A. Journey for Our Times. A Memoir. 1983. P.247.
62. Цит. по: Althouse Ronald. The International Career of F. Stuart Chapin: An Examination of the Development and Contribution of Pluralistic Behaviorist. A Thesis Submitted to the Faculty of the Graduate School of the University of Minnesota. In Partial Fultilment of the Requirements. For the Degree of Doctor of Philosophy. June, 1964. P.106.
63. Ibid. P.106.

64. Martindale Don. The Romance of A Proffession. A case History in the Sociology of Sociology. Hew Delhi: India Second Edition. 1986. P.62. First Edition – 1976. St. Paul. MN.
65. Цит. по: Льюис Синклер. Собрание сочинений в 9 томах. Том 7. М., 1965. С.361, 373.
66. Simirenko Alex. Pilgrims, colonists, and frontiersmen. An ethnic community in transition. London. 1964. P.53.
67. Holmquist June Drenning. They chose Minnesota. A Survey of the State's Ethnic Groups. St. Paul. 1981. P.413.
68. Ibid. P.413.
69. Gray James. The University of Minnesota. 1851–1951. The University of Minnesota Press. Minneapolis. P.3.
70. Сорокин Питирим. Дальняя дорога... С.161.
71. Retired Russian History professor died Monday. // Minneapolis Daily. 1985. April 17.
72. Fifteen faculty members // Alumni news. The University of Minnesota. 1962. June. P.12.
73. Anderson Georg Waldemar. (1895–1985) Interviewed on his life and his teaching experience in Departament of History at University of Minnesota. 1968. June 7. // Архив университета Миннесоты. Tape Recording. 388. Reel 30.
74. Russ scientists, here, meet chum given up as dead. // Minneapolis Journal. 1927. July. 18. P.11.
75. Sorokin Elected Correspondent to Czecho-Slovakian Academy // The Minnesota Alumni Weekly 1927 May 14. Vol.26. №28. P.456.
76. Новые работы П.А. Сорокина // Возрождение (Париж) 1928. 12 января. №954.
77. Кускова Е.Д. Бывший и настоящий Питирим Сорокин // Дни (Париж) 1928. 5 марта. №1359. С.2.
78. Сорокин Питирим. Ложные утверждения Е.Д. Кусковой. Письмо в редакцию // Возрождение (Париж) 1928. 6 марта.
79. Амфитеатров Александр. Листки // Возрождение (Париж) 1928. 16 марта.
80. Черновики писем А.М. Горовцова П.А. Сорокину // ГАРФ (Москва) Ф.6095 (А.М. Горовцов) Оп.1. Д.85 (17 листов).
81. Sorokin Pitirim. Letter to Lotus Delta Gofman. 22 august, 1928 // President Gofman Papers. Box 25. Russian trip folder. 1927–1935. University of Minnesota Archive. (Minneapolis. Minnesota).

82. Fond A. Bláha // Ústředni Archiv československé Akademie Věd. (Прага). Цит. по: «Социологические исследования» (Москва) 1992. №9. С. 145–147. Публикация В. Поданы (ученый секретарь Архива АН ЧР).
83. Сталин И. Ленин и вопрос о союзе с середняком. Ответ тов. С. // «Правда» №152. 3 июля.1928 г. Цит. по: Сталин И. Вопросы ленинизма. Издание одиннадцатое. М., 1947. С.198.
84. Показания С.П. Постникова чекистам в 1945 г. // ЦА ФСБ РФ.
85. Сорокин Питирим. Дальняя дорога... С.169.
86. Там же. С.164–165.
87. Там же. С.165.
88. Sorokin Pitirim. Letter to Charles Cooly // Charles Cooly Collection. Box №1. Bentley Historical Library. The University of Michigan. (Ann Arbor. Michigan).
89. Ibid.
90. См.: The American Journal of Sociology. The University of Chicago Press. Illinois. Vol.XXXIII. P.347.
91. См.: Sarkar Benoy Kumar. The Political Philosophies Since 1905. Madras. 1928. P.P.293–296.
92. См.: AJS 1928. Vol.XXXIV P.P.219–225.
93. Sorokin Elena. My life with Pitirim Sorokin. Reprinted from «International Journal of Contemporary Sociology». 1975. Vol.12. №1–2. P.24.
94. Babbits Are Needed, Says U. Sociologist // The Minneapolis Journal. 1928. Dec. 27. P.13. Column.4.
95. Цит. по: П.А. Сорокин – В.Н. Сперанскому 18 февраля 1929. Публикация Голосенко И.А., Копаневой Н.П. // Социологический журнал (Москва) 1991. №1. С.190.
96. Цит. по: П.А. Сорокин – Е.П. Ковалевскому. 8 марта 1929. Публикация Голосенко И.А., Копаневой Н.П. // Там же. С.191. Оба письма хранятся в фонде «Общества охранения русских культурных ценностей в архиве Международного института социальной истории в Амстердаме.
97. Письмо М.М. Карповича Г.В. Вернадскому // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University. G. Vernadsky Collection. Box 3. Цит. по: Сорокина М.Ю. Круги жизни Николая Мартиновича – ученого, дипломата, эмигранта // Репрессированные этнографы. Выпуск 2. Составитель и ответственный редактор Д.Д. Тумаркин. М., 2003.С.363.
98. Zimmerman Carl C. How I became a rural sociologist. 1965. P.22. Manuscript // Архив университета Миннесоты.

99. Ibid. P.21.
100. Переписка П.А. Сорокина и С.Г. Пушкарева. См.: ГАРФ. Ф. Р-5891 (Пушкарев Сергей Германович).
101. Ford Gay Stanton. A Letter to L.D. Gofman. January 30, 1929 // Архив Университета Миннесоты. University Press. 1922–1931.
102. Pitirim Sorokin. Helen Sorokin. Hennepin County District Court Naturalization Records, Volume 158 // Minnesota Historical Society. Research Center. MPLS. MN.
103. Сорокин Питирим. Дальняя дорога... С.174.
104. Профессор В.Г. Корчевневский. Отчет в организационной деятельности по устройству делового объединения Русской эмиграции. Представлен V съезду Русских Академических организаций за границей. Приложение 1. // Труды V-го съезда русских академических организаций за границей в Софии. 14–21 сентября 1930. Часть 1. София. 1932.
105. Новиков М.М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Опыт введения в русскую эмигрантскую научную библиографию. Прага. 1935. С. 37.
106. Там же.
107. Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Том 1. М., 2004. С. 119.
108. Там же. Том 2. М., 2004. С. 146–147.
109. Там же. С. 149.
110. Nenezic Zoran D. Masoni u Jugoslaviji. (1764–1980). Beograd 1984. 1-e изд. Стр. 59.
111. Столкинд А.Я. Памяти О.О. Грузенберга // О.О. Грузенберг. Очерки и речи. Нью-Йорк. 1944. С. 8.

Содержание

От автора	3
§1. Переписка с С. Харпером (1923–1930)	4
§2. Переписка с Д.А. Лутохиным (1924–1925)	33
§3. Переписка с Э. Россом (1923–1930) и Н.Е. Шаповалом (1924–1929)	46
§4. Два письма И.П. Павлову (1927). 20 антибольшевистских статей в «Воле народа» (1917)	65
§5.	
а). Письма Мак-Кракену (1924–1925)	71
б). Семь рецензий в «The Saturday Review of Literature»	77
в). «Россия сегодня». Лекция Сорокина в «Ротари клуб» (3 окт. 1924. Миннеаполис. Миннесота)	83
г). «Современная Россия» («Jale Review». 1926)	90
§6. Три «Письма другу о России» («Борьба за Россию». 1927, 1929)	94
§7.	
а). «Юридический кружок Петражицкого» (СПб. 1910)	115
б). «Американская демократия и доморощенная псевдо-демократическая мягкотелость»	118
в). Переписка с Г. Саломоном (1925–1927)	126
§8. «Ложные утверждения госпожи Е.Д. Кусковой». Письмо в редакцию «Возрождения» (1928)	133
§9. Письма В.Н. Сперанскому, Е.П. Ковалевскому. Переписка с С.Г. Пушкаревым	156
Примечания	177